

Андрей Гривцов

**К последней
инстанции**

Москва

МАСКА

2021

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Г82

Г82 Андрей Гривцов
К последней инстанции. М.: ИПЦ «Маска», 2021 – 248 с.

ISBN 978-5-6047093-3-7

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Г82

ISBN 978-5-6047093-3-7

© Андрей Гривцов, 2021

Единственная надежда

— Сергей Сергеевич, вы моя единственная надежда. Умоляю: помогите мне!

Эти «Сергей Сергеевич» и «последняя надежда» адвокат Ярцев слышал в различных интерпретациях столько лет, сколько специализировался на защите по уголовным делам. А лет, надо признать, он своей профессии отдал уже прилично и потому несколько очерствел в эмоциях. Нет, он, конечно, сопереживал всем своим подопечным. Совсем без переживаний в адвокатуре работать невозможно. Но свои чувства он давно старался держать при себе. Работе это никак не помогало, а даже скорее мешало. Изучать дела, готовить возражения, спорить со следователями и прокурорами нужно было с холодной головой.

Впрочем, этот случай уже с самого начала несколько выбивался из разряда рядовых. Во-первых, клиентом была женщина. Ярцев не любил клиентов-женщин. Они всегда излишне эмоциональны, их мотаает из стороны в сторону, каждый день они готовы к принятию разных решений, что очень вредит защите. Во-вторых, женщина была пожилой, а сейчас, в минуту острого переживания, выглядела еще старше. В-третьих, она давно и тяжело болела. И, в-четвертых, она была действительно ни в чем не виновата. К адвокатам в основном обращаются люди невиновные, почему-то ставящие себе задачу убедить в

собственной невиновности именно своего адвоката. Опытному адвокату, впрочем, достаточно полуслова, первых пояснений, нескольких документов, чтобы выставить клиенту точный диагноз: не договаривает, доказательства вины имеются, а перспективы полного оправдания отсутствуют вовсе. Это не значит, что в таких случаях Ярцев отказывал клиенту в защите. Нет, он просто мягко и тактично, как хорошо умел, объяснял слабость озвученной позиции, нажимал на какие-то психологические точки и вежливо объяснял, что эта позиция не умна, а для выработки другой лучше довериться и рассказать адвокату все. Как правило, работало. Но здесь Ярцев из первых же слов и документов понял, что эта рыдающая и просящая о помощи женщина совершенно точно не виновата в том преступлении, в котором ее хотели обвинить. Защищать полностью невиновных очень тяжело. Они плохо смиряются с осуждением, а современные российские судьи никого или почти никого не оправдывают. Осуждение невиновных Ярцев, несмотря на выработавшуюся с годами внешнюю черствость, переносил по-прежнему крайне плохо, всякий раз после такого приговора ругался на самого себя, болел, грозился бросить неблагодарную профессию и даже позволял себе выпить лишнего, хотя по здоровью это ему было категорически запрещено.

— Елена Анатольевна, не надо так убиваться. Доказательств вашей вины я не вижу, а это в вопросе победы уже полдела; в конце концов, вы всего лишь свидетель, и если мы вместе хорошо поработаем, то в этом статусе и останетесь в деле, — так успокаивал он ее и в данном случае вполне верил в то, что говорил.

— Сергей Сергеевич, спасите. Второго обыска я не переживу, — рыдала она, — это такой позор, такой удар по карьере, по семье, мне ведь еще дочек поднимать, одна только на работу устроилась, другая — институт заканчивает. Как вы думаете, сколько мне дадут, если что? И можно ли без тюрьмы обойтись?

Он недовольно фыркнул. Все подопечные очень любят этот вопрос: сколько дадут. Ну откуда ему знать? Разве он судья, которому выносить приговор? Но говорить что-то было надо, и он всегда отвечал одинаково. Так он ответил и ей:

— По вашей статье максимальное наказание — шесть лет лишения свободы, но на наказание и вообще на приговор влияет множество факторов. Повторяю, вы свидетель и должны в этом статусе остаться. Давайте работать.

Но она, конечно же, не успокаивалась, а только рыдала, всхлипывала, громко сморкалась в сильно надушенный платок и умоляла помочь. Тяжелый, очень тяжелый клиент.

Впрочем, она была действительно невиновной, доказательств не было, а потому правовую позицию такому опытному адвокату, как Ярцев, было выстроить совсем не сложно. И она выстроилась весьма удачно. На все неудобные вопросы следователя были даны грамотные ответы. Очные ставки прошли успешно, все показания Елены Анатольевны соответствовали показаниям тех, кто изначально был настроен ее оговаривать. Дополнительных доказательств не прибавилось (Ярцев знал, чувствовал, что их и не могло прибавиться), и следователь со временем потерял уверенность в скором предъявлении обвинения и направлении дела в суд. Изменилась

и Елена Анатольевна. Пожилая, умирающая от страха дама куда-то пропала, а на ее место заступила приятная женщина средних лет, которая держалась в кабинете адвоката с уверенным достоинством и даже стала говорить о причитающемся ему гонораре успеха. Гонорары Ярцев, как и любой нормальный адвокат, конечно же, любил, но с объявлением полного и безоговорочного успеха, по старой и осторожной привычке, не спешил. Он был слишком опытен и в своей профессии видел всякое.

Прошло несколько месяцев. Елена Анатольевна ему не звонила. Следователь пропал. А других дел у адвоката было столько, что он иногда забывал фамилии всех следователей и судей, с которыми вынужден был взаимодействовать. Государство тем летом было особенно активно в борьбе с экономической преступностью. В борьбе почему-то страдали люди случайные, а иногда и совсем невиновные, но кого и когда это смущало. Ярцеву же, как мы помним, заниматься философскими размышлениями о репрессивной уголовной политике государства было некогда: он защищал, защищал, защищал. И о существовании Елены Анатольевны подзабыл. В четверг вечером он сидел на работе и изучал материалы совсем другого дела. Адвокат любил оставаться в офисе по вечерам, когда никто не мешал и он мог спокойно, ни на что не отвлекаясь, написать жалобу, которую давно откладывал, или почитать большое и занудное дело — как в этот раз. Внезапный телефонный звонок заставил его поморщиться, как от головной боли: звонил тот самый следователь по Елене Анатольевне, о котором он успел подзабыть.

Сергей Сергеевич с неудовольствием снял трубку:

— Слушаю вас внимательно.

— Сергей Сергеевич, добрый вечер! Вы уж извините, что в такой поздний час, но вопрос срочный. Звоню вам первому, а не ей, потому что мы крайне комфортно всегда взаимодействовали. Приходите завтра с Еленой Анатольевной ко мне, часиков в 12,— следовательно был сама любезность.

— Ну хорошо. Я выясню у нее. А в чем такая срочность вообще?

— Я вам уже говорил, что мы с вами комфортно взаимодействовали, адвокат вы адекватный, бывший следователь. В общем, все поймете. Пусть завтра лучше с вещами приходит.

— Как с вещами? Вы что, ее задерживать собираетесь?

— Указание прокурора. Вы же помните, кто по делу потерпевший? Чего я вам объяснять буду.

— И что? Неужели со стражей пойдете? С такими-то доказательствами, да с букетом болезней, да с возрастом ее. Да как же не стыдно-то вам?! — вышел из себя Ярцев.

— Сергей Сергеевич, вы меня не стыдите. Сами понимаете, что разговор пустой. Мне дали приказ — я исполняю, а стыдно или не стыдно — это к делу не относится. Я же вам сам первый позвонил, как порядочный. Мог бы с обыском приехать к ней.

— Могли бы, — согласился Ярцев.

Спорить было, действительно, бессмысленно и бесполезно. Не будет следователь просто так звонить вечером после работы и срочно вызывать на завтра. Значит, указание на самом деле поступило, и поступило с самого верха. А это значило только одно: задержат на 48 часов и пойдут в суд с ходатайством об аресте. Не явится — приедут домой или на работу с обыском, найдут, задержат

и тогда уж точно арестуют. Надо было что-то думать. В принципе со всеми раскладами по делу для начала можно было побороться за домашний арест, а там, да при отсутствии доказательств, черт с ним, пусть направляют в суд. Могут и оправдать. Могут ведь. Ярцев знал, что почти не могут, но доказательств-то и правда не было, да и адвокат он был все же не самый последний. Эх, если бы не указание с самого верха... Поборемся, все равно поборемся, — твердил он себе, настроил себя на борьбу, позвонил Елене Анатольевне, коротко, не объясняя причины, назначил встречу на завтра на раннее утро и уехал домой. Спать. Перед тяжелым днем нужно было хотя бы немного поспать.

На следующий день утром Елена Анатольевна снова плакала и громко сморкалась в платок у него в кабинете.

— Сергей Сергеевич, ну сделайте что-нибудь. Может, позвонить кому-нибудь, попросить? — умоляла она.

— Да кому звонить-то, Елена Анатольевна. Я же вам все рассказал. Вы же знаете, кто потерпевший, кому он звонил и какие поступили указания. Надо решать, бороться. Может, все же уедете?

— Насовсем я не могу, а временно — вы сами говорите, что рано или поздно поймают, и тогда точно тюрьма.

— Ну не точно. Мое отношение к вашему делу вы знаете.

Подопечная внезапно стукнула ладонью по столу:

— В общем, я решила. Я не хочу сидеть: ни дня, ни часа, ни секунды. Вы мне говорите, что, скорее всего, 48 часов, а дальше возможен домашний арест, но я не хочу ни 48 часов, ни домашний арест. Меня не должны посадить. Делайте что хотите, договаривайтесь со

следователем, говорите, что я дам признание. Что угодно. Если меня посадят, я умру.

— Признание? — он удивленно вскинул брови. — Но мы же с вами столько доказывали, что вы ни в чем не виноваты! И доказали, я считаю. Давайте поборемся? Ну не могут вас посадить при таких раскладах. Не должны! Просто не вправе!

— Послушайте, вы мне сами столько рассказывали, где и в какой стране мы живем, и как у нас сажают, а теперь о какой-то борьбе. Прошу вас. Сделайте так, чтоб меня не посадили. Как хотите. Я что угодно подпишу, только не тюрьма. Я не выживу! — снова зарыдала она.

Ярцев замолчал. Хорошо было бы сейчас закурить, чтобы как-то продлить это тягучее задумчивое молчание. Но курить он никогда не умел, баловался когда-то в молодости, но быстро бросил и более не пытался. Он понимал подопечную. Чувствовал все ее страхи. Но и не понимал. Если бы он был на ее месте, он бы боролся, шел бы до конца. Ну и пусть могут посадить, но оговорить себя...

— Елена Анатольевна, я, конечно, могу поговорить со следователем, и, наверное, при признании вины он согласует с начальством подписку о невыезде — при ваших-то болячках. Но признавать что? Вы понимаете, что это гарантированно обвинительный приговор?

Она быстро закивала:

— Понимаю, прекрасно понимаю. А вы мне можете гарантировать, что, если не признавать, меня не задержат и не посадят?

Ярцев хмуро покачал головой:

— Не могу. И скажу больше: задержат почти наверняка. За домашний арест поборемся. Шансы, я считаю, хорошие.

Елена Анатольевна истошно закричала:

— Мне не надо наверняка. Делайте же, делайте! Пусть только не сажают, — она снова зарыдала, закрыв лицо руками.

— Но даже при признании могут посадить и будет судимость, — пустил он в ход еще один аргумент.

— Вы сами говорили, что с признанием много шансов на условное.

— Говорил, согласен. Но не все же. И гарантии нет.

— Ну вот и делайте. Прошу вас, Сергей Сергеевич! Умоляю!

— Елена Анатольевна, у адвокатов есть профессиональный кодекс. Он говорит о том, что я не обязан поддерживать вашу позицию, если считаю, что вы себя оговариваете. А я считаю. И вы это знаете.

Она снова закрыла лицо руками:

— Сергей Сергеевич, умоляю! К черту ваши кодексы! Делайте. Не говорите ничего. Поезжайте к следователю, поговорите с ним, составьте что там положено. Я все подпишу, хоть и ни в чем не виновата. Только не в тюрьму! Прошу вас, прошу!

Ярцев снова задумался. Он был почти уверен, что договорится со следователем и его начальством и сможет выторговать для подопечной подписку о невыезде в обмен на признание: следователь был достаточно опытный, дело совсем тухлое, а с признанием оно пройдет в суде на ура. Можно было даже оформить явку с повинной. Тогда будет смягчающее обстоятельство. И приговор, скорее всего (хотя и не точно), условный. Можно. Но нужно ли? Настаивать на борьбе? Но тогда Елена Анатольевна либо подчинится его воле и будет задержана, либо откажется

от него и найдет более покладистого адвоката. Готов ли он бросить на кон свои профессиональные амбиции (да, у адвоката Ярцева, несмотря на весь его адвокатский опыт и стаж, еще сохранились профессиональные амбиции) против возможной свободы подопечной? К тому же подопечная была немолода, больна и могла просто не перенести даже изолятор временного содержания. Ярцев видел, как она бледнела и тряслась от одной мысли, а что же будет ТАМ? У него не было ответа на все эти размышления и не было никакого решения. А принимать его было надо. Ему. Прямо сейчас. Время ведь поджимало, а Елена Анатольевна украдкой, вытирая слезы и все так же громко сморкаясь в платок, смотрела на него: ну давай же, делай что-нибудь, адвокат. Моя судьба в твоих руках, я завишу от твоего решения...

Он сделал еще пару задумчивых кругов по кабинету, опять подумал, что хорошо бы закурить, опять раскинул в голове все аргументы за одно и за второе, опять понял, что все аргументы не работают, и... принял решение.

...Дело закончилось для клиентки хорошо, во всяком случае, она по его завершении долго и шумно благодарила адвоката, плакала от радости и снова говорила про гонорар успеха. А адвокат? Адвокат старался больше об этом деле не вспоминать. Слишком уж оно было для него тяжелым, как и обещало с первого взгляда. Адвокат не любил клиентов-женщин. Тем более невиновных.

В порядке гуманизации

— Ну что? Готов к войне?

— К какой войне?

— Телек, что ли, не смотришь? Все. Поднимаемся с колен. Пошли в атаку на врага. Скоро доллару хребет сломаем.

— А как сломаем-то?

— Как-как. Экономически. Сам нас в бой поведет. С правого края сам знаешь кто в кимоно и со всеми орденами, слева второй с ядерным чемоданчиком. Хана, короче, пиндосам. Китай, я так понял, за нас уже, все согласовано. Все ведущие экономисты работают круглые сутки. Обрушим их экономику в два смычка, и их приспешникам всем каюк. Саудитам, евреям и прочим врагам.

— Не, ну если Китай, то конечно.

— Я тебе точно говорю. Этот коронавирус не просто так нами запущен. Мне один бывший СВРовец все на пальцах показал. Там конкретная договоренность на уровне первых лиц.

— Да и хрен с ним.

— Как это — хрен с ним? Как ты так можешь? Мы же империя! Вот сразу видно, что ты в органах не работал. Нет в тебе этого нашего понимания. Коммерс ты. Как был мелкий коммерс, так и останешься. Еще говорят,

врачи для самого лекарство вечной молодости придумали, теперь он бессмертен, ни болезнь его не возьмет, ни пуля, ни старость. Теперь-то точно все как надо будет. Радуйся, братец!

— Чего радоваться-то. Лишь бы нас на войну не погнали, вот что главное. А так я бы вообще уехал, да работать там некем.

— Э, брат. У меня давно вилла в Аликанте. Хорошие там места, теплые. Я, если что, туда вжик-вжик на самолете — и загораю, и к войне готов. Экономически всегда страну поддерживу, сам понимаешь. Родина, если прикажет, как без войны-то.

— Ну я столько еще не заработал, чтобы вилла.

— Это потому что в тебе патриотизма столько нет, не чувствуешь политическую составляющую, подхода государственного не знаешь.

— Да уж куда мне.

— Вот я и говорю. Мелкий подход, частнособственнический, не думаешь о России.

— Не думаю. О себе все да о клиентах иногда.

— Ну вот в этом и твоя проблема. О Родине надо, о Родине. Видел сегодня, как первый сказал. Все для народа и по воле народа. Как раб на галерах. О нас думает и для нас старается.

— Не видел я. Работал. Не смотрю телевизор, некогда.

— И неправильно, исторический момент ведь упускаешь. Скоро заживем, говорю тебе.

— Кто как, по всей видимости. Мне все это как-то не очень. Конституцию менять как им захочется.

— Кому это им, кому это им? Это для народа все делается. Неужели не понимаешь. И вот еще один мужик

умный по телеку сказал, что Конституцию — ее для народа делали, а не народ для Конституции. Короче, говорит, можно менять.

— Ну мужику виднее, видимо. У него тоже, небось, в Аликанте?

— Не, там голова. Конкретная голова. Там в Швейцарии, вроде.

— Ну вот, я и говорю.

— Ладно. Ничего ты все равно в этом не понимаешь. Давай о работе.

— Давай. А что там?

— Ну что-что? Переходим на европейские ценности и умножаем на коэффициент 1,7. Война ведь, сам пойми. Доллару каюк скоро, говорил тебе.

— Слушай, ну это же грабеж! Как я директору это объясню! Он уже в долларах посчитал. Еще и коэффициент придумали. За сраное постановление, которое и так по закону должны вынести, такие суммы. Совсем охренели?

— Тихо-тихо. Чего раскричался? Не понимаешь, что ли, политику партии? Я кто тебе? Я рядовой руководитель, а надо мной еще один, а там еще и еще. Сказано тебе, война начинается, на войну государству деньги нужны. Враг — он такой. Тоже не дремлет, собака.

— То-то я смотрю — у тебя рожа от войны лоснится!

— Это у меня заболевание такое, врожденное, между прочим. Повышенная потливость. И вообще. Не нравится — пошел отсюда. И директору своему передай, что сгниет в тюрьме теперь скоро. Он против меня разве пошел? Он на Родину батон крошит, на Родину, понимаешь! И ты еще с ним заодно похоже.

— Ах ты, коррупционер жирный! Ну ничего, завтра же о тебе вся Родина через «Ютьюб» узнает, я все разговоры с тобой писал для отчета перед директором. Теперь разместим. Родина тебе определит место в Аликанте. В тепле будешь и сытости, как ты любишь. Может, похудеешь там и лосниться перестанешь.

— Гражданин, вы в своем уме? Вы зачем меня оскорбляете сейчас, зачем за палец укусили только что? Я при исполнении, вообще-то. Судебный пристав! Судебный пристав! Задержите вот этого товарища и вызовите скорее дежурного следователя, надо вот этого агрессивного мистера оформить по 318-й в СИЗО. Да, и все карманы у него вытряхните при личном обыске, чтобы никаких диктофонов и прочих записывающих устройств. Все изъять, все оформить.

— Вот же сука! Ну ничего, я до тебя доберусь!

— Судебный пристав! Будете свидетелем. Продолжает свои угрозы и оскорбления...

Примерно через месяц.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! Я из государственной безопасности. Дежурный следователь.

— Здравствуйте! Ну наконец-то! Заинтересовались? Прослушали мои записи?

— Заинтересовались, прослушали.

— Ну и? Какая реакция? Когда этого коррупционера будете сажать?

— Какого коррупционера?

— Ну этого жирного. Который взятку вымогал.

— А, это Министерство следствия занималось. Там фактуры недостаточно вроде.

— В смысле — фактуры недостаточно?

— Денег нет, слова смазаны, места и времени нет, в общем, не доказать ничего.

— А вы тогда чего пришли?

— С постановлением о возбуждении ознакомить и еще одну процессуальную процедуру надо сделать.

— С каким постановлением о возбуждении?

— Ну вот с таким, в отношении вас. По госизмене.

— По какой госизмене?!

— Вы записи в госбезопасность присылали?

— Присылал.

— Ну вот. Там измена налицо, сами себя и задокументировали, как я понял.

— Какая измена? Это бред все!

— Так в Конституцию поправку внесли, что любая критика — уже измена.

— Я и не критиковал вроде.

— Ну скептически высказывались все же, как я понял. Я сам не читал и не слышал, но лингвист там в заключении все написал, почитаете в приговоре. Да вы не переживайте.

— Я вроде и не переживаю особо, отпереживался уже, привык ко всему, что у вас тут происходит.

— Ну а чего тогда нервничать? И нервничать не надо. К тому же ничего такого у нас и не происходит. Все в рамках законодательства и процедуры.

— А какая там сейчас санкция по этой измене?

— Я не знаю точно, не читал. Вроде укол какой-то делают — и все. Начальник читал. Начальник сказал,

что вначале мы вам укол сделаем быстренько, а там уже следственный комитет еще 318-ю до кучи. Но вы не расстраивайтесь, начальник сказал, чтобы не расстраивались. После укола уже все равно на всё. Воля подавляется, и человек очень добрый становится, уже не хочет изменять — ни жене, ни Родине. Очень-очень добрый. Начальник мне так сказал.

— А если я не хочу укол?

— Так это по судебному решению же. Суд разбирается, я только укол делаю.

— Чего вы тогда ко мне пришли?

— Так суд уже разобрался. Снимайте штаны.

— Как суд разобрался? Его же еще не было.

— Почему не было? Был, вчера приговор вынесли.

— Но я не участвовал же.

— Сейчас это и не требуется. В порядке гуманизации процедуру упростили и ускорили. Начальник так сказал. Было много жалоб от народа на волокиту процедуры. Зачем вам нервничать, время тратить. Быстренько укол сделаем — и все. Вы только не волнуйтесь.

— Я в принципе и не нервничаю. Спросить только хотел. В порядке последней воли, так сказать.

— Спрашивайте. Указ такой есть. В порядке гуманизации. Один вопрос в порядке последней воли можно, начальник сказал. Последняя воля — это обязательно.

— Что там с долларом?

— А. Мы давно уже победили его. Нет теперь доллара, запрещен. Коронавирус его убил. Прямо в прямом эфире сразу после инаугурации. Перегрыз спину. В «Пусть говорят» показали.

— А народ?

— А что народ? Доволен народ, ему в прямом эфире хлеб раздавали. Плакал народ от восторга и умиления. Некоторые, конечно, не брали хлеб. Но те предатели. Тем укол. Начальник сказал. Все в рамках закона и Конституции. Ну, снимайте штаны. Мне дальше идти надо. Работы много, сами понимаете.

Полковнику никто не пишет

«Московское время 6 часов 00 минут», — заверещала радиоточка, после чего традиционно заиграл гимн Советского Союза. Заканчивался 2019 год, но гимн был все тот же, советский, и камеры здесь с советских времен, похоже, тоже совсем не поменялись. Полковник резко вскочил с кровати, подошел к крошечному умывальнику, открыл кран и плеснул в лицо несколько горстей обжигающе холодной воды. Горячей воды, несмотря на все обещания Хозяина, в камере не было. Полковник подозревал, что не было ее специально, чтобы еще больше ломать и склонять к сотрудничеству арестованных, но официально объяснялось это вечно идущим ремонтом и отсутствием каких-то там технических возможностей. Каких возможностей — полковник не понимал, да и уже не пытался вникнуть. Человек быстро привыкает к меняющимся условиям. Привык и полковник.

Самое страшное СИЗО России медленно просыпалось. Заскрежетали старые железные засовы, защелкали в коридоре пальцы и ключи надзирателей, привычно пахло рыбной вонью. Сегодня был четверг, а значит, на обед опять будут давать рассольник, а на ужин зловонную запеканку со смесью протертой рыбы и серой картошки. Полковник сидел в этом изоляторе уже почти два года, но никак не мог привыкнуть к рыбному зловонию и поэтому

в четверг к тюремной пище не притрагивался. По утрам давали кашу, которая, как рассказывали соседи по камере, была вполне приемлемой на вкус, но кашу полковник тоже никогда не ел. Не любил еще с армии. Впрочем, сейчас о вкусе каши рассказывать было некому, потому что последние полгода полковник сидел в камере один. Хозяин объяснял это какими-то внутренними порядками, согласно которым осужденные по приговору суда за особо тяжкие преступления могут содержаться только с такими же осужденными, которых якобы сейчас в СИЗО не было. Полковник попытался было поспорить и даже направил несколько жалоб в прокуратуру и Федеральную службу исполнения наказаний, ни одного ответа так и не получил и в конце концов успокоился. Сидеть в камере одному ему даже в чем-то нравилось. Он любил молчать и думать, а соседи выпрашивали его о деле, том, каким он был человеком на воле, и вообще обычно разговаривали слишком много.

Полковник разделся до пояса и начал приседать от пола. Для своих лет он был в хорошей физической форме, которую, несмотря на достаточно тяжелые условия, старался поддерживать. В такой тесноте было достаточно трудно заниматься спортом и делать все привычные по воле упражнения, но это хоть как-то позволяло убивать медленно тянущееся время, а потому физической зарядке он уделял не менее одного часа утром и одного часа вечером.

Ровно через час, немного запыхавшись, он уже основательно умылся холодной водой с мылом, после чего сел за деревянный стол — работать. Работой он называл написание различных жалоб и ходатайств по делу, а

также писем жене, дочери и совсем пожилому отцу. Адвокаты тоже работали и раз в две недели навещали его с отчетом, но по старой привычке он считал, что наиболее важные документы должен готовить сам. За эти два года он досконально изучил свое дело и даже неплохо вник в уголовный процесс, к которому ранее не имел никакого отношения. Впрочем, сейчас работы по делу было немного. Первый приговор, поразивший всех, кроме самого полковника, своей жестокостью, состоялся. Второе же дело еще только расследовалось. Полковник давно не ожидал от этого расследования никакой объективности, не испытывал ни надежд, ни иллюзий, но это не отменяло необходимость «работы». «Работа» отвлекала и развлекала его, а других развлечений он себе здесь придумать так и не смог. Телевизора в камере не было, газеты ему по каким-то причинам не поступали, а книги из тюремной библиотеки он мог получать не чаще двух раз в месяц и не более одной книги на руки. Библиотекарь, молодая и симпатичная женщина, почему-то очень редко заходила в его камеру и всегда глядела на него с таким недовольным видом, что ему даже становилось немного стыдно, что он отвлекает такую красивую девушку от того, что действительно важно. Полковник понимал, что действительно важно было погулять вечером с парнями, сходить в кино, поболтать с подружками, а не тратить время на какого-то стареющего и вечно молчаливого арестанта. Иногда, если попадалась хорошая смена, его развлекал дневальный — веселый краснолицый прапорщик, который почему-то очень любил разговаривать с полковником, расспрашивать, как у того здоровье, и иногда даже делиться новостями с воли. Прапорщик с каким-то

маниакальным удовольствием собирал из газет сведения о том, кого и на какой срок посадили, сколько миллиардов отобрали у обвиняемых, и охотно рассказывал такие новости полковнику. Полковник рассказам прапорщика не радовался, но они хотя бы позволяли понять, что творится там, в другом мире, и что происходит в этом мире с теми, кого он когда-то знал.

Составив несколько жалоб на имя прокурора и оставив написание письма жене Наташе на вечер, полковник отложил ручку и задумался. Он вспоминал, как много раз сам, будучи одним из руководителей могущественной спецслужбы, человеком, которого боялись многие генералы, приезжал в этот СИЗО, разговаривал с начальником оперчасти, вершил вместе с ним судьбы арестантов и решал, кому и как закрутить гайки, чтобы сломать, подавить, заставить признаться. За годы работы он переломал и передавил многих, а, когда пришли за ним, вначале не поверил и подумал, что это ошибка. Два года спустя он понял, что машина управления не ошибается, ее механизмы перемалывают всех и всегда, не давая никакого преимущества тем, кто когда-то был ее частью. С такими расправляются еще жестче и суровее. Они никогда не должны рассказать, как работает система, а потому будут перемолоты в труху, и если и выйдут отсюда, то глубоко больными стариками с трясущимися руками, которым никто и никогда не поверит. Сейчас на его месте, должно быть, работает другой полковник, а может быть, даже генерал, который, как и он прежде, ходит к начальнику оперчасти, строит какие-то планы, придумывает, распределяет, отдает указания. Возможно, даже по его, полковника, душу. Но маховик провернется,

и тот, другой, так же будет умываться холодной водой в этой самой камере, писать жалобы и вспоминать-вспоминать-вспоминать-вспоминать-вспоминать.

Он вспоминал, как радовался новой должности, которая открывала для него невиданные возможности. Власть. Она опьяняла и манила. Крупные бизнесмены, чиновники, силовики — все боялись его, полковника, который в какой-то момент стал первым слугой для всевластного руководителя. Но руководитель давно на совсем иной, не менее всесильной, должности, а полковник меряет шагами маленькую камеру, освещаемую только тусклой и беспрестанно моргающей лампочкой. Ему много раз предлагали свободу в обмен на признание в отношении руководителя, но он не соглашался, надеясь в глубине души, что тот когда-нибудь не забудет, замолвит слово, спасет. Дурак. Конечно же, забыл. Но сейчас об этом уже нечего вспоминать. Приговор зачитан, а срок оглашен. Оставались только воспоминания безо всяких надежд.

Он вспоминал, как радовалась назначению и переезду в Москву Наташа, как они вместе строили планы, мечтали. Мечты сбывались. Новая большая квартира, дом в престижном поселке в Подмосковье, персональный водитель, водитель у Наташи, которого он оплачивал сам, рождение второго ребенка, отдых на море. Такая сладкая и такая комфортная жизнь. Надежды, планы, мечты. Все рассыпалось в один день таким же утром, в 6 часов, когда в дверь позвонили. Обыск. Молоденький старший лейтенант волнующимся голосом зачитывает, что в отношении него, полковника, возбуждено уголовное дело. Это был крах. Интересно, как там Наташа? Такая же красивая или состарилась и подурнела от

навалившейся беды? Может быть, уже давно нашла другого и совсем забыла о нем? Адвокаты рассказывали ему, что все в порядке, что свидания им не дают специально, они жалуются, но безрезультатно. Они рассказывали, что она каждый день пишет письма, что сильно переживает, но почта не доходит. Он тоже писал, много и безответно. В последнее время уже скорее по привычке, для себя, чтобы убить время, рассказать, как прошел день. Надежды на то, что придет ответ, все равно уже не было.

Снова громко загремели ключи. Кто-то из надзирателей шел по коридору. Полковник подошел к двери и застучал в нее кулаком:

— Эй, старшой, можно спросить?

Дверь открылась и в проеме показался знакомый добрый прапорщик с красным лицом:

— Полковник, ну что вы стучите? Проверка же скоро. Опять взыскание начальник назначит.

— Простите, старшой, я только хотел спросить, нет ли мне почты, — с надеждой сказал полковник.

Прапорщик грустно покачал головой и развел руки в стороны:

— Полковнику никто не пишет, — и, поняв, что явно расстроил человека, добавил: — Не расстраивайтесь, полковник. Женщины — они такие. Лучше попробуйте на обед суп, хороший суп. Зря вы все время отказываетесь. И вообще, после отбоя у меня будет время. Я к вам зайду тихонько, расскажу новости в стране. Много новых громких посадок, полковник.

Полковник невесело кивнул, отошел от двери, сел на кровать и замолчал.

Немолодой прапорщик внутренней службы с красным лицом, громко отхлебывая, пил горячий чай с сушками и что-то читал. Другой сотрудник, чуть помоложе и не такой краснолицый, молча лежал на кровати и рассматривал что-то на потолке.

— Что ты там все читаешь, Семеныч, интересно же? — спросил он краснолицего.

Тот, не поднимая глаз от чтения, замахал руками, демонстрируя свою крайнюю занятость: не отвлекай.

Минут через 20 прапорщик наконец закончил чтение и с возбужденным воодушевлением заходил по комнате:

— Даааа. Бывают же женщины. Полковнику жена пишет. Любит его страстно, ждет, надеется. Преданная. Красивая. Фотку недавно присылала ему. Вот, посмотри, я себе над кроватью повесил.

— На черта мне ее фотка, — отозвался другой, — у меня своя баба есть.

— Да нет, брат, ты не понимаешь. Вот это баба так баба. На одну бумагу каждый день столько денег изводит. И бумага вся такая лощеная, и душит ее духами какими-то. Я, как прочитаю, руки к лицу поднесу — и нюхаю, нюхаю. Вот какая женщина. Знает ведь, что не дойдут письма, а все равно пишет. Как декабристки. Я про них в школе фильм смотрел, не досмотрел, правда. Меня из класса тогда выгнали. Там тоже красивая была.

— А он что? Пишет?

— Пишет. Каждый день тоже пишет. Сейчас вот тоже сидит, строчит что-то. Посмотри на камере, пишет?

— Пишет.

— Ну, а я тебе что говорю. Любовь у них. Денег у них было смерть как много. Я в газетах читал. Все отобрали,

дома, квартиры. А она про это ни словечка, только про любовь. Вот какая женщина. И он про любовь. Много непонятного мне там, но слова хорошие. Чувствую. Даже всплакнуть иногда хочется. Добро во мне какое-то просыпается от этих писем, вот что.

— Да на черта ты их читаешь, он же снят с контроля вроде после приговора?

— Э, брат. Снят — не снят. Хозяин сказал читать — я и читаю. И мне хорошо. Пойду еще в туалете почитаю, подумаю.

— Алле, ты там только побрызгай после себя, есть же освежитель вроде. Как не зайдешь после тебя, так аж глаз режет, — напутствовал его молодой.

— А ты не ходи после меня, потерпи. Рыбка сегодня была хороша, — осклабился краснолицый и вышел из комнаты.

Вернулся он минут через 20 и уже без письма.

Утро началось так же, как и каждое утро в этом самом страшном изоляторе, — с советского гимна. Сегодня полковнику не хотелось вставать с кровати, которую он даже в голове упорно отказывался называть шконкой. Умываться и делать зарядку тоже не хотелось. Он закрыл глаза и попытался снова забыться во сне. Через пять минут дверь в камеру заскрежетала и открылась. На пороге стоял знакомый краснолицый прапорщик и кричал:

— Подъем, подъем! Заправляем шконку, на шконке не лежим. Приступаем к водным процедурам. Скоро завтрак и проверка.

Полковник встал с кровати, подошел к прапорщику и с надеждой спросил:

— Извините, а почты сегодня нет?

— Полковнику никто не пишет,— грустно кивнул краснолицый прапорщик и для убедительности развел руки в стороны.

Небольшой луч солнца показался в мутном зарешеченном окне. Новый день наступил окончательно и бесповоротно. Полковник попытался улыбнуться ему, но улыбка вышла какой-то кривой и надломленной. Нужно было умываться и делать привычную зарядку.

«Жил-был пес» на НОВЫЙ лад

В роли волка — адвокат.
В роли пса — бывший следователь.

Волк: Ты? Чего пришел?

Пес: Да это вот. Тут. Ну, в общем...

Волк: Что это вот? Выгнали?

Пес: Ага. И дело обещают возбудить.

Волк: По какой статье?

Пес: По превышению.

Волк: За помощью пришел?

Пес: Ну, хотелось бы, если по условиям сойдемся. Давно же знаем друг друга, работали, так сказать. Хотя и по разные стороны.

Волк: А помнишь, как ты меня гонял?

Пес: Ну, эээ.

Волк: Помнишь, как ходатайство о вступлении в дело говорил в ящик опустить?

Пес: Ну, эээ.

Волк: Помнишь, как говорил, что я преступника защищаю? Как на все мои ходатайства отвечал, что оснований нет, потому что следователь самостоятельно направляет ход расследования? Как обвиняемому говорил, чтобы от

меня отказался, потому что я зла желаю и советую не признаваться?

Пес: Ну, эээ.

Волк: Сам-то признаваться будешь, если дело возбудят?

Пес: Ну, эээ.

Волк: Ну да. Невиновен же, кристально честен. А там — как адвокат посоветует.

Пес: Да, все правильно.

Волк: Помнишь, как жалобу на меня в Минюст написал? Как заставлял на проходной часами стоять и ждать, а сам чай в кабинете теплом пил?

Пес: Ну, эээ.

Волк: А как в суд по моим жалобам на свои ответы специально не являлся, чтобы я почаще туда ходил, помнишь? А как назначал следственные действия и потом отменял за полчаса до начала, когда я уже приехал в СИЗО?

Пес: Ну, эээ.

Волк: Ну да, работа такая... Как в мультике, помнишь?

Пес: В каком мультике? Не знаю я никаких мультиков. Помогите мне, прошу.

Волк: Как в каком? «Жил-был пес» называется. Там еще волк говорит: «А я всю жизнь тут мотаюсь, и никто мне сам косточку не даст... Теперь как я», — и ржет потом в голос. Смешно ведь.

Пес: Не смешно. Плохо мне. Помогите.

Волк: А мне тогда смешно было разве?

Пес: И вам не смешно, но вы же понимаете.

Волк: Понимаю.

Пес: Помогите. Рак у меня, нельзя мне в тюрьму, ноги отнимаются. Меня лечить надо.

Волк: А у того тоже рак был, помнишь?

Пес: Помню.

Волк: И что говорил ты ему? В тюрьме есть тоже лазарет, я там валялся...

Пес: Ну, ээ. Начальник это. Я хотел, он не согласовал.

Волк: Теперь вот и у твоего следователя начальник будет. Тоже не согласует, наверное.

Пес: Но вы-то напишете? Жалобу там какую надо, ходатайства всякие, все как положено, по-адвокатски. Чтобы побольше, повесомее.

Волк: А ты что с этими жалобами делал, помнишь?

Пес: Да помню я, помню! Что вы стыдите меня? Помню и понимаю, поздно только. Давно ведь хотел уволиться, да думал — куда пойду, кому нужен. Зарплата — аванс, 5-е, 20-е, стабильность, уважение. Вышвырнули, размазали. Помогите, а? Вы мне всегда нравились. Я в долгу не останусь. Квартиру продам, если что. Ноги у меня отнимаются, мать тоже больная, ребенок маленький.

Волк: Да помогу, помогу я! Ты меня не жалости! И так сердце кровью обливается, когда губы твои трясущиеся вижу! А я ведь тебя другим помню. Уверенным, сильным, самым умным. Хотя таким маленьким и глупеньким, на самом деле. Люблю я вас, собак, хоть и ненавижу порой.

Пес: Спасибо вам! Я вам всегда-всегда благодарен буду. Только вы у меня и есть. Можно обниму вас?

Волк: А вот этого не надо. В кассу заплатишь — и достаточно. Обниматься потом будем, если отобьем тебя. Может, даже нажремся на радостях.

Пес: Отобьете. Обязательно отобьете. Я верю. Я, как с вами говорю, так верю сразу.

Волк: Ну это ты зря. Ты лучше себя вспоминай, какой раньше был. Так оно проще, расстройства меньше, когда другого такого же пса встретишь. А ты встретишь. Хотя я постараюсь помочь, все сделаю, но сам понимаешь. Россия. Одно обещаю точно. Очистишься. Прозрачный станешь. Сквозь тебя люди смотреть будут и солнышко видеть.

Пес: Понимаю, понимаю, я все понимаю. Но одна у меня надежда. На вас.

Волк: Вот и прекрасно. Тогда касса в соседней комнате. А мультик ты все-таки посмотри, смешной он.

Пес: Спасибо вам.

Последняя инстанция

Двое мужчин с откровенно раздосадованным видом вышли из мрачного здания Верховного суда на Поварской. Они были относительно молоды, хорошо и дорого одеты и, очевидно, имели какое-то отношение к юриспруденции. Только юристы могли по собственной воле в такую жару (а в Москве в эти дни стояла жуткая жара) надеть на себя пиджак с галстуком. Кроме того, само здание, из которого они вышли, указывало, что мужчины являются юристами. Как известно, все юристы похожи друг на друга. Не были исключением и эти двое, однако для удобства любимого читателя мы будем называть первого мужчину — первым мужчиной, а второго — вторым, не раскрывая их имен, которые, как вы в дальнейшем поймете, и не имеют никакого значения для произошедшей с ними истории.

— Нет у нас правосудия, в очередной раз убеждаюсь, — горячился первый мужчина.

— Что ты так разволновался? В первый раз что ли, — пытался успокоить его второй. — Давай зайдем куда-нибудь поесть? Жрать что-то хочется, аж живот сводит.

Они медленно побрели по относительно пустынной для рабочего дня улице в поисках какого-нибудь заведения. Внезапно на глаза одному из них попалась большая вывеска: “Zur Letzen Insanz”.

— На немецком что-то. Попробуем зайти? — обратил внимание своего спутника первый мужчина.

— К последней инстанции, — перевел второй. — Это же известный юридический ресторан! Я в нем в Берлине был. Видимо, в России открылись. Давай зайдем, конечно. В Германии он мне очень понравился. Там еще названия блюд интересные.

Они толкнули входную дверь и оказались в большом, довольно скудно освещенном, но очень торжественном помещении. Было видно, что на отделку ресторана хозяева денег явно не пожалели.

На входе их встретил мужчина-хостес с красным лицом, который был почему-то одет в казачью форму, очень строго и надменно сопел, долго записывал что-то в некий потрепанный журнал и потом еще водил по их одежде и портфелям металлоискателем. Мужчины удивленно переглянулись, но вслух ничего не произнесли. Видимо, требования безопасности в этом заведении были очень высоки.

Мужчины попросили меню и стали с интересом его изучать.

— Смотри-ка, все названия юридические. Очень любопытно, — сказал первый.

— Да, я же тебе говорил, это классный ресторан. Мне там очень шницель понравился, забыл название, что-то вроде «Выступление адвоката».

— Ну, я, пожалуй, определился. На первое буду суп «Состязательность сторон», на второе котлету с гарниром «Презумпция невиновности», а в качестве напитка «Радость оправданного». Не знаю, что это, но звучит жизнеутверждающе и, наверняка, должно быть вкусно.

— А что за гарнир к котлете?

— Картошечка.

— О, тогда я всецело поддерживаю твой выбор.

В ожидании официанта, который почему-то задерживался, они решили немного осмотреть интерьеры ресторана. Все выглядело очень парадно и празднично. В одном из углов располагалось даже нечто, напоминающее комнату для моления с иконами. Диковато, но дорого,— решили для себя мужчины. Смутило их только, что некоторые столы были расписаны криво вырезанными шилом надписями откровенно недвусмысленного содержания вроде «Повар, гореть тебе в аду» или «Официантки — твари». Также многократно на разных столах им попадалась на глаза надпись про некоего повара Иванову, которая почему-то являлась тварью. Мужчины вновь удивленно переглянулись, но вслух опять ничего произносить не стали: видимо, местный дизайнер отличался своеобразным креативным мышлением.

В середине зала красовалась белая мраморная скамья, рядом с которой имелась табличка «Скамья примирения». Выглядела скамья очень красиво и торжественно. Впрочем, мы уже поняли, что красиво и торжественно выглядел весь ресторан. Первый мужчина попытался было присесть на скамью, но внезапно к ним с грозным видом подбежал уже знакомый «казак», который начал кричать, что эта скамья стоит в зале только для украшения и сидеть на ней нельзя. Мужчины хотели что-то возразить, но казак столь агрессивно махнул перед ними нагайкой, что они решили от греха подальше вернуться за свой столик.

Как раз в этот момент к столику подошла официантка, которая достаточно приветливо, хоть и несколько устало улыбнулась посетителям и спросила, что господа желают покушать.

Мужчины, которые к тому времени окончательно проголодались, объявили, что желают откусать: «Состязательность сторон», «Презумпцию невиновности» и запить все это «Радостью оправданного».

Официантка сверила заказ с какой-то книжечкой и презрительно процедила:

— «Состязательность» закончилась, «Презумпции» очень давно не было, а «Радости оправданного» в нашем ресторане я в принципе не припомню, чтобы готовили и подавали.

— Но почему же они тогда имеются в меню? — возмутился второй мужчина.

— Не ко мне вопрос, к руководству. У нас соглашение с иностранным брендом, обязаны указывать в меню, но самостоятельного производства не имеем, — еще более презрительно отчеканила официантка.

— Но это просто возмутительно! Позовите сюда руководство, я хочу пожаловаться, что у вас нет половины блюд, указанных в меню! — зашумел второй мужчина.

— У руководства сегодня неприемный день. Можете прийти для подачи жалобы во второй вторник месяца, но предупреждаю, что записываться надо заранее. Вы заказывать что-то будете?

Мужчины хотели уже было подняться и объявить, что они, пожалуй, пойдут в другой ресторан, когда с соседнего столика их поманил шикарно одетый господин: «Ребята, можно вас на минутку?»

Они присели за соседний столик. Шикарно одетый господин, у которого оказался на удивление бархатный голос, протянул им золотистую визитную карточку и представился:

— Николай. Я слышал вы интересуетесь «Радостью оправданного»?

— Да, да, хотелось бы попробовать, а в меню его нет, совершенно возмутительно! — практически хором заговорили разволновавшиеся мужчины.

— Ну что же, господа. Я тот, кто вам нужен. «Радость оправданного» — это очень редкий напиток, и, только обратившись в мою фирму, вы сможете его получить в гарантированно короткие сроки.

— И сколько же стоит «Радость оправданного»? — спросил первый мужчина.

— Дорого, господа. Но качественно и с гарантией. Деньги вперед, пожалуйста. Следующая поставка будет примерно через месяц. Раньше не могу, смены моего повара расписаны на недели вперед.

Мужчины вновь переглянулись. Все это напоминало какой-то бред. Решив, что имеют дело с сумасшедшим, они не стали вступать с ним в какие-либо дискуссии и отошли к своему столику, чтобы забрать вещи и уйти в другое заведение, где их накормят нормальной пищей.

— Не работаете со мной — не работаете ни с кем. Радости оправданного вам не видать, — раздался им вслед пронзительный крик.

Не успели они подойти обратно к своему столику, как перед ними как будто из-под земли вновь объявилась все та же презрительно настроенная официантка.

В этот раз она улыбалась и говорила чуть более приветливо:

— Господа, может быть, вы тогда попробуете меню а-ля рюс? Специальный сезонный вариант.

— Да, мы уже собрались уходить,— ответил первый мужчина,— но что там у вас? Так есть хочется, что умираем.

— Конечно-конечно,— залепетала официантка. Вот, пожалуйста. Предлагаю комплексный обед. На первое — «Достаточность доказательств» — суп от шеф-повара. На второе — спагетти по-московски в разных вариантах: «по-тагански», «по-тверскому», «по-басманному», «по-бутырскому». И в качестве напитка предлагаю вам выпить по рюмке «Слез жены осужденного». Это чистейшая русская водка, очень хорошего качества.

— Водка бы сейчас нам не помешала, после всего этого бреда. Несите скорее,— заторопил официантку первый мужчина. — А что там со спагетти? Что это?

— Это первоклассные спагетти высшей категории с отборным фаршем из различных внутренностей барашка: кишочки, печеночка, сердечко. Повар проворачивает все это в остройшей мясорубке, обжаривает с лучком и подает в горячем виде к столу. Приправляется все элитным соусом из вяленых помидоров. Мы еще иногда называем это блюдо «кровавая вермишель».

— Как-то не очень аппетитно. Но, видимо, вариантов нет.

— Да, других вариантов у нас сегодня, к сожалению, нет.

— А чем отличаются вот эти «таганские», «басманные» и прочие?

— По большому счету, ничем. Но «по-тагански» я бы вам не советовала. Очень долго готовят. Варианты «тверской» и «басманный» пожирнее. Там мясо такое, знаете,

более наваристое, что ли, жирненькое. В «нагатинском» могут косточки попадаться, не рекомендую. Остановитесь на «дорогомиловском». Это усредненный вариант, обычно никто не жалуется.

— Хорошо, несите его, — скомандовал первый мужчина. И эту, как вы сказали, «Достаточность доказательств». Каждому. И водки поскорее. А водки сразу граммов 150 каждому.

— Мы еще меню посмотрим с вашего позволения, которое а-ля рюс? — поинтересовался второй мужчина.

— Конечно, конечно, — прощebetала официантка и куда-то быстро упорхнула.

Меню а-ля рюс выглядело откровенно мрачно. Названия были юридическими, но отдавали каким-то почти могильным холодом: котлета — «Царица доказательств», борщ — «Опасный рецидив», салат — «Исполнение наказания», гарнир — «Смех прокурора», напиток ягодный — «Пытки надзирателя». Напротив десерта под названием «Речь адвоката» имелась карандашная надпись «удалено из меню по решению повара», ниже которой какой-то шутник нарисовал грустную рожицу за решеткой и подписал «поверил адвокату, ха-ха».

Как ни странно, водку «Слезы жены осужденного» подали на удивление быстро, хотя в целом обслуживание было крайне неспешным. «Заказов много, повар не справляется на кухне», — сочувственно объяснил мужчинам почему-то проникшийся к ним после инцидента со скамьей и внезапно подобревший казак, который теперь, видимо со скуки, ходил по залу, гонял мух взмахами нагайки и заговаривал с посетителями.

Выпив по рюмке, мужчины немного повеселели и приободрились.

— Ты знаешь, а вроде и ничего,— сказал первый.

— Да, прорвемся, друг. Сейчас горячее подадут, и жизнь другими красками заиграет. Может, и попривыкнем.

Горячее так и не подавали. Они выпили все «Слезы жены осужденного», заказали еще графин, хотели уже было снова подниматься и уходить, когда к их столику вновь подошла презрительная официантка, раскрыла какой-то журнал, сказала, что все заказы сильно сдвигаются, но уже скоро все подадут и поэтому она все же рекомендует подождать.

Наконец принесли тарелки. Суп почему-то был совсем прозрачный и пресный. Это была вода, в которой у каждого из мужчин плавало по одной небольшой картофелине.

— Официантка, что это за суп? Вода какая-то! — возмутились хором мужчины.

— «Достаточность доказательств». Фирменное блюдо. Повар так его видит. Не хотите — не ешьте,— с прежним презрением процедила официантка.

— Мы не собираемся за это платить. Позовите нам наконец кого-нибудь из руководства! — зашумел первый мужчина, который, как читатель, наверное, уже понял, вообще любил поспорить.

— А вас никто платить и не просит! Доступ к правосудию у нас бесплатный! — заорала на мужчину официантка, злобно плюнула ему под ноги, развернулась и ушла к другому столику.

Мужчины грустно посмотрели друг на друга.

— Нож есть? — спросил первый.

— Мне не подали, — грустно ответил второй.

— А у меня какой-то совсем тупой. Ну ладно, попробую таким, — с этими словами он стал с нажимом царапать на столе знакомую читателю фразу про повара-палача.

Через два часа они, совсем пьяные, стояли покачиваясь в одном из арбатских переулков, а их хороший знакомый — казак из ресторана, оказавшийся шабашником Лехой откуда-то из-под Тулы, разливал по пластиковым стаканчикам водку и утешал:

— Не печальтесь, мужики. В первый раз оно всегда так. Привыкните еще у нас. Многие часто заходят и привыкают. Я вас с Алексеем Сергеевичем познакомлю. Он гораздо серьезнее Николая, который за соседним столиком сидел. Совсем другой подход. Солидный. Там и «Радость оправданного», и «Презумпция невиновности». С гарантией.

— Не нужен мне ваш Алексей Сергеевич, — пьяно закричал на всю улицу первый мужчина, — уезжаю я. Завтра.

— Куда же ты денешься-то? — почему-то весело спросил его пьяненький Леха и громко икнул.

— В Берлин. Zur Letzen Insanz.

— К последней инстанции, — машинально перевел с немецкого второй и залпом выпил из поднесенного ему стаканчика с водкой.

Снег

Мерзкий мокрый снег заваливал Москву с самого утра. Люди чертыхались, перепрыгивали через уже начинавшие образовываться лужи, спешили в метро, втягивали голову в плечи, отчаянно сигналили друг другу в пробках.

— Проклятье. Слякоть.

— Снова этот снег!

— Завтра растает все в кашу.

— Как достала эта погода!

— Опять заболею...

— Надоело все!

— К вечеру город встанет.

— Как же хочется спать...

Город был недоволен снегом и гудел, как улей, раздосадованный появлением внезапного неприятного гостя.

И только маленький мальчик, которого мама рано утром, еще затемно, вела в детский сад, схватил варежкой снежинку, растер ее о мамино пальто и весело расхохотался:

— Мама, это же снег! Зима пришла! Ура!

Он начал подбирать комья снега, лепить из них снежки и задорно кидаться ими в прохожих:

— Люди, улыбнитесь же! Первый снег! Зима пришла! Новый год! Санки! Счастье!

Люди не обращали на него никакого внимания и только продолжали про себя чертыхаться на внезапно наступившую снежную напасть, которая, казалось, окончательно испортила им и так очень сложную жизнь.

Мальчик нахмурился, с обидой посмотрел на взрослых и замолчал.

— Мама, ну неужели они не видят, как красиво вокруг? — спросил он через несколько минут молодую красивую женщину, крепко державшую его за руку.

Мама отвлеклась от каких-то своих мыслей, ласково посмотрела на него и впервые за день улыбнулась:

— Конечно, видят, сынок. Просто они взрослые, и их сердце спрятано за ледышкой.

— Мама, а мое сердце тоже будет спрятано за ледышкой, когда я стану взрослым?

— Нет, сынок, мы не позволим ему замерзнуть, я тебе это обещаю. Это ведь так легко, главное только — захотеть и улыбнуться другому сердцу, а оно проснется и улыбнется тебе в ответ.

С этими словами она подобрала комок снега, немного помяла его в руках и внезапно с громким смехом кинула прямо в лицо какому-то очень серьезному мужчине, стоявшему позади них в очереди на автобус:

— Проснитесь, зима пришла!

Серьезный мужчина вздрогнул, хотел было рассердиться, но увидел, что ему улыбается такая молодая и красивая женщина, и не смог не улыбнуться в ответ. Он тоже подобрал комок снега и со смехом швырнул его в сердитую бабушку, стоявшую позади.

А потом, улыбка за улыбкой, снежок за снежком, вся очередь начала совсем по-детски хохотать и бросаться

снежками друг в друга. Внезапно люди поняли, что погода не такая уж и плохая, на улице не так уж темно и мрачно, а жизнь может быть вполне радостной и беззаботной, как когда-то в волшебном детстве.

— Ты доволен? — спросила мама мальчика.

— Да, мамуля, — ответил он и расплылся в счастливой улыбке.

— Спасибо тебе, малыш! — протянул ему руку очень серьезный мужчина, улыбнулся на прощанье и, довольный, побежал по каким-то своим очень серьезным делам.

Пирожки с капустой

Председатель районного суда уверенной походкой хозяина обходил свои владения. За те годы, что он работал в этом суде, а работал он здесь уже, наверное, половину жизни, здание суда серьезно обветшало. Требовался капитальный ремонт, а лучше переезд в новое здание. Но в городском суде и мэрии говорили, что до переезда надо ждать еще несколько лет. Другие суды работали в худших условиях, а на новые красивые здания тоже имелась очередь, как и во всем у нас в стране. Поэтому хозяину районного суда приходилось регулярно обходить здание, смотреть, что можно подлатать, косметически отремонтировать, исправить на те небольшие средства, которые выделял судебный департамент.

Неожиданно в него буквально врезалась недавно назначенная из мировой юстиции молоденькая симпатичная судья и тут же затараторила:

— Евгений Евгеньевич, а я вас везде ищу! Мне ваш совет очень нужен.

Председатель поморщился. Он не любил всю эту торопливую молодежь. Торопятся разговаривать, торопятся делать карьеру, торопятся жить. То ли дело он. Работал помощником, потом назначился в район, потом в город, потом вернулся в этот же район председателем. Считаю,

всю жизнь на одном месте. Всё и всех в своем районе знал, все его уважали, к мнению прислушивались и во многом побаивались. С городским судом отношения не портил. Статистику не завывшал, но и падения вниз не допускал. В общем, настоящий хозяин. На своем месте человек,— так говорили про него и в городском суде, и даже в Верховном. Но хозяин не может упускать что-либо из-под своего контроля, а молодые судьи иногда могут такое наворотить, что потом никакое уважение городского суда не поможет, поэтому председатель придал своему лицу успокаивающее и даже где-то ободряющее собеседницу выражение и приготовился слушать:

— Что у вас опять, Шляпина?

Шляпина наморщила симпатичный носик и снова затараторила:

— Да дело у меня, Евгений Евгеньевич! Я вам уже говорила про него, 159-я.

Председатель вздохнул:

— Ну дело и дело. У всех дело. Мало что ли дел у нас у всех,— нагрузка, действительно, в последний год в районе серьезно увеличилась, чем Евгений Евгеньевич, не любивший всякую суету и спешку, был крайне недоволен.

Шляпина продолжала:

— Нет, у меня особенное дело. Оно многотомное. Там еще адвокат очень шустрый и занудный. В общем, люди не признают вину, и по доказательствам очень все сомнительно. Там как бы то, что им вменяют, оно опровергается судебным решением, ну и потерпевший совсем запутался. Все, что говорит, противоречит документам.

Евгений Евгеньевич поднял глаза на потолок, потом опустил их в пол, посмотрел на свои недавно начищенные

ботинки, затем на молодую красивую судью, сказал несколько раз: «Гм, гм», — и наконец спросил:

— Ну и? Какой вопрос у вас?

Шляпина совсем разволновалась, от чего затараторила еще быстрее:

— Евгений Евгеньевич, я не знаю, что делать. Прошли прения. Адвокат настаивает на оправдании, ссылается на позицию верховного. Я думаю, — тут она сделала грустную паузу, вздохнула и наконец произнесла сокровенное: — оправдывать надо, мне кажется.

Председатель закашлялся и переспросил:

— Что-что вам надо?

— Оправдывать или хотя бы прокурору возвращать.

Евгений Евгеньевич произнес многозначительное «Нууу» и спросил:

— А что прокурор? Позиция?

— А что прокурор? Он на своем стоит. Настаивает на обвинительном, запросил реальное. Отказываться не собирается. Я уже и с курирующим замом говорила. Там же генеральная утверждала.

— Ах, генеральная утверждала? — с каким-то облегчением переспросил председатель и сам же, не дожидаясь повторного ответа, который, очевидно, он и так слышал, продолжил: — Слушайте, а вы анекдот про еврейскую Красную Шапочку знаете?

— Какой анекдот? — не поняла Шляпина.

— Не знаете, значит. Ну так слушайте. Это старый судейский анекдот. Он вам наукой будет. Еврейская семья собирает корзинку с пирожками еврейской Красной Шапочке. Напутствия в дорогу: «Таки слушай здесь. Когда ты придешь до бабушки, она сразу тебе так будет

плакаться, что зима совсем скоро, водопровод течет, топить нечем, крыша прохудилась, денег нет совершенно и вообще — ты знаешь за эту жизнь. Но ты таки ничего не слушай, и твердо стой на своем: с капустой — по 5, с мясом — по 7!»

Шляпина непонимающе улыбнулась:

— Анекдот смешной. Но причем тут мой вопрос?

— Как это причем? У вас какая статья по делу? — спросил Евгений Евгеньевич.

— 159-я, — снова ничего не поняла молодая судья.

— Ну вот таки ничего не слушайте и твердо стойте на своем. 159-я — это с капустой. Значит, по 5.

— Аааа, — наконец поняла Шляпина, но все-таки задала еще один вопрос: — А если городской суд отменит?

— А если городской суд отменит, то и будет прав. Вы, главное, на своем стойте и ничего не слушайте. С капустой — по 5. Но в городском суде, я вам точно говорю, тоже этот анекдот знают. Там люди не глупее нас с вами работают.

— Спасибо, Евгений Евгеньевич! — с благодарностью закивала головой Шляпина.

— Не за что, милая. Вы идите, вам наверняка приговор писать надо. А я еще поработаю, — сказал председатель и уверенной походкой хозяина, не оборачиваясь и уже не обращая внимания на еще что-то говорившую Шляпину, пошел куда-то в сторону стены с обвалившейся штукатуркой, требовавшей срочного ремонта.

Остановившись у этой стены, посмотрев на нее с сердитой укоризной и что-то записав в свой блокнот, он вдруг довольно крикнул, улыбнулся самому себе, словно вспомнив что-то приятное. Ему вспомнилось, как он далекие

лет тридцать назад еще совсем молодым судьей приехал на выволочку в Верховный Суд, который тогда был не российским, а еще РСФСРовским, и там один умудренный опытом зампред рассказал ему этот анекдот о еврейской Красной Шапочке. От скольких проблем спас его этот анекдот! Наверное, уже и зампред этот давно умер, а анекдот все помогал и помогал мудрому председателю принимать правильные решения. Председатель снова довольно крикнул, вспомнив молодые годы, и пошел к себе в кабинет. Рабочий день подходил к концу. Нужно было собираться домой.

— Николай Степанович, можно войти? — молодой адвокат постучался в кабинет председателя коллегии.

Николай Степанович оторвал глаза от какого-то документа, снял очки и доброжелательно посмотрел на коллегу:

— Проходите, Сергей. Присаживайтесь.

— Николай Степанович, я хотел посоветоваться по одному вопросу. У меня сейчас закончилось дело. Закончилось плохо. Человека осудили, дали 5 лет. Абсолютно несправедливо. Я бы даже сказал — беспредельно. Судья совершенно равнодушная, никакие доводы не учла. Ну вот я и думаю: может, за апелляцию не брать деньги с подзащитного? Мне его очень жалко. Да и с профессиональной точки зрения дело интересное.

Председатель коллегии снова надел очки и пристально, с добродушной улыбкой уставился на молодого адвоката:

— Сереженька, а у него что, совсем денег нет?

— Николай Степанович, думаю, какие-то все же есть, хотя понятно, что семья поиздержалась. Но мне неудобно как-то. Я же ему не помог совсем, хотя по закону мы

должны были выиграть. Вот я и считаю, что дальше надо бесплатно помогать. В апелляции хотя бы. А потом, если что, и в кассации.

Председатель встал из-за стола, прошелся кругом по кабинету, снова сел и спросил молодого коллегу:

— Сережа, вы знаете анекдот про еврейскую Красную Шапочку? Не знаете? Ну я вам расскажу. Мне его когда-то рассказал мой учитель. Это хороший адвокатский анекдот, он мне всегда помогал в профессии...

Лучше помучиться

— Добрый день, Андрей Геннадьевич! Из Следственного комитета беспокоят по делу Антонова. Этоследователь Дуболомов.

— Здравствуйте. Слушаю вас.

— Я насчет завтра. В СИЗО приходите на ознакомление с делом, у меня все готово.

— Во сколько?

— Давайте тогда я к 9 приеду, а вам можно к 10.

— Хорошо, я буду.

— Можно еще вопрос, раз я вам набрал?

— Да, конечно.

— Мне тут ваше ходатайство расписали. Вот даже и не знаю, как его рассматривать.

— А в чем проблема? Рассматривайте как обычно.

— Да нет. Тут просто такой деликатный вопрос. В общем, у меня руководство интересуется. Вы давно психиатра посещали?

— Как-то давненько не доводилось. А в чем, собственно, вопрос-то?

— Ну как в чем? Вроде вы взрослый человек, с опытом, в органах работали, а пишете, извините за выражение, ахинею.

— Как же ахинею? Обычное ходатайство, проходное, рабочее.

— Андрей Геннадьевич! Как же не ахинея. Вы просите, чтобы я выделил и возбудил дело в отношении самого себя!

— Ну а что тут такого? Вы почитайте внимательно. Там, мне кажется, доходчиво написано и с тем обвинением, что вы моему клиенту предъявили в окончательной редакции, очень даже согласуется. Прямо зеркальное обвинению ходатайство.

— Но как же? Вы тут пишете, что я в течение полутора лет группой лиц похищал причитающуюся мне заработную плату по месту службы, создавая видимость работы по делу.

— Именно так. Но заметьте, я вначале пишу, что использую логику и формулировку вашего же обвинения, которое вы предъявили. Вот смотрите. Вы пишете, что адвокат похищал деньги под видом оказания юридической помощи по договору. И я пишу, что вы похищали деньги под видом юридической работы следователем. Вы пишете, что стоимость услуг адвоката была завышена, ссылаясь на какую-то мифическую экспертизу и сравнивая цены со стоимостью услуг другого не известного мне и широкой общественности адвоката из отдаленного региона. И я пишу, что вы как следователь центрального аппарата получаете заработную плату в 150 тысяч рублей в месяц, а следователь нижестоящего уровня за расследование такого же дела получает заработную плату в 50 тысяч рублей. Вы пишете, что, по вашему мнению, клиенту адвоката вообще выполнявшаяся работа была не нужна, поскольку ее мог выполнять внутренний юрист клиента. И я пишу, что ваша работа государству не нужна, потому что при желании вместо расследования этого дела можно было бы обратиться в суд и попробовать взыскать с адвоката деньги. И,

наконец, вы, несмотря на то что адвокат работал, утверждаете, что с него надо взыскать всю сумму гонорара, который он получил. И я в своем ходатайстве указал, что надо сложить всю полученную вами заработную плату за полтора года работы, заработную плату всех следователей, кто работал в следственной группе, — и получится хищение в особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору под обманным предлогом расследования уголовного дела. Мне кажется, все логично. Ваша же логика.

— Послушайте, но это же совсем бредятина. Вам все-таки к психиатру надо.

— Да нет, это вам к психиатру надо, я же специально написал, что это я на основании вашего обвинения зеркальные выводы делаю.

— Ну уж нет. Мое обвинение — оно правильное. Там все верно написано. Чего вы сравниваете. Мне государство поручило дело расследовать и претензий не предъявляет.

— Так и там государственная компания адвокату работу поручила и претензий не предъявляет.

— Вот именно. Зато мы предъявляем. Его работа была не нужна и государству навязана. И стоимость, в конце концов, разная. Он там миллионы получил, а у меня зарплата всего 150 тысяч. И у судьи, который будет его судить, тоже такая. Вот и подумайте.

— Мы — это вы? Или мы — это государство?

— Мы — это мы. От имени государства.

— Так и я от имени государства и в его интересах ходатайства подаю.

— Вам этого государство не поручало.

— И вам не поручало. Оно вообще в Конституции права и свободы каждому гарантировало. А что касается миллионов и 150 тысяч: если ваши зарплаты сложить за полтора года, как вы гонорары складываете в обвинении, тоже миллионы получаются.

— А, понятно. Либеральничаете. Права — свободы — демократические ценности! Не о том вы думаете, Андрей Геннадьевич, совсем не о том. И ситуации у нас разные. Клиент ваш — мошенник, а вы его просто защищаете, пытаетесь следствие запутать и затянуть. Ввести, так сказать, в заблуждение.

— Нет, не разные. Одинаковые ситуации. Только оценка пока что разная. Но это временно, я вас уверяю. Я давненько все это наблюдаю.

— Ладно. Знаете же, что суд разберется.

— Это, конечно, разберется. Здесь сомнений никаких. Но это же не значит теперь ничего.

— Как это не значит? Я же говорил вам: все договоренности с судом достигнуты. Будет очень строгий подход, получит восемь лет. Как ему и обещали.

— Безусловно, это очень печально. Но вам же мой доверитель сказал, что он не будет признавать то, чего не было.

— Во-первых, что значит — не было? Государство разве зря дело возбудило? А, во-вторых, заключили бы досудебное соглашение — все бы быстро закончилось. Уже на свободе был бы, и имущество бы сохранили ему. А теперь будет страдать.

— Помните, как товарищ Сухов говорил?

— Какой товарищ Сухов? Андрей Геннадьевич, вы точно у психиатра давно не были?

— Ну как какой? В «Белом солнце пустыни», фильм такой. Его бандит спрашивает: «Тебя быстро убить, или хочешь помучиться?» А товарищ Сухов отвечает: «Лучше, конечно, помучиться». Вот и мой тоже, как товарищ Сухов, помучиться хочет.

— А, ясно. Не, я такого фильма не знаю. Это старое что-то, несовременное. Сейчас другие фильмы смотрим.

— Может, и зря другие смотрите. Смотрели бы такие — может быть, и поняли что про ходатайство.

— Ладно. Но отвечать-то мне вам что?

— Как что? Как обвинение писали, так и на ходатайство отвечайте. По закону и совести, как УПК и предписывает.

— Понятно все. Упорствуете. Отрицаете очевидное. Ходатайство отзываться не желаете. Противодействуете. Учтем. Усилим. Разберемся.

— Это уж конечно. Разберетесь. Тогда до завтра? В 10 возле СИЗО?

— До завтра. А ваше ходатайство я психиатру все-таки перешлю, для оценки доводов.

— Да, конечно. Пожалуйста. Удачи вам и всего самого наилучшего!

— Андрей Геннадьевич?

— Да. Кто беспокоит?

— Это следователь из центрального аппарата СК. Дуболомов. Мне очень срочно нужна ваша юридическая помощь.

— Простите, не припоминаю. А что случилось?

— Ну как же. Я два года назад дело в отношении вашего клиента в суд направлял, ему потом восемь лет дали за мошенничество.

— А, вспомнил. Извините, очень много работы было за это время. Так что у вас случилось?

— Вы знаете, здесь дело в отношении меня возбудили. Какая-то бредовая ситуация. Мошенничество. Говорят, я зарплату свою похищал, волокиту по делам допускал, ничего не делал, а зарплата при этом выплачивалась под видом работы. И мне, и всей моей группе. Насчитали в особо крупном, организованную группу.

— Чудеса! А про то, что работа ваша государству не нужна была, тоже говорят?

— Да. Как вы догадались?

— Опыт.

— Андрей Геннадьевич, можете прямо сейчас приехать? Тут обыск у меня. Говорят, будут задерживать. Сразу со стражей пойдут, а там Басманный суд, сами знаете. Вы помогите мне, Андрей Геннадьевич. Я помню, что вы очень упорно и качественно работали. Здесь, мне кажется, надо жалоб побольше, ходатайств всяких. Ну это же беспредел полнейший!

— Я бы с большим удовольствием помог вам, но, к сожалению или к счастью, покинул нашу прекрасную страну, так как более не хотел работать и находиться в условиях, когда моя работа не имеет смысла и заключается в фиксации того самого беспредела, о котором вы сейчас рассказываете.

— Но, Андрей Геннадьевич! А что же мне делать? Может, посоветуете что-нибудь?

— Посоветовать я могу. Причем бесплатно. Заключайте срочно досудебное соглашение, признавайте вину. Так оно и быстрее, и срок будет меньше, и имущество сохраните.

— Ну уж нет. Моя ситуация — это полный беспредел. Я с этим бредом никогда не соглашусь. Я буду бороться до конца. Помните, как в «Белом солнце пустыни»? Желаю помучиться.

— Помню. Но надо было вовремя уходить с баркаса. Удачи вам и всего самого наилучшего!

Театр

В театре зажигаются свечи, публика набивается в зал, и... представление начинается. Сегодня ты одна из главных звезд на этой сцене. Роли распределены заранее. У тебя трагическая. Впрочем, как и всегда. Ты будешь защитником основного злодея. Иных ролей ты не играешь уже очень давно. Ты знаешь результат даже без общения с режиссером. Публика в зале любит кровь и скандалы. Так было и будет. Содержание их не интересует. Главное, чтобы кровь лилась по сцене, особенно когда свое слово скажет режиссер. Если кровью забрызгает кого-то еще, и он тоже станет злодеем,— публика будет бесноваться от восторга.

Не обращай на все это внимания. Ты должен бороться против всего мира изо всех своих старческих сил. Рвать жилы и глотку за того, кого тебе доверили по сценарию режиссера. Не вздумай показать, что тебе все известно заранее. Не вздумай проявлять равнодушие. Не вздумай считать злодея злодеем. Он злодей для публики, но только не для тебя. Бейся за него, как в последний раз, как за самого себя. Будь настойчив к победе, прояви все свое умение и изворотливый ум. Прими поражение с достоинством: публика это любит. И тогда, может быть, режиссер в конце спектакля поднимет палец вверх в знак пощады. В этом случае основного злодея побьют не до смерти, и он, если

сможет шевелить руками и ногами, хорошо оплатит твой бенефис. Не заплатит он — заплатят его родные.

Тебе всегда платят. Ну или почти всегда. В конце концов ты ведь большой актер, давно не играешь в маленьких провинциальных театрах и можешь позволить себе дорогой виски после очередной трагической роли. Да, ты пристрастился к дорогому виски и заливаешь его в себя литрами после каждого спектакля, трагический конец которого тебе известен заранее. После трагического конца, который ты, конечно же, встречаешь с достоинством, тебе нужно только две вещи: виски и одиночество. В эти минуты ты думаешь о том, чтобы бросить все к чертям, снова уйти в комедийные роли или вообще завязать с театром.

Но потом виски заканчивается, боль притупляется, и ты опять идешь туда, на театральные подмостки, в то место, где тебе знакомы каждая фраза, каждый полутон любого из актеров. Ты давно свой в этом театре, тебя здесь все знают и ценят. Ты снова вгрызаешься в свою роль, бьешься за своего главного злодея, расходуешь себя на потеху публике и режиссеру. Большие спектакли всегда длятся долго, и ты знаешь, что в какой-то момент забудешь, что ты в театре и что режиссер уже давно продумал грустную концовку для этой пьесы. В этот момент забытья, такого сладкого для тебя забытья, ты перестанешь играть, а начнешь, как и всегда, проживать свою роль, замечать театр собственной жизнью. У тебя есть такая особенность, именно за это ты так нравишься публике и родственникам главного злодея, которые с удовольствием кидают тебе под ноги золотые, с презрением пропиваемые тобой после каждого спектакля.

А дальше... все возвращается по кругу. Очередная роль — твой бенефис — трагический конец — виски и

одинокчество — новое приглашение на роль в спектакле на потеху почтенной публике. И ты замечаешь, что стареешь, что режиссеры с каждым годом становятся все более жестокими и изощренными в написании трагических сценариев, начинаешь подумывать, что твое ремесло уже давным-давно никому не нужно. Но публика все еще любит тебя и готова хорошо платить за твои роли, а потому трагический круг каждый раз проживается заново...

— Боже, что со мной? Где я? Что я здесь делаю?

— Николай Степанович, вы в университете. Мы ваши студенты. Вы начали читать нам лекцию на тему «Профессиональное выгорание в работе адвоката», потом вдруг достали из портфеля серебряную флягу, сделали несколько глотков и стали рассказывать про какого-то старого актера. Может, скорую вызвать?

Он грустно улыбнулся, достал из портфеля замятую шоколадную плитку, отломил небольшой кусочек, положил в рот, медленно прожевал, открыл стоявшую на столе серебряную флягу, сделал довольно-таки большой глоток, выдохнул и спокойным размеренным тоном произнес:

— Не надо скорую. Простите, задумался. Возраст, наверное, да и не выспался. Уже все нормально. Берем ручки и записываем: «Профессиональное выгорание в работе адвоката — крайне редкая вещь, поскольку эта работа приносит колоссальное удовольствие и позитивные эмоции от помощи другим людям, а кроме того, хорошо оплачивается, что позволяет всегда находиться в замечательном настроении, ощущать себя вечно молодым, успешным и состоятельным человеком...»

«Куры-утки». Пьеса

Титры (каждое предложение меняет другое): Адвокатское бюро «ЗКС» представляет. «Куры-утки». Пьеса. Вымышленная. Полностью. Не содержит ни слова правды. Фейковых новостей не содержит. Написана в условиях моральной тоски вследствие длительного режима самоизоляции исключительно развлечения ради, а не клеветы на честных сотрудников правоохранительных органов для.

Действующие лица

- 1. Руководитель управления**
- 2. Секретарь**
- 3. Руководитель отдела**
- 4. Следователь**
- 5. Руководитель отдела процессуального контроля**
- 6. Инспектор отдела процессуального контроля**
- 7. Представитель оперативных служб**
- 8. Судья**
- 9. Прокурор**
- 10. Руководитель отдела криминалистики**
- 11. Члены семьи руководителя управления**
- 12. Руководитель пресс-службы**

*Начинается совещание
через интернет-программу «ЗУМ»*

Секретарь (проверяет явку). Добрый день, товарищи. Мы начинаем совещание. Следственный отдел здесь? Процессуальный контроль здесь? Отдел криминалистики здесь? Представитель ГУВД здесь? Товарищ генерал, можно начинать.

Руководитель управления: Добрый день! Я руководитель следственного управления по Н-ской области. Мы начинаем наше совещание в условиях режима самоизоляции. Кто доложит? По поводу чего мы сегодня собрались?

Следователь: икает.

Руководитель управления: Не понял. Связь плохая. Что вы сказали?

Следователь: еще раз икает.

Руководитель управления: Кто это? Почему он икает? Он пьяный?

Руководитель отдела: Товарищ генерал, я руководитель следственного отдела. Это наш лучший следователь. Самый опытный. Он не пьяный, у него патологическое икание. Товарищ генерал, разрешите я доложу. Мы собрались по поводу проблемного материала, который поставлен на контроль Москвой.

Руководитель управления: Валяйте, докладывайте.

Руководитель отдела: В наш отдел поступило заявление пожилой гражданки, у которой пропали куры. В результате проведенной во взаимодействии с областным БЭП проверки установлено, что пропавшие находились в дружеских отношениях с соседскими утками, с которыми регулярно проводили досуг, в том числе злоупотребляли потреблением червей, букашек и прочей живности. В ночь с 1 на 2 апреля куры по предложению уток направились для проведения водных процедур на пруд, где благополучно скончались ввиду утопления, поскольку плавать не умеют. Очевидцем утопления явился местный житель — оперуполномоченный БЭП Кожевников, подтвердивший в ходе опроса вышеназванные обстоятельства. Ввиду случившегося мы полагаем, что виновными в происшествии являются сами куры, и потому в возбуждении уголовного дела надлежит отказать за смертью виновных.

Руководитель управления: Сколько их было? Трупов сколько?

Руководитель отдела: Каких трупов? Товарищ генерал? Не понял. Связь барахлит.

Руководитель управления (раздраженно): Каких-каких! Куриных! Следователь, что скажете?

Следователь: икает.

Руководитель управления: Вот черт. Он что, все время икает?

Руководитель отдела: Все время икает, товарищ генерал. У него болезнь такая, патологическое икание. Все время икает. Особенно когда волнуется.

Руководитель управления: Как же он людей допрашивает?

Руководитель отдела: Прекрасно допрашивает, товарищ генерал. Лучший наш сотрудник. Икает и допрашивает, икает и допрашивает. Не спит практически. Только икает и допрашивает. У него все и всегда признаются. Убедителен очень при допросах. Больше всех дел в суд направил в том году.

Руководитель управления: Молодец. Представим к награде. Такие люди нам нужны. Вы тогда по количеству трупов мне доложите.

Руководитель отдела: 18, товарищ генерал. Не менее 18 кур было у бабушки.

Руководитель управления *(раздраженно кричит)*: Вы что мне? Офонарели? 18 трупов — и никто не виноват? Да меня журналисты с дерьмом смешают! Вместе с прокуратурой. Сейчас позвоню прокурору. *(Набирает по громкой связи)*: Александр Степанович, у нас 18 трупов в Н-ском районе. Может быть такое, что никто не виноват, как мне тут докладывают?

Прокурор (по громкой связи, говорит сильно пьяным голосом): В мои времена такого не было. Разберись, накажи виновных, подготовь письменную информацию. Я в бане, у меня реабилитационные процедуры. Отбой связи!

Руководитель управления: Ну вот. Вы все слышали. Разобраться, всех наказать, у него процедуры. Процконтроль. Что молчите? Ваше мнение.

Руководитель отдела процессуального контроля: Товарищ генерал, процессуальным контролем материал тщательно изучен с составлением обширной справки. Сейчас инспектор доложит.

Инспектор отдела процессуального контроля: По результатам изучения выявлена явная неполнота проверки. Материал в областное управление представлен без описи, в неподшитом виде.

Руководитель отдела: А ты нам картриджи и нитки давать будешь? Знаешь, в каких мы условиях здесь работаем?

Инспектор отдела процессуального контроля: Константин Сергеевич, прошу меня не перебивать. Я же вас не перебивала, когда вы не на ту норму УПК сослались в своем докладе товарищу генералу.

Руководитель отдела: Я вообще ни на какую норму УПК не сослался. Какой УПК! Куры у бабки утонули!

Руководитель отдела процессуального контроля:
Товарищ генерал! Прошу обратить внимание, что руководитель отдела вообще ни на какую норму УПК не сослался. Прошу секретаря занести это в протокол совещания.

Следователь: несколько раз громко икает.

Руководитель отдела процессуального контроля:
Товарищ генерал, прошу сделать следователю замечание. Он нас сбивает постоянно.

Руководитель управления: Следователь, не перебивайте старшего по званию. Инспектор процконтроля, продолжайте.

Инспектор отдела процессуального контроля: Благодарю, товарищ генерал. Проверка проведена не полно, не всесторонне. Я бы даже не побоялась этого слова — всеобъемлюще. Поверхностно проведена проверка. Помет на куриную или утиную принадлежность не исследован, не все записи с камер наружного наблюдения истребованы и осмотрены, из трех водолазов, не обнаруживших трупов кур, опрошены только два.

Руководитель управления: Руководитель отдела процконтроля, ваше мнение?

Руководитель отдела процессуального контроля:
Мое мнение однозначно. Постановление об отказе отменить, материал на дополнительную проверку, следователя и руководителя — к дисциплинарной ответственности.

Следователь: громко икает.

Руководитель управления: Ну что же. Убедительно. А что скажут представители оперативных служб?

Руководитель подразделения БЭП *(все время улыбается)*: Здравия желаю, товарищ генерал! Мы считаем, в данном случае состав преступления налицо. Не менее 18 эпизодов растраты в действиях хозяйки, плюс соучастие в 18 убийствах в действиях соседки. С учетом эпизодности я бы рассмотрел вопрос дополнительной квалификации по преступному сообществу. Наш генерал поддерживает. Тем более конец месяца, показатели из-за коронавируса в минус уходят, очень нужно преступное сообщество. Наш товарищ генерал вам, товарищ генерал, будет звонить сейчас.

Руководитель управления: Ну допустим. А суд что скажет?

Руководитель подразделения БЭП: Товарищ генерал. С судом согласуем. У меня заместитель председателя областного по уголовным делам на контакте. Он наш человек, понимающий. Хотите, я ему сейчас по громкой связи наберу?

Руководитель управления: Набирай.

Руководитель подразделения БЭП *(звонит по громкой связи)*: Тимофеич, здорово! Слушай, у меня вопрос. Ты как считаешь, какой состав? Одна особо пакостная бабка совместно с соседкой, ее мужем и еще 7 местными жителями вначале растратили 18 кур особо ценной

породы стоимостью не менее 1 миллиона рублей, затем обманом заманили несчастных животных в пруд с кислотой, где от потерпевших не осталось никакого следа, то есть были уничтожены вместе с перьями, кожей и косточками, претерпев особые мучения.

Судья: Здорово! Бабка еврейской национальности?

Руководитель подразделения БЭП: Сто процентов еврейка, фамилия такая, шипящая какая-то, забыл.

Судья: Я так и знал. Опыт, опыт... Ну тут, я так думаю, что минимум 160-я, потом мошенничество, раз ты сказал, что обман есть. Ну и убийство группой лиц с особой жестокостью.

Руководитель подразделения БЭП: Тимофеич, а как думаешь, если 210-ю вменить, устоит?

Судья: Слушай, вы вмените. Там посмотрим. Думаю, в районе точно устоит с учетом количества виновных, а там мы в области посмотрим, подкорректируем, если что. Короче, вменяй. Разберемся.

Руководитель отдела: Александр Тимофеич, извините, это Орешкин, руководитель Н-ского отдела. Но как же убийство, если это не люди, и потом она же потеряла вроде как, а не растратила?

Судья: Еще и потеряла? Вот тварь какая! Это тогда и халатность надо, мне кажется, но это вы с прокурором

согласуйте. У меня, в принципе, еще и халатность просматривается в дополнение. Ну это так, с наскока, без тщательного изучения, а там, может, и еще подработаете.

Руководитель подразделения БЭП: Тимофеич, а халатности сколько эпизодов?

Судья: Вы там вменяйте побольше, там суд разберется, отсечет, если что. Ну все, я к председателю. Конец связи.

Руководитель управления: Хм. Ну картина более-менее понятная. Начальник ОБЭП, а что это вы там едите все время?

Руководитель подразделения БЭП (*показывает куриную ножку*): Так курицу, товарищ генерал. Очень вкусная и жирная такая. Мы сейчас всем управлением на курицу перешли в условиях коронавируса. Товарищ генерал, а можно вас на два слова. Так сказать, в порядке секретного доклада, оперативная информация, агентурное сообщение.

*У всех отключаются камеры и микрофоны.
Затем включаются.*

Руководитель управления (*ест куриную ножку в окружении членов семьи, которые тоже едят курицу*): Ну что же... В ситуации я разобрался. С правовой оценкой суда согласен. Тем более, что прокуратура нас поддерживает. Сейчас звонил начальник полицейского главка, говорит — с оперативкой помогут, биллинги доработают.

Значит, следовательно, возбуждайте 210-ю, растрату, мошенничество, халатность; бабу, соседку и всю деревню в ИВС — и начинайте работать. Процессуальный контроль — дело на особый контроль, мне докладывать еженедельно о количестве лиц, входивших в эту банду так называемых курощупов. Обязательно отдельно количество привлеченных к уголовной ответственности, количество сотрудничающих со следствием и вставших на путь исправления. Ну и так далее, и тому подобное. Без меня все знаете. Тем более следовательно, как я вижу, опытный специалист.

Следователь: икает.

Руководитель управления: Что, кстати, скажет, криминалистическая служба? Экспертизы проведем в короткие сроки?

Руководитель отдела криминалистики: Так точно, товарищ генерал. Обеспечим тесное взаимодействие со следователем и его руководителем. В нашем арсенале комплекс необходимых экспертиз, в том числе фоноскопических, лингвистических, судебно-бухгалтерских, ситуационных, психофизиологических, почерковедческих, психиатрических и многих других.

Руководитель управления: Это вы все эти экспертизы проводите лично?

Руководитель отдела криминалистики: Так точно, товарищ генерал. Я лично и провожу. Все необходимые

экспертизы во всех отраслях специальных познаний, в короткие сроки с учетом независимости, полноты и всесторонности, в целях объективного и качественного установления истины.

Руководитель управления: Ну мне все ясно. Работать в этом направлении в тесном взаимодействии, о результатах исполнения доложите. Процессуальный контроль — на контроль. Экспертизы — на экспертизу. Секретариат, обеспечьте доклад и протокол. Следовательно, приступайте. Оперативник, привет генералу. А мне перекусить надо немного.

Через три месяца.

Руководитель пресс-службы регионального СК: Следственным управлением Министерства следствия РФ по Н-ской области в тесном взаимодействии с оперативными службами полицейского Главного управления в короткие сроки завершено расследование уголовного дела о преступном сообществе, занимавшемся растратами, мошенничествами и ритуальными убийствами животных на территории области. В результате скрупулезного расследования, в ходе которого проведено не менее 170 допросов, 120 обысков и 82 экспертиз, все обвиняемые в количестве 43 человек изобличены в совершении жестоких преступлений и были вынуждены раскаться в содеянном. В доход государства благодаря работе следователей возвращен преступный доход в виде 18 скелетов потерпевших. Уголовное дело направлено в областной суд для рассмотрения по существу. Судебное

разбирательство с учетом признания всеми обвиняемыми своей вины будет проходить в особом порядке. Приговор ожидается в течение 14 суток с момента направления дела в суд. О результатах рассмотрения дела судом общественность будет дополнительно проинформирована.

Икает. Ест курицу.

Слава российской полиции

Бывают моменты, когда отвечать не нужно, а нужно просто помолчать и дать выговориться. Клиентка была недовольна, разозлена, раздражена. И, в общем-то, ее можно было понять. Уголовное дело, по которому она являлась потерпевшей и по которому всего-то надо было ее дополнительно допросить и выдать ей давно найденную машину, двигалось ни шатко, ни валко. Да что там говорить! Совсем не двигалось. Вот уже шесть месяцев. Адвокат звонил следователю — тот не брал трубку. Он приезжал — следователя не оказывалось на рабочем месте. Потом следователь находился, обещал их в ближайшее время вызвать для допроса и выдачи автомобиля, но затем снова пропадал, уходил на больничный, повышение, учебу. Это был не один конкретный следователь, а разные, но все они вели себя одинаково. По делу их сменилось уже человек пять, но ни один так и не удосужился сделать то, о чем они просили: допросить потерпевшую. Это заняло бы всего минут 20, тем более проект позиции был давно подготовлен, оставалось всего-то перенести проект в протокол допроса, вынести постановление о передаче вещественного доказательства на ответственное хранение и отдать им это постановление. Но этого никак не происходило. Адвокат, конечно же, писал жалобы и даже несколько раз приходил на

личные приемы к каким-то важным начальникам. Ему отвечали, сочувственно кивали, а двух следователей даже привлекли к дисциплинарной ответственности за волокиту. Однако машина продолжала ржаветь на какой-то стоянке, а клиентка неистово ругалась, обвиняя его в неумении работать.

Адвокат был достаточно давно в профессии и поэтому привык смиренно принимать на себя удар, который, если разбираться объективно, не должен был ему предназначаться. Он-то понимал, что сделал все от него зависящее, а неприятные объяснения по поводу не только собственных ошибок, но действий тех, кто, по идее, должен был по долгу службы помогать, защищать закон, вершить справедливость, стали для него делом привычки. Она, наверное, тоже это понимала (во всяком случае, ему хотелось так думать), но сейчас могла только кричать и ругаться, хотя бы на своего адвоката.

— Почему? Почему так происходит? — истерично кричала она.

— Я уже сам не знаю. Есть ощущение, что это просто какое-то проклятье. Я не могу найти никакого рационального объяснения, — оправдывался адвокат.

— Да какое там проклятье! Они просто наверняка продали мою машину, а вас за нос водят!

— Ну как же продали? У меня же на руках ответ со штрафстоянки, где она хранится. Вот же он, свежий. Автомобиль такой-то находится, охраняется, повреждений не найдено, затраты государства на хранение составили четыреста тысяч.

— Бред все это какой-то. Наверняка они все подделывают. Круговая порука.

— Да нет же. Это просто система так работает, я вам рассказывал. Никому ничего не нужно, всем лень, все равнодушны. Чиновники. Обыкновенные российские чиновники.

— Сажать их всех надо! Больше жалоб еще пишите!

— Хорошо, хорошо. Напишу еще одну жалобу, прямо сегодня. Вы только не волнуйтесь.

— Ладно, где мне отчет о выполненной работе подписать? — наконец успокоилась клиентка.

— Вот здесь, пожалуйста. Деньги, как обычно, на счет, если можно, по безналу.

— Да, конечно. С каким бы я сейчас удовольствием вцепилась этому следователю в волосы! Послушайте, а вы не можете его избить? Или хотя бы плеснуть в него чем-нибудь? Я хорошо заплачу. По двойному тарифу. Только чтобы прямо побольнее, и желательно в его кабинете, а потом на «Ютьюб» выложить. Пусть они видят, что так с каждым будет!

— Вы знаете, я бы с удовольствием. Но все-таки это не входит в предмет адвокатской работы.

— Да? А мне вас когда-то иначе рекомендовали. Говорили, что вы за своего клиента и побить можете.

— Это все-таки фигурально, наверное.

— Ну ладно. До свидания, — с этими словами неприятный для адвоката разговор закончился, и можно было приниматься за новую жалобу.

Через три недели удача наконец-то повернулась к нему приятной стороной. Вновь назначенный по делу следователь сам позвонил ему и попросил приехать завтра по вопросу выдачи машины, но как можно раньше, лучше

до 8 утра, так как в 9 у следователя какое-то важное совещание. Также по телефону они со следователем договорились, что показания он пришлет заранее по электронной почте вместе с проектом постановления о передаче вещественного доказательства, что облегчит и ускорит запланированную процедуру. Он тут же набрал клиентке, желая обрадовать ее, но в начале был вынужден принять на себя очередной громко кричащий удар, который, конечно же, предназначался не ему:

— А почему так рано? Почему я вынуждена подстраиваться под какого-то идиота? Вы что, не могли согласовать другое время?

Возражать было сложно, а оправдания о том, что в таком случае следователь мог пропасть еще на несколько месяцев, она вряд ли готова была слышать. Поэтому в этом телефонном разговоре он смиренно занял молчаливую позицию, согласовал с ней место встречи, после чего повесил трубку.

На следующий день в 8 утра они с клиенткой уже сидели в кабинете следователя и в полной тишине ждали, пока тот прочитает проект показаний, который он, конечно же, вчера изучить не успел. Вернее, вначале потерпевшая пыталась кричать, но следователь так устало на нее посмотрел и сказал: «Давайте позже все обсудим», — что она осеклась на полуслове и затем замолчала.

Кабинет у следователя был маленький и очень захламленный: какие-то коробки, пакеты, перевязанные бечевкой, пыльные тома дел, раскладушка и два сильно грязных стула, на которые можно было садиться, только подложив что-нибудь чистое, чтобы не испачкаться. Следователь был такой же маленький и захламленный:

волосы взъерошены, под глазами синяки от недосыпа, брюки висят мешком, а ботинки давно стоптаны. Сейчас бедолага, периодически пытаюсь пригладить лохматившиеся волосы, таращился в экран компьютера и читал, что же там подготовил адвокат. Внезапно телефон у следователя зазвонил, он снял трубку, резко погрузился, а затем начал отвечать:

— Да, да, да. Так точно, уже подготовил, через два часа после совещания представляю.

Когда он повесил трубку, то резко встал из-за стола, еще больше взъерошил грязные волосы и начал кругами ходить по кабинету.

— Черт, черт, черт, — запричитал он. Было видно, что он сильно взволнован.

— Что случилось? — спросил адвокат.

И тут бедного следователя прорвало...

— Случилось? Случилось? — почти закричал он, — да нет, у меня ничего не случилось. Я просто работаю. А вот у них — да. Случилось! Помутнение. В головах. Говорят, я к конкурсу рисунка работу не представил.

— К какому конкурсу рисунка? — почти хором в изумлении задали вопрос адвокат и потерпевшая.

— Аааа, — протянул следователь, — так вы же ничего не знаете! Вы думаете, это я дела не расследую. Да нет, я пытаюсь. Честно. Но у меня все время очень важные задания. То стихотворение выучить, то танец, то теперь вот рисунок. И обязательно патриотический. Вот сидит какая-то сволочь в управлении и придумывает, как бы ей следователя посильнее занять. И ведь зарплату получает за это больше, чем я. И наказаний у нее никогда не бывает, и премии раз в квартал, и на пенсию раньше уйдет.

А потом еще и мемуары напишет о том, как офицером была и с преступностью боролась. С преступностью! Рисунками!

Следователь еще крепче обхватил голову руками и зарыдал...

Адвокат с потерпевшей переглянулись. Адвокату было жалко бедолагу-следователя, но он опасался открыто выразить свое сочувствие, поскольку не знал, как отреагирует на это клиентка, которой наверняка должно было быть все равно на все проблемы того, кого она видела в первый и в последний раз.

— Не убивайтесь так. Может быть, можно отказаться от этого конкурса рисунков? — все же сочувственно спросил адвокат.

— Нет, — грустно проговорил следователь, — отказаться нельзя. И если я не представлю этот чертов рисунок акварелью через два часа, то меня уволят. А я его не представлю, поскольку совсем не умею рисовать. Да и не успею. Через 10 минут у нас в отделе будет совещание. Начальник очень любит поговорить и будет говорить как раз два часа. В общем, мне конец.

Вид у него был при этом такой, как будто непредставление рисунка на конкурс грозило продолжению не только его следовательской карьеры, но и жизни.

— Послушайте, — вдруг с надеждой обратился следователь к потерпевшей, — сейчас я пойду на совещание, а вы не сможете нарисовать этот проклятый рисунок?

— Я? — растерялась потерпевшая, — но я совсем не умею рисовать.

— Ну что вам стоит! Я тоже не умею. Здесь, по условиям задания, главное побольше патриотизма. В общем,

вот вам краски, кисть, бумага. Если что, адвокат вам поможет,— с этими словами следователь всучил им принадлежности для рисования и выбежал из кабинета. Дверь он при этом почему-то запер на ключи.

Они растерянно переглянулись.

— И что же нам теперь делать? — спросила потерпевшая адвоката.

— Умеете рисовать? — ответил он вопросом на вопрос.

— Немного. Но это же полная чушь. Мы пришли в кабинет к следователю, чтобы мне выдали похищенную у меня машину, а теперь должны рисовать рисунок на какой-то придурочный конкурс.

— Разве у нас есть какие-то другие варианты занять себя на ближайшие два часа с учетом запертой двери?

— В общем-то, нет. Ну что же, давайте попробуем. Заняться, действительно, нечем.

Через два с половиной часа довольный следователь долго жал потерпевшей руку, благодарил за чудесный рисунок и обещал в следующий раз оперативно расследовать для нее любое уголовное дело. Постановление о возвращении вещественного доказательства спустя месяцы борьбы было у них на руках, и можно было ехать на стоянку за автомобилем. В этот день они так устали, их руки и одежда были перепачканы в краске, нужно было умыться, постираться. Поэтому они решили никуда не ездить, отложив получение машины на завтрашнее утро.

— Но как же? Почему же не выдадите машину? Я же предъявил постановление следователя! — всегда спокойный адвокат редко на кого-то кричал, но здесь ситуация

была настолько вопиющей, что он был вынужден повысить голос на работника стоянки.

— К сожалению, ничего не могу сделать. Этого автомобиля здесь нет. Он изъят по другому постановлению следователя. Буквально вчера после обеда.

— Как это изъят?! Почему изъят?

— Ничего не могу сказать. Предыдущая смена сказала, что приехал следователь, предъявил какие-то бумаги и забрал.

— А у вас есть эти бумаги? Можете показать?

— Нет. Мы не сохраняем. Только запись в журнале. Вот. Смотрите: уголовное дело, следователь такой-то.

— Ничего не понимаю, чертовщина какая-то.

— Ничем не могу помочь. Хотя нет... Можно еще запись с камеры наружного наблюдения посмотреть и записать для вас, если запрос оставите.

— Конечно, конечно,— засуетился адвокат,— давайте скорее запись.

Выключив только что просмотренную запись, адвокат резко встал из-за стола, сильно взъерошил волосы и начал кругами ходить по своему кабинету. На видео было видно, как тот самый маленький и грустный следователь уезжал на дорогой машине потерпевшей куда-то в ночь за шлагбаум автостоянки. Адвокат взял телефон, набрал номер этого следователя, но тот был выключен. Он позвонил в канцелярию следственного отдела и тут наконец все понял.

— Он уволился вчера. Еще две недели назад неожиданно написал рапорт, а вчера был последний день. Говорят, переехал куда-то,— ответили ему.

Надо было звонить клиентке и объяснять, что сегодня забрать машину не получилось. А еще выслушивать очередные крики, успокаивать, говорить, что система не совершенна, но это все-таки частный случай невезения. Потом готовить новое заявление, добиваться возбуждения дела в отношении следователя, жаловаться на бездействие и волокиту, по второму, а затем и третьему кругу...

Неожиданно он вспомнил про рисунок, который они нарисовали с потерпевшей. На рисунке был изображен радостный полицейский на фоне отделения полиции с яркой надписью: «Слава российской полиции!» Ему вдруг стало неестественно для такой дурацкой ситуации смешно, и он захохотал.

Как у Льва Николаевича

Перед зданием управления внутренних дел

Адвокат: Николай Семенович, вы все запомнили? Спокойствие и только спокойствие. И действуем строго по инструкции.

Предприниматель: Да, Сергей Николаевич. Я все усвоил. Спасибо. Готов. Буду действовать по инструкции.

Адвокат: И постарайтесь поменьше говорить и поменьше эмоций. Разговоры — работа адвоката.

Предприниматель: Да, Сергей Николаевич.

Адвокат: Ну, пойдете тогда?

Предприниматель: Пойдемте.

В здании управления внутренних дел

Адвокат (стучит в дверь одного из кабинетов): Здравия желаю! Разрешите?

Оперуполномоченный: Вы кто?

Адвокат: Я адвокат. Вы предпринимателя Васильева Николая Семеновича вызывали повесткой на опрос.

Оперуполномоченный (сердито): Я же Васильева вызывал, а не вас. Вы мне не нужны.

Адвокат (улыбаясь): Ну вот он и пришел. Со мной.

Оперуполномоченный: Так пусть заходит.

Адвокат (громко обращаясь куда-то в коридор): Заходи давай, чего заставляешь ждать уважаемых людей.

Оперуполномоченный (сердито хмурясь в экран монитора): Так. Кто вы у нас?

Предприниматель (робко): Я Васильев, директор ООО «Золотопромышленник». Вы меня вызывали на 11.

Оперуполномоченный: А сейчас сколько времени?

Предприниматель: 11—05.

Оперуполномоченный: Почему заставляете себя ждать?

Предприниматель: Извините, пожалуйста. Нам пропуск долго оформляли.

Адвокат: Говорил я тебе, надо было в 7 выезжать. Спишь все.

Оперуполномоченный (все так же не поднимая глаз от монитора): Я сейчас не с вами разговариваю. Прошу не вмешиваться в разговор. Вы здесь для другого.

Адвокат (улыбаясь): Молчу-молчу, товарищ майор.

Оперуполномоченный: Паспорт давайте.

Предприниматель: Вот, пожалуйста.

Оперуполномоченный: Значит, так. У меня в производстве проверка в отношении вас. Все на контроле у руководства и прокуратуры. Были письма из ФСБ и ФСИН России конкретно по вам. В целом все там понятно. Материал на возбуждение. Сейчас вас опросим быстренько и на согласование бумагу прокурору повезем. Позиция ваша мне особо не интересна, так что зря вы адвоката взяли с собой.

Предприниматель (испуганно): На какое возбуждение? По поводу чего возбуждение?

Адвокат: Заткнись и не перебивай! Я тебе говорил, что ты достукаешься? Молчи и слушай теперь, что умные люди говорят!

Оперуполномоченный (впервые отрывает глаза от монитора и смотрит на адвоката): В органах работали?

Адвокат: А не похоже? Еще в РУБОПе начинал, потом в БЭПе, ну и дальше в министерстве.

Оперуполномоченный: Да нет, видно, что понимающий.

У адвоката звонит телефон. На весь кабинет громко звучит мелодия «Наша служба и опасна, и трудна».

Адвокат: Извините.

(Показывает пальцем на трубку и шепотом): Советник Колокольцева.

(Далее выходит из кабинета и громко разговаривает по телефону в коридоре): Да, Иван Алексеевич, здоровья желаю! Работаем! Все под контролем, Иван Алексеевич. По результатам доложу справкой и лично. Нет, Владимир Саныч не звонил. Есть! Есть! Так точно!

Возвращается в кабинет: Еще раз извините. Не мог не ответить.

Оперуполномоченный: По нашему вопросу?

Адвокат: Да нет. Я завтра в командировку в Магадан. Там вопрос один по налоговой с серьезными людьми. И рыбы просил Санычу привезти.

Оперуполномоченный: А вы Владимира Александровича лично знаете?

Адвокат: Саныча-то? Знаю, конечно. Мы же с ним в одном кабинете когда-то на Петрах. Потом как-нибудь расскажу. Давайте уже к этому гаврику нашему, а то у меня совещание скоро.

Оперуполномоченный: Да, да. Значит, вопрос очевидный. Пока видим здесь 159-ю в особо крупном. Но там еще налоговая включилась. В общем, оборотка у вас годовая нормальная, три ярда в год выходит, контрагентов ваших проверили, там половина — фирмы-однодневки.

Предприниматель: Извините, мы в белую полностью работаем. Нет никаких фирм однодневок.

Адвокат: Слышь, коммерс, я тебе сказал заткнуться, слушать и не спорить? Вначале слушаешь, что уважаемый человек говорит, потом комментарии свои гнилые делаешь. Здесь времени нет вот эту туфту твою слушать. Продолжайте, товарищ майор.

Оперуполномоченный: Да, спасибо. О чем это я. А, вспомнил. Значит, там еще немного налоги доработать. Но налоговая уже включилась, меня тоже включают в состав проверки, распоряжение подписано. Где у меня калькулятор? А, вот он. Значит, оборотка три, 40 процентов однодневок. Так. Это складываем, здесь умножаем. Ну, грубо, где-то неуплаты налогов на полтора ярда. 199-я, часть вторая. До семи лет. Но это грубо, это еще я в проверке не был и на коленке посчитал. И 159-я.

Адвокат: 159-я до 10-ти еще.

Оперуполномоченный: Вот. Правильно опытный адвокат говорит. 159-я еще. Там еще конфискация. Родственники у вас в фирме работают?

Предприниматель: Да, жена и сын.

Оперуполномоченный: Это, значит, группа будет. Сколько у нас по группе?

Адвокат: Могут и 210-ю влупить.

Оперуполномоченный: Ну это как следствие скажет. Но 210-я — это до 20-ти.

Предприниматель: Как до 20-ти? До 20-ти чего? Лет? Я же ничего не делал.

Адвокат: Не бухти пока. В следствии у меня нормальные позиции. Я с Егором Семеновичем еще в ППС бегал. А сейчас вон, уважаемый человек стал.

Оперуполномоченный: Да ладно? С Егором Семеновичем? Он что, не в следствии начинал?

Адвокат: Да, мы с ним три года после школы милиции на земле бегали. Бухал он тогда...

Оперуполномоченный: Ну он сейчас в принципе тоже.

Адвокат: Старая школа.

Оперуполномоченный (с уважением смотрит на адвоката): Да уж. Портфель у вас хороший.

Адвокат: «Луи Виттон». В прошлом месяце из Парижа привез. Там новая коллекция.

Оперуполномоченный: Я больше «Монблан» люблю.

Адвокат: «Монблан» тоже хороший. Но «Луи Виттон» более уважаемая фирма. Конкретнее только «Гермес». Но у них портфелей мало. Вон смотри у меня ремень какой.

Оперуполномоченный: Солидно. Вот ведь видно, что адвокат хороший. А у меня и ремень «Монблан».

Адвокат: Ну ничего, майор. Какие твои годы. Ты еще генералом станешь. Дай справку-объективку, сейчас скину в «Телеграме» советнику Саныча. Такие люди нужны. С пониманием чтобы, с уважением, без говна этого нового.

Предприниматель: Господа. Вы обо мне не забыли? Сергей Николаевич, вы вообще адвокат или как? Мне 20 лет обещают, а вы о каких-то телеграммах-монбланах?

Адвокат: Слушай, ты! Я, может быть, родную душу встретил! Я знаешь сколько этой ментовке лет отдал. Лучшие годы жизни! Я вооруженных брал. С таким говном,

как ты, и не связывался. По линии бандитизма был. А ты, коммерс... Если б не дядька твой, разве я бы пошел с тобой. Дядьку жалко. Уважаемый человек, а племянник такой пакостник, крысеныш жадный.

Предприниматель: Извините. Никакого дяди у меня нет, и не надо со мной так грубо.

Адвокат: Вот что дядю не называешь — правильно.

(Шепотом обращаясь к оперуполномоченному): У него дядька верхний фейс. Давно его знаю. В Газпроме сейчас в безопасности.

(И далее громко): Мы вообще раньше таким, как ты, пакет на башку и оставляли подумать. Может, вечером тебя сегодня с дядькой прикуем наручниками в бассейне голого, и будешь думать: чего бухтеть, чего не бухтеть.

Оперуполномоченный: Ни хрена себе. Ну это жестко.

Адвокат: А с коммерсами только так. Они тупые конкретно. По жизни не разбираются. Одни бабки в глазах. Души нет, чтобы посидеть там спокойно, песни военные послушать. Ты песни военные любишь?

Оперуполномоченный: Я шансон больше.

Адвокат: Шансон тоже хорошо. Знаешь, мы сейчас прямо в министерство поедем. Готовь объективку.

Предприниматель: Господа-господа. Может, я пойду?

Адвокат: Куда ты собрался? С тебя еще объяснение не брали. погоди вон в коридоре. Сейчас один вопрос обкашляем с товарищем майором и позовем тебя. Или вот что. Водки иди купи. Сейчас с майором к Егору Семеновичу пойдём по твоему материалу. Без водки разговора с ним не бывает. Потом я песни петь буду,

про офицеров. А Семеныч плакать начнет. Он всегда под офицеров плачет.

Предприниматель (выходит из кабинета): Хорошо-хорошо.

Оперуполномоченный: Да, серьезный вы человек.

Адвокат: Опытный просто. Видел много.

Оперуполномоченный: Это сразу видно.

Адвокат: Меня же два раза оэсбэшники принимали, но всегда в чистую отбивался.

Оперуполномоченный: 290-я?

Адвокат: Это в первый раз 290-я. Второй там 163-я группой, 209-ю шить пытались, но как видишь.

Оперуполномоченный: Солидно.

Адвокат: Нормально. Я так скажу: работаем понемногу. Ну ладно, что там? Туфта ведь, не к нему вопросы?

Оперуполномоченный: Да нет, в принципе. Опросить его надо формально. Там по его контрагенту вопрос, на которого заява пошла.

Адвокат: А без опроса нельзя, что ли?

Оперуполномоченный: Ну, начальство сказала вызывать.

Адвокат: Это Егорыч, что ли?

Оперуполномоченный: Нет, Алексей Егорович сейчас начальник управления. Это Василий Петрович.

Адвокат: Такого не помню. Молодой, наверное.

Оперуполномоченный: Подполковник.

Адвокат: Молодеет милиция.

Оперуполномоченный: Полиция.

Адвокат: Тьфу, все время забываю. Ладно, сейчас он придет. Запиши там, что он знает этого контрагента, был один договор, обязательства исполнили, претензий нет, о какой-либо противоправной деятельности информации

нет, и привет. Мы подпишем, и я к Егору Семеновичу еще заскочу. Пойдешь со мной к нему водку пить?

Оперуполномоченный: Да нет, спасибо, работы еще много.

Адвокат: Ну смотри, но справку мне пришли. Через «Телеграм» только. «Вацап» слушают фейсы конкретно, он совсем дырявый стал. Хороший ты парень. У меня глаз проверенный. Быть тебе генералом.

Оперуполномоченный: Спасибо вам. А можно мне визитку вашу? Жизнь — она сами знаете какая. Всегда нужна визитка адвоката на всякий случай.

Возле здания УВД.

Предприниматель: Спасибо большое, Сергей Николаевич. Я очень переживал, конечно.

Адвокат: Не за что, Николай Семенович. Переживания — это тоже хорошо. Бдительность и осмотрительность никогда не повредят. Тогда я жду вас завтра у себя в офисе для подписания акта.

Предприниматель: Конечно, конечно. Завтра в 12 у вас, и гонорар в этот же день перечислю. Надеюсь, больше не вызовут, а то мне не очень понравилось. Мрачное место.

Адвокат: Я для вас рисков не вижу, мы все пояснения дали. Проверка, по большому счету, вас не касается, так что, надеюсь, что увидимся по какому-то более приятному поводу. До свидания.

Предприниматель: До свидания и спасибо еще раз. Ой. Извините, еще хотел спросить. Вы правда в полиции работали и всех этих людей знаете?

Адвокат: В милиции. Работал когда-то. Давно. А людей... Знаю, конечно, кого-то. И меня знают, но зачем нам это с вами. Мы же обсудили с вами, что маловероятно, что еще вызовут, и рисков практически нет. Да и не решаю я никакие вопросы. Никогда и ни с кем. Табу у меня. Еще с советских времен.

Предприниматель: Ну вы это... Здорово, конечно, играли. Я натурально поверил.

Адвокат: А я разве играл? Я не играл. Я работал. В милиции. Давно когда-то. Ну, всего вам доброго и до завтра!

Предприниматель: До завтра.

Вечером. Дома.

Дочь адвоката: Привет, папочка! Ужинать будешь?

Адвокат: Нет, милая, спасибо! Я поужинал на работе.

Дочь адвоката: Выпивал?

Адвокат: Немного пришлось. Но ты же знаешь, что я для работы.

Дочь адвоката: Знаю, папочка. Но тебе ведь совсем-совсем нельзя.

Адвокат: Милая, я постараюсь больше совсем-совсем ни-ни. Расскажи лучше, что ты сейчас читаешь?

Дочь адвоката: Льва Толстого, папочка.

Адвокат: «Войну и мир»?

Дочь: Нет, «Анну Каренину».

Адвокат: Мое любимое. Я когда-то твоей маме читал вслух, когда только познакомились. Толстой — лучшее о любви, что я знаю. Эта волшебная сцена, когда Левин признается Кити в чувствах и просит стать его женой. Дошла уже до нее?

Дочь адвоката: Нет еще.

Адвокат: Дойдешь обязательно. Потом перечитай еще и еще. У меня всякий раз такой восторг внутри, когда перечитываю. Лев Николаевич великий, конечно. Так писать о любви. Только он и умел. Хотя и Тургенев прекрасен, и Булгаков, и Гоголь, и вся наша русская литература. Читай, мое солнышко, много читай. Это очень полезно. Очень пригодится тебе в жизни. Слог будет красивый и правильный. Вдруг ты тоже адвокатом станешь, как папа.

Дочь адвоката: Я не хочу адвокатом, я на журфак хочу.

Адвокат: Ну, это мы с тобой через два года поговорим, когда поступать будешь. Кстати, как правильно говорить: «Гермес» или «Эрме»? Мне для работы очень надо.

2020

Они стояли и смотрели друг на друга. С одной стороны — толстенький сильно напуганный мужичок лет 50, немного полноватый, немного лысоватый. В общем, обычный такой российский мужичок, скорее всего, мелкий предприниматель, которого сейчас выделяло только одно. Он был весь липкий, липкий от какого-то почти животного страха.

С другой стороны — толпа. Молодые, сильные, дерзкие, похожие друг на друга, весьма уверенные в себе мужчины. У многих оружие в руках. И все как один явно испытывали откровенную неприязнь к мужичку-предпринимателю, или кто он там был. Обыденную такую неприязнь. С подобной скупающей неприязнью явного превосходства смотрят на мерзкую надоедливую букашку перед тем, как раздавить ее подошвой ботинка и навсегда о ней забыть.

Так они и смотрели друг на друга. Подошва тяжелого ботинка и маленькая букашка, которая понимала, что с ней сейчас будет. Раздавят, приплюснут крылышки, лапки и перепонки, размажут об асфальт, сплюнут и пойдут дальше. Пока не встретят еще одну такую же букашку и повторят процедуру уже с ней.

Для летней кризисной Москвы 2020 года это была привычная картина. Молодые, сильные мужчины

объединялись и толпами нападали на одиноких прохожих, у которых можно было поживиться хоть какими-то деньгами. Другие прохожие давно перестали обращать на это внимание. Каждый сам за себя, и никто тебе, если что, не поможет. Лучше пройти мимо. Спокойнее, безопаснее. Не пройдешь — молодые и дерзкие ограбят и растопчут уже тебя. Поэтому голову в плечи, не смотреть по сторонам и бегом-бегом, поскорее домой. Закрыться на все засовы и накрыться с одеялом. Авось не заметят, не обратят внимания, пройдут мимо. Ну а мужичок — что ж, мужичку не повезло. В конце концов, сам виноват. Не надо было выделяться, надо было как все, жить по средствам. В общем, бегом отсюда. Так думали проходившие мимо. И проходили, проходили, несмотря на крики мужичка о помощи.

А мужичок заходился в своих истошных криках. Спасите, помогите, грабят! Но никого не было рядом. Это Москва, Россия 2020 года, где нет друзей и товарищей. Попал в беду — смирись, покорись, сдайся. 99,7 процента или что-то около того, что тебя растопчут, как букашку. Такова жуткая статистика.

И вот уже от толпы отделился самый молодой, дерзкий и сильный, с ножом в руке. Он пошел к мужичку с таким видом, что все было понятно. Кричи — не кричи, бесполезно. Бежать тоже бесполезно: догонят и затопчут толпой. Будет только больнее. Молодой, дерзкий и сильный приближался к жертве и с улыбкой вертел в руках ножом, который вот-вот должен был сделать свое страшное дело. Иди сюда, сам, все равно никто не поможет. А если сам, будет не так больно. Возможно, сохранишь жизнь, только лишишься всего имущества.

Внезапно дорогу молодому и дерзкому кто-то преградил. Их было трое. Сильно хромавший на правую ногу немолодой мужчина, опиравшийся на палку. Державшая его за руку пожилая женщина и совсем молоденькая девушка, восторженно вращавшая глазами от предвкушения чего-то очень важного и интересного. В них не было никакой силы. Мужчина с женщиной выглядели как люди усталые и нездоровые, а девушка была такой маленькой, что тоже вряд ли могла бы оказать хоть какое-то сопротивление молодому и сильному, а тем более стоявшей за ним толпе. Однако не было в их глазах и привычного для всех, с кем встречалась эта толпа, страха. Усталость и грусть у мужчины и женщины были, щенячий восторг у девушки был, а вот страха не было. Ни малейшего.

Молодой и сильный был явно удивлен. Того, что ему кто-то может помешать, он явно не ожидал. Впрочем, он быстро пришел в себя, подошел вплотную к мужчине с палкой, толкнул того в грудь, выставил перед собой нож и сказал:

— Дай пройти.

Мужчина посмотрел на него, тяжело и устало вздохнул и ответил:

— Не дам.

— Отойди в сторону, — прорычал молодой и дерзкий.

— Не отойду, — снова вздохнул мужчина.

— Отойди, а то убью, — продолжал молодой и дерзкий.

— Попробуй, — грустно усмехнулся мужчина.

— Если ты его тронешь, я вцеплюсь тебе в глотку. Зубами. И прогрызу ее, — все с тем же восторгом закричала девушка.

— А я ударю тебя ногой в пах,— тихим, но уверенным голосом промолвила женщина.

— А я побью тебя своей палкой,— поддержал их ставший как будто чуть выше и прямее немолодой мужчина.

Молодой и сильный отступил назад, продолжая выставлять нож, и удивленно спросил:

— Вы что, смертники? Вам жить надоело? Зачем вам это надо? Смотрите, сколько нас и как мы сильны.

— Жить совсем не надоело. Но ведь должен же хоть кто-то делать эту чертову работу и защищать от вас,— с печальной уверенностью ответил на вопрос мужчины с палкой.

— Но ведь вы точно проиграете! Нас больше, и мы сильнее.

— Ну что же. Значит, такова судьба. Зато мы поможем ему,— указал мужчина на дрожавшего от страха мужичка позади себя,— он ведь заслуживает помощи.

— Чего он там заслуживает? Да таких мочить надо! Стране такие не нужны.

— А вот это не вам решать, кто ей нужен, а кто не нужен.

— Вот же придурок ты. А кому решать-то? Тебе что ли?! — в ярости закричал молодой и сильный.

— Не мне, конечно. И не ей,— кивнул мужчина с палкой на свою спутницу,— но и не вам. Суду. Не вашему, а справедливому. Только ему решать. А вам я решать не дам.

— Ах вот как ты заговорил! — снова закричал молодой и сильный и с ножом яростно кинулся на мужчину.

Несмотря на кажущуюся медлительность, мужчина легко увернулся от удара, а затем палкой ударил своего

молодого оппонента по спине, от чего тот скорчился и упал на асфальт. Толпа налетела на смелую троицу, но не заставила отступить. Мужчина отмахивался от всех ударов палкой, и ни один нож не мог его достать. Пожилая женщина оказалась неожиданно верткой и так умело была нападавших своей сумкой, что многие из них взвизгивали от боли. А девушка столь яростно царапалась, кусалась и кричала, что к ней просто опасались приближаться. Мужичок же, из-за которого и началась вся эта заварушка, продолжал в страхе дрожать поодаль и даже не смел подумать о помощи своим неожиданным защитникам.

Но сила, молодость и численный перевес нападавших, конечно же, брали свое, и под градом ударов упорно сопротивлявшаяся троица была вынуждена медленно отступать. Мужчина с палкой был уже не так ловок, как в начале потасовки, лицо у него было сильно разбито, а на груди и руках сочились кровью ножевые порезы. Пожилая женщина тоже отбивалась с трудом и очень тяжело дышала. Только девушка была все так же неугомонна в своем яростном боевом восторге, и к ней по-прежнему никто не мог приблизиться, чтобы нанести точный удар. Впрочем, нападавшие тоже понесли серьезные потери, а некоторые из них уже были выведены из строя и со стонами лежали на асфальте.

Внезапно кто-то из нападавших крикнул: «Довольно»,— и дал команду отступить. Молодые и сильные с топотом убежали, видимо, посчитав, что им спокойнее будет найди себе иную жертву, на защиту которой никто не встанет.

Наша троица в достаточно плачевном состоянии осталась на месте побоища. Лицо мужчины напоминало один кровавый синяк, раны сильно кровоточили, а палка, которой

он так мужественно отражал все атаки, была сломана. Пожилая женщина и девушка выглядели ненамного лучше. Не пострадал в этой истории только тот, за кого они вступились. Все такой же липкий от страха и пота мужичок подошел к своим спасителям, плакал, бормотал бессвязные слова благодарности и снова плакал. Было видно, что он до сих пор не может прийти в себя. Мужчина и женщина принимали благодарность достаточно сдержанно и спокойно, а лицо девушки, несмотря на следы побоев, светилось от счастья. Чувствовалось, что она была очень горда собой, своими спутниками и тем поступком, который был ими только что совершен. Но вот женщина достала из сумки какую-то квитанцию, протянула ее мужичку, и троица медленно, поддерживая сильно хромавшего немолодого мужчину, побрела куда-то в сторону метро.

Незнакомый парень подбежал к ним, восхищенно пожал мужчине руку и спросил:

— Зачем? Зачем вы все это делали? Зачем рисковали жизнью? Ради чего?

Избитый мужчина поднял на него грустные глаза и ответил:

— Профессия.

— Профессия? Но кто же вы? — удивленно воскликнул парень.

— Адвокаты.

— Адвокаты? Но кто это? Это из любви к людям? — спросил парень.

— Нет, это за деньги, — сказал мужчина, вытер вновь выступившую на губах кровь и в первый раз за этот день улыбнулся усталой улыбкой человека, хорошо сделавшего свою работу.

Гав-гав

В одни стародавние времена существовало царство-государство, и было оно самое большое, великое и очень сильное. Люди в нем жили сплошь счастливые и богатые. Особенно некоторые. И эти счастливые и богатые люди всегда думали о том, чтобы царство-государство стало еще величественнее и сильнее, а подданным жилось еще вольготнее и сытнее. И собрал как-то царь-батюшка вече с боярами ближними. Повелел он им выяснить, почему все-таки в царстве-государстве, несмотря на все богатства великие, народ иногда ропщет, недовольство проявляет, шепчется, что, мол, богатства-то великие, но у некоторых чрезмерно, а нам вот маловато. Думал царь-батюшка о народе и неустанно пекся. Посоветались бояре и говорят царю-батюшке чудные слова: экономические проблемы, кризис, давление на предпринимателей не ослабевают. Царь-батюшка хоть и был дюже умный, но больше по юридической части, а потому вызвал двух верных помощников по экономическим вопросам — главного охранника и второго главного охранника. Был еще третий главный охранник, но того не позвали, он в опале был в тот момент, временной. Говорит царь-государь верным помощникам: думайте, головы свои большие и светлые напрягайте, но вот эти мне экономические проблемы разрешите. Хочу, чтобы весь народ счастлив был, а не только 76 процентов, как вы мне тут ошибочно докладываете.

Думали помощники верные-думали, аж лбы от натуги трещали, и наконец поняли. ШпиЁны проклятые одолевают, изменники всякие проклятушие, расхитители секретов родного царства-государства. Вот экономика и в стагнации. Так и сказали царю-государю: «шпиЁны». «Прямо через букву Ё, понимаешь». Царь-государь поморщился, что через букву Ё, но вида не подал. Очень он доверял своим верным помощникам. Да и как не доверять. На то они и верные. И постановил царь-государь всех этих враждебных шпиЁнов извести, понимаешь, на корню, в полном объеме, так сказать, и по полной строгости. Он, конечно, грубее сказал, потому что суров был в гневе праведном. Но у нас с вами сказка детская, поэтому мягкая, добрая и хорошо закончится.

Побежали помощники верные исполнять поручение царское. А как его исполнять, если на роже у человека не написано, что он шпиЁн? На рожу-то все они добрые, а там, может, тайно, понимаешь, в пользу вражеских разведок шпиЁнят, экономику имперскую подрывают. А разведок этих вражеских просто тьма-тьмушая, и все хотят наши секреты выведать, чтобы завладеть знаниями тайными да богатствами несметными. Тоже задача не из простых. Но головы у помощников были большие, умные, и придумали они решение, как всех шпиЁнов на чистую воду вывести. Заказали вакцину специальную. Пришлось даже специалистов для разработки из-за дальних рубежей нанимать да ингредиенты импортные использовать. Не было в царстве-государстве таких специалистов да ингредиентов. Но дело-то благое, царству-государству удобное, а потому не жалко было за вакцину деньжища гигантские отваливать. Да и не свои к тому же, а царства-государства, большого, великого и очень сильного.

И вот вкололи эту вакцину всем подданным. А вакцина та не простая была, а волшебная. Как начинает шпиЁн или изменник секреты выдавать, так и на середине секрета вместо слов лаять начинает: «гав-гав-гав». Тут-то и его, и агента вражеских разведок под белы рученьки — и в темницу: догавкались, мол. Вот, например, один такой товарищ говорит вражескому агенту: наши самолеты летают на гав... — а дальше выговорить не может, только «гав-гав-гав». Морщится вражеский агент, не понимает, какое такое «гав-гав-гав», в чем секрет могущественной авиации царства-государства и за что он такие деньги уплатил, а шпиЁн — продавец секретов только «гав» да «гав». Уже и добры молодцы-опричники приехали, и деньги шпиЁнские в доход царства-государства обратили, а он все «гав» да «гав» из клетки.

Или хочет вражеский агент выведать (за деньги, конечно, негодяй и мерзавец) из какого-такого материала космический корабль в царстве-государстве построен, а изменник родины ему в ответ: «из гав...», а дальше опять «гав-гав» и больше ничего.

Еще один шпиЁн попытался выведать, почему в царстве-государстве такая еда вкусная, и вроде уже выведал, но сказать вражескому агенту не может. Только говорит, потому что замешана на гав..., и потом вдруг «гав» да «гав», — ничего не понять, в общем. Лает как собака (собака и есть — так один опричник и сказал), а выболтать секрет не может. Тоже сцапали голубчиков. При передаче секретной информации. С поличным. Пусть теперь в зоопарке лают друг на друга через клетки, на потеху простому люду.

Многих тогда изменников да предателей изловили. Догавкались, понимаешь ли, — так один верный помощник сказал. И не смогли тогда вражеские разведки ни одного секрета больше узнать, и стал народ в царстве-государстве еще более богат да счастлив и еще крепче царя-государя полюбил. Потому что как не любить? Жизнь-то стала в царстве-государстве совсем гав-гав-гав... Но это уже другая сказочка, а наша хорошо заканчивается, без гав-кания, как и обещано.

Растрата

Пьеса

В роли мужа — директор предприятия с государственным участием

В роли жены — сотрудник предприятия с государственным участием

В роли тещи — сотрудник министерства, курирующего деятельность предприятия с государственным участием

В роли сотрудника ФСБ — сотрудник ФСБ

В роли следователя СК — следователь СК

В роли судьи — судья

Россия. Настоящее время.

Жена (пишет смс мужу): Дорогой, не зайдешь после работы в магазин? Дома нет хлеба и молока.

Муж (пишет смс жене): Конечно, милая. А в какой магазин?

Жена (пишет смс мужу): Я обычно в «Ашане» покупаю, там у нас скидочная карта, она у тебя в сумке во втором отделении.

Муж (пишет смс жене): Хорошо, милая.

Через три часа.

Муж (звонит по телефону жене): Любимая, я заехал в «Ашан», но тут такая очередь на кассе, и еще все пакеты с молоком какие-то грязные. Я тогда в «Азбуку Вкуса» лучше зайду, хорошо?

Жена: Любимый, но в «Азбуке Вкуса» ведь подороже.

Муж: Зато качественнее и быстрее.

Жена: Хорошо, родной. Ты ведь у нас главный в семье и распоряжаешься нашим бюджетом.

Через полтора года.

Сотрудник ФСБ: Вы молоко и хлеб почему полтора года назад в «Азбуке Вкуса» купили?

Муж: Я люблю «Азбуку Вкуса». Там продукты качественнее и очередей нет.

Сотрудник ФСБ: Прекратите отпираться. Продукты везде одинаковые. Вот справка об исследовании.

Муж: Не отпираюсь я ни в чем. Я всегда в «Азбуке Вкуса» покупаю, сервис там лучше и очередей нет.

Сотрудник ФСБ: Ах вы всегда в «Азбуке Вкуса» покупаете. То есть вы распоряжаетесь общим семейным бюджетом как своим личным.

Муж: Да, я всегда покупаю в «Азбуке Вкуса». Считаю, что имею на это право. Мы в семье зарабатываем хорошие деньги. Это, в конце концов, наше дело, где и что покупать. Мы же для своей семьи покупаем.

Сотрудник ФСБ: Вы еще и дерзите. Ну готовьтесь.

Сотрудник ФСБ: Вы полтора года назад говорили мужу, чтобы он купил молоко и хлеб в «Ашане», по-скольку там дешевле?

Жена: Я такого не помню.

Сотрудник ФСБ: Прекратите отпираться. Вот переписка, у нас все зафиксировано.

Жена: Ну раз переписка, то, наверное, говорила.

Сотрудник ФСБ: Вы понимаете всю серьезность ситуации для вас лично? Отвечайте без «наверное».

Жена: Да, говорила.

Сотрудник ФСБ: Что он вам на это ответил?

Жена: Что купит в «Азбуке Вкуса».

Сотрудник ФСБ: В «Азбуке Вкуса» выше цены?

Жена: Да, выше.

Сотрудник ФСБ: Почему же он тогда купил?

Жена: Потому что он у нас в семье главный.

Сотрудник ФСБ: Вы считаете это его решение о покупке продуктов по более высокой цене правильным?

Жена: Я ничего не считаю. Он так решил сам.

Сотрудник ФСБ: То есть вы не отрицаете, что продукты можно было купить дешевле?

Жена: Не отрицаю.

Сотрудник ФСБ: Вам ущерб причинен в результате этого?

Жена: Считаю, что не причинен.

Сотрудник ФСБ: Ах вот вы как заговорили! Ну хорошо. Мы тогда с вашей мамой поговорим.

Сотрудник ФСБ: Вы знаете, что муж вашей дочери купил полтора года назад продукты не в «Ашане», а в «Азбуке Вкуса» по завышенной стоимости, и это причинило ущерб их семейному бюджету?

Теща: Нет, не знаю.

Сотрудник ФСБ: Я вам только что это сказал. Вы продолжаете утверждать, что не знаете?

Теща: Раз сказали, то теперь, наверное, знаю.

Сотрудник ФСБ: И какие выводы?

Теща: Никаких выводов. А какие я должна сделать выводы?

Сотрудник ФСБ: Говорите, что это причинило ущерб семейному бюджету семьи вашей дочери.

Теща: Я даже не знаю, какой у них бюджет.

Сотрудник ФСБ: Вы не знаете, какой у них бюджет? Чем вы вообще занимаетесь? Вы понимаете, что я могу вас в дом престарелых определить?

Теща: Ладно, где подписать. Зять мне все равно не нравился никогда, выпивает периодически.

Сотрудник ФСБ: Ну вот, все и доказано. Растрата. Бери материал.

Следователь СК: Точно доказано?

Сотрудник ФСБ: Точно тебе говорю — полный расклад.

Следователь СК: А муж признается?

Сотрудник ФСБ: Пока нет, но там очевидно все. Оперативными материалами подтверждается. Налицо состав.

Следователь СК: Мне бы лучше, чтобы признался. Я не понимаю ничего без признания.

Сотрудник ФСБ: Возбуждай. Доработаем потом в Лефортово. Жену с тещей закроем, если что, тогда запоем, как миленький. И эпизоды подкрутим. Видел же — жена сказала, что он постоянно в «Азбуке Вкуса» отоваривается.

Следователь СК: А «Азбуку Вкуса» будем привлекать?

Сотрудник ФСБ: Не, по ней команды не было. Это уже политика. «Азбуку» не согласовали нам.

Следователь СК: Ну ладно. Грамоту дашь?

Сотрудник ФСБ: Медаль дам.

Следователь СК: Здравствуйте.

Муж: Здравствуйте.

Следователь СК: В отношении вас возбуждено дело.

Муж: Какое дело, что за бред?

Следователь СК: Растрата. Вот постановление, ознакомьтесь.

Муж: Но это же бред полный. Какое завышение стоимости? Какая заведомость? Почему кто-то вмешивается в траты нашей семьи?

Следователь СК: Закон такой. Закон нарушать нельзя.

Муж: Я что, теперь не могу покупать, где лучше?

Следователь СК: Можете, но для личных нужд. А здесь семейные.

Муж: Бред какой-то.

Следователь СК: Да я сам вам очень сочувствую и ничего в этом деле не понимаю, но тут ФСБ на контроль взяло.

Муж: И что теперь будет?

Следователь СК: Придется посидеть.

Муж: За что сидеть-то?

Следователь СК: За растрату семейных денежных средств. Там же написано. Приобрел по завышенной стоимости, распорядился семейными денежными средствами как своими личными, растратил, причинил ущерб.

Муж: Я ни в чем не виноват.

Следователь СК: Я вам удачи желаю. Но сами понимаете, ФСБ. В суде разберутся, как им надо. Признаться не хотите, кстати? В особом порядке меньше получите.

Муж: Я ни в чем не виноват.

Судья: Обвинение вам понятно?

Муж: Не понятно.

Судья: Что не понятно?

Муж: Ничего не понятно.

Судья: Ну вот же написано. Растрата. Завышение цены, причинение ущерба семейному бюджету. Следователь подписал.

Муж: Я никому никакого ущерба не причинял. Продукты были употреблены по назначению всей семьей, разницу с цены я для себя не получал, вся семья была довольна.

Судья: Присваивал разницу, не присваивал — это не важно. У вас же не мошенничество. Растрата, говорю же вам. Признаться не хотите? В особом порядке быстро рассмотрим, а так доставка тяжелая у вас будет в суд. В автозаке каждый день париться.

Муж: Делайте, что хотите, я ни в чем не виноват.

Судья: Вот и рапорт ФСБ имеется, что виноваты. Вот заявление потерпевшего, вот гражданский иск, вот исследование, что молоко купили дороже. Признаться не хотите?

Муж: Не хочу. Не виноват я ни в чем.

Судья: Неразборчиво читает скороговорку.

Муж: За что 6 лет?

Судья: Ознакомьтесь с приговором, там все подробно описано. Можете жаловаться. Судебное заседание закрыто.

Гарпун

Отставной полковник Тимофеев к старости почему-то полюбил рыбалку. В молодости был он человеком активным, общительным, деятельным, а выйдя на пенсию, постепенно пристрастился к этому увлечению одиночек. Теперь ему нравилось уходить далеко по берегу озера, забираться в камыши и тихонько, не моргая, сидеть в засаде, ожидая, когда в глубине внезапно мелькнет темная спина карася или карпа. Тогда старик внезапно выпрямлялся в струну, выбрасывал в сторону рыбы острый гарпун и уже через секунду ощущал на его конце агонизирующую вибрацию сильного тела пойманной рыбы.

Да, Тимофеев любил необычную рыбалку. Он так и не смог пристраститься к удочкам с их сложными снастями, а гарпун как-то постепенно стал его единственным серьезным увлечением на старости лет. Для этой рыбалки, или даже скорее охоты на рыбу, требовались время и терпение. И того, и другого у пожилого человека было теперь в избытке. А гарпунщиком Тимофеев был знатным. Вот и сейчас он уже часа полтора неподвижно смотрел в темную гладь озера, казалось, слившись в своей зеленой защитной куртке с такими же зелеными камышами. Он любил такие минуты ожидания. В это время только его глаза были здесь и наблюдали за водной гладью, а мыслями старик был где-то далеко, перебирая

воспоминания о молодости, первой любви, рождении и взрослении сына Егора, службе в милиции, повышениях и взысканиях, выходе на пенсию, внезапно и одновременно наступивших старости и кончине любимой супруги. Наверное, эти воспоминания, рыбалка с гарпуном и редкие звонки давно взрослого сына были единственным, что скрашивало его в общем-то довольно скучную и одинокую жизнь. Сын не то чтобы отдалился от него, но у него была своя семья, которая давно жила отдельно от старика. К тому же недавно Егора пригласили на повышение куда-то в Москву, в главное управление, чем Тимофеев втайне гордился, хотя и ворчал от того, что теперь будет видеться с вновь назначенным следователем по особо важным делам еще реже.

Внезапно Тимофеев увидел, что на расстоянии метров двух от берега в немного мутноватой глубине мелькнула какая-то темная крупная тень. Тимофеев был опытным рыбаком и знал, что в такую минуту надо сделать несколько глубоких вдохов, закрыть и открыть глаза и, дождавшись, пока жертва откроет свой левый бок, резко выбросить руку с гарпуном. Так и случилось. Острый гарпун вошел в жирное тело легко, практически без сопротивления. Хребта не было, либо бросок был осуществлен с такой силой, что старик не ощутил его. Крови тоже было немного. За годы практики старик так наловчился, что его жертва, пронзенная насквозь, умирала практически мгновенно, а потому не теряла много крови.

Довольный Тимофеев положил мертвую рыбу в пакет, потянулся и впервые за утро закурил. Можно было немного расслабиться и отпустить наблюдение. Какое-то время

рыба к этому месту приближаться не будет. Неожиданно внутренний карман куртки завибрировал. Телефон. Старик удивился. Кто мог звонить ему, да еще и в такую рань? Номер был московский, но незнакомый.

— Анатолий Сергеевич, — раздалось в трубке.

— Да, а кто спрашивает?

— Это следователь Следственного комитета Маркин. Вы знаете, у меня в кабинете сейчас находится ваш сын Егор Анатольевич. Я произвожу его задержание и обязан уведомить одного из близких родственников. Егор Анатольевич попросил позвонить вам.

— Как задержание? Почему? А что произошло?

— Превышение полномочий с тяжкими последствиями. Подробности рассказать не могу: сами понимаете, тайна следствия.

— А что же дальше будет?

— Сейчас его отвезут в изолятор временного содержания на Петровку, а дальнейшая его судьба будет зависеть от избранной им процессуальной позиции.

— Какой позиции? Что происходит вообще?

— Извините, больше не могу говорить, — раздалось в трубке, после чего связь прервалась.

Утреннее спокойствие сняло как рукой, и старик понял, что, несмотря на шок, к нему вернулись некогда переполнявшие его активность и жажда деятельности. Надо было спасти сына. Он хорошо знал Егора. Да, карьерист, да, иногда резкий и заносчивый, но совершать преступления? Превышение полномочий, да еще и с тяжкими последствиями. Тимофеев сразу решил, что произошла какая-то ошибка. Но он этого так не оставит.

Остались ведь какие-то связи, в конце концов, он был не последний человек, хоть и давно отошел от дел. Там, в Москве, разберутся, он уверен. Не могут вот так просто человека ни за что упечь в тюрьму.

Следующим утром он уже был в Москве и в каком-то кафе прямо возле здания ГУВД на Петровке пил дорожный кофе и слушал рассказ молодого, уверенного в себе мужчины, представившегося адвокатом Егора:

— Шьют 286-ю, часть третью, до 10 лет, якобы задержали кого-то не того, сам толком не понимаю, обещают первую часть, если даст показания на начальника и начальника его начальника, но надо еще и подмазать, тогда будет домашний арест.

— Как подмазать, сколько нужно, кому?

— Следователю и прокурору немного, тысяч по сто.

— Тысяч по сто чего, рублей? Я смогу, мне только дом продать.

— Дедушка, ну каких рублей. Долларов, конечно же. Это Москва, здесь ценник такой. У вас еще 24 часа есть, дальше они пойдут со стражей.

— Ах, Москва... — медленно и как бы удивленно протянул старик. — А ты вообще Егора откуда знаешь?

— Я его вообще не знаю. Я следователя знаю. Он меня и позвал в это дело.

— Ну вот и передай своему следователю, что ни хрена он не получит. Тимофеевы всегда по совести жили, так и скажи. А теперь пошел вон. Нам с Егором такой адвокат не нужен.

— Ну зачем вы так, дедушка, я же помочь хочу. А другие вас просто разведут, и помощи не будет.

— Пошел вон, я сказал, — прочеканил старик и поднялся из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

Через восемь месяцев он знал все обстоятельства дела, знал, что сын ни в чем не виноват, что никакого преступления не было, все, что написано в обвинении, — ложь. За эти восемь месяцев он пережил одно избрание меры пресечения, три продления сроков содержания под стражей и два гипертонических криза. Следователь и начальник следователя отказывались с ним разговаривать, несмотря на корочку пенсионера органов внутренних дел; свиданий с Егором ни ему, ни невестке не давали, и вообще какого-либо улучшения ситуации не наблюдалось. Новый адвокат, найденный друзьями сына, все время писал какие-то жалобы, говорил умные вещи, с которыми старику хотелось соглашаться, и вообще был человеком, очевидно, грамотным и порядочным, усилия которого, впрочем, почему-то уходили куда-то в песок. Немногочисленные еще оставшиеся на службе знакомые сочувственно кивали, обещали что-то узнать, помочь, но затем пропадали и переставали выходить на связь. Деньги за проданный дом тоже заканчивались.

Однако старик был терпеливым человеком, а потому не сдавался. Он знал, что надежда еще есть и что у этой надежды даже есть имя. Коля. Коля Иванов. Следователь, у которого он был когда-то давно наставником, с которым они сидели в одном кабинете, которого он учил всем премудростям профессии и который какими-то невиданными карьерными зигзагами далеких лет двадцать назад перебрался в судьи, дослужился до большой должности

в Верховном суде, недавно вышел на пенсию, но мог, как говорили, благодаря наработанным связям решить любой вопрос с судом. Старик все эти восемь месяцев тщетно пытался отыскать Колю, но вот наконец удача улыбнулась ему: один из товарищей Егора, который не отвернулся от друга в тяжелый момент, через каких-то знакомых узнал, что Николай Степанович Иванов работает советником одной крупной государственной корпорации, действительно может разрешить разнообразные деликатные судебные вопросы и даже сумел договориться о личном приеме у высокопоставленного отставника.

В назначенное время старик сидел в высоком и пышном кабинете и несколько исподлобья разглядывал своего сильно располневшего и постаревшего бывшего коллегу.

Иванов сделал вид, что не узнал его, все время многозначительно поглядывал на явно очень дорогие часы и вообще всячески демонстрировал, что не имеет никакой возможности помочь:

— Понимаете, Анатолий Сергеевич, никаких процессуальных возможностей вмешаться в настоящее время в ситуацию с применением меры пресечения в отношении вашего сына у суда не имеется. И вообще: я ознакомился с судебным решением. Оно в целом носит законный и обоснованный характер — с учетом обвинения в тяжком преступлении и занимаемого обвиняемым служебного положения.

— Но ведь это обвинение — липа?

— На данной стадии производства по делу суд не вправе вмешиваться в доказательства по делу, а тем более давать им оценку. Вам следует обратиться с жалобой в Следственный комитет. Да и потом ваше дело такое

мелкое и незначительное, что мне даже неудобно будет беспокоить людей высокого уровня, с которыми я, как вы понимаете, регулярно имею дело.

— Послушай, Коля, — внезапно рассвирепел старик, — ты ведь узнал меня. Узнал, не опускай глаза. Я дядя Толя. Ты ведь со мной в одном кабинете сидел, я же за тебя, дебила, дела расследовал и обвинительные составлял. Не доживу я до приговора, Коля. Делай что-нибудь. Не мог ты совсем гнидой стать за эти годы.

— Ну хорошо, хорошо, — зашептал Иванов, взял со стола блокнот, вырвал оттуда небольшой листок и написал на нем какую-то цифру.

— Что это? — с каким-то отчаянием спросил старик.

— Цифра, — зашептал Иванов, — под ключ: будет изменение меры, потом в райсуде им дадут понять, что дело не пройдет никогда, и они его сами прекратят. Только для тебя, между прочим. Ради нашей дружбы.

— Хорошая у тебя дружба, Коля. Я очень ценю. Но нету у меня столько. А нельзя вот как-то без дружбы, по закону?

— Так я тебе и предлагаю по закону, но с дружбой. По закону и без дружбы получит он у тебя лет семь и уедет в далекую Мордовию.

— А ты-то откуда знаешь про Мордовию? Ты был там, что ли?

— Откуда мне быть там. Люди рассказывают. Хреново там, в Мордовии, говорят. Соглашайся. Это же по дружбе и только ради тебя.

— Ты, я смотрю, вон какое пузо отожрал, — презрительно посмотрев на его живот, произнес старик, — сразу видно, что дальше кресла кабинетного и не выходишь.

— Ну что делать, что делать, — грустно покачал головой Иванов, — работа, действительно, сидячая.

— Может, хоть скидку какую сделаешь по дружбе, а, Коль?

— Не могу, дядь Толь, мне тут вообще копые остается и интереса никакого нет, а другие люди не поймут.

— Хорошо, Коля. Но мне время нужно. Продать что-нибудь, занять у людей.

— Времени у тебя навалом, дядь Толь, — хохотнул важный чиновник, — ему еще долго будут меру продлевать. Так что приходи, как сможешь.

— Коля, а может, ты мне эти деньги займешь? А я отдам, обещаю тебе. Мне бы только имущество продать, какое осталось.

— Ну что ты, дядь Толь. У меня все в бизнесе, свободного кэша нет.

— Кого нет?

— Кэша. Наличных, если по-русски.

— А ты не русский, что ли?

— Я-то? Русский, конечно. И горжусь этим. Просто все так сейчас говорят.

— Ладно. Слушай, последний у меня вопрос: а помнишь, как у тебя ребенок болел, и я тебе последнее отдал на лекарство из Чехословакии?

— Конечно, дядь Толь, помню. Кто же такое забудет. Дети — это святое. Сейчас знаешь какой орел у меня, в ФСБ служит.

— Ну молодец, поздравляю.

— Да ты не грусти. Хорошо все будет с твоим Егором, помню его, — Иванов похлопал его по плечу и приобнял.

На этом аудиенция могущественного человека закончилась. Тимофеев вышел из кабинета и медленно побрел

в сторону метро. Ему надо было подумать. Он уже давно отринул для себя все некогда незыблемые моральные принципы, давно не верил ни в правду, ни в установление истины, ни в справедливый суд, о которых ему так много раньше рассказывали на партийных собраниях и о которых сейчас почему-то снова стали упоминать с высоких государственных трибун. Нужно было искать деньги, и как можно быстрее...

Рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции прошло быстро и, к сожалению, весьма предсказуемо. Назначенный по приговору срок не снизили ни на день. Заметно сдавший после приговора и выглядевший совсем больным старик вышел из здания суда, вдохнул весенний московский воздух, достал из кармана телефон и набрал номер:

— Коля, нужно срочно встретиться.

Старик сидел на лавочке и терпеливо ждал, молча уставившись в одну точку. О чем он думал в этот момент? Наверное, о том же, о чем тогда, в прошлой жизни, на рыбалке. Просто гонял приятные и неприятные жизненные воспоминания по кругу, не делая для себя никаких выводов. Все выводы жизнь сделала уже сама.

Но вот к тому месту, где он сидел, подъехала дорогая черная иномарка, и с пассажирского места к нему вышел хорошо одетый упитанный мужчина. Они поздоровались.

— Ничего не было, Коля, — начал разговор старик, — его не отпустили.

— Сергеич, ты не расстраивайся. Такое бывает. Видимо, команда не дошла. Все поправим. В кассации решим.

— Как же решим, Коля? Больше года прошло, как я все отдал. Все, что имел, отдал. Тебе отдал. Помнишь?

— Помню, дядь Толь. Ты это, не обижайся. Усилим, углубим, подкрутим в кассации. Только вот бы премию маленькую кассатору моему, который рассматривать будет. Небольшую, чисто за усиленное внимание.

Тимофеев был опытным рыбаком и знал, что в такую минуту надо сделать несколько глубоких вдохов, закрыть и открыть глаза и, дождавшись, пока жертва откроет свой левый бок, резко выбросить руку с гарпуном. Так и случилось. Острый гарпун вошел в жирное тело легко, практически без сопротивления. Хребта не было, либо бросок был осуществлен с такой силой, что старик не ощутил его. Крови тоже было немного. За годы практики старик так наловчился, что его жертва, пронзенная насквозь, умирала практически мгновенно, а потому не теряла много крови...

Двое мужчин, один совсем старый, немощный, а другой — молодой, крепкий, но с какими-то очень взрослыми и очень грустными глазами, стояли, обнявшись посреди камеры, заполненной людьми.

— Папа, ты как здесь? Что случилось? Почему здесь, на сборке, в шестерке?

— Да вот, сынок. Подумал, что другого случая обнять тебя перед смертью мне, наверное, уже не представится.

Режиссер

— Свидетель, вы слышали те ваши показания, которые сейчас огласил государственный обвинитель и которые вы давали на предварительном следствии?

— Да, ваша честь, слышал.

— Вы их подтверждаете?

— Нет, не подтверждаю.

— Как не подтверждаете?

— Я не давал такие показания.

— Вы понимаете, что есть уголовная ответственность за дачу ложных показаний? Я сейчас вас об этом предупреждаю.

— Да, понимаю. Но я не давал такие показания, там все неправда, что написано. В суде правду сказал, а там все неправда.

— Подойдите ко мне. Это же ваши подписи в протоколе?

— Подписи в протоколе мои.

— Ну а как говорите, что показания не давали?

— Вы же видите, что весь протокол кровью забрызган? Это моя кровь, меня пытали, чтобы я дал такие показания.

— Я никакой крови не вижу. Вижу, что документ немного измазан какой-то жидкостью, скорее всего, кетчупом. Следователь пролил, когда дело подшивал.

— Это моя кровь, меня избивали.

— У вас есть доказательства, что это ваша кровь?

— Проведите, пожалуйста, генетическую экспертизу.

— Ваше ходатайство отклонено, это не относится к предмету доказывания по уголовному делу. Вы показания подтверждаете?

— Нет, не подтверждаю. Меня пытали.

— Почему тогда здесь написано, что протокол вами прочитан и что замечания отсутствуют?

— Потому что я лежал в кабинете следователя голый, был прикован к батарее наручниками и меня сильно избили несколько оперативников.

— Вот вы и попались на ложных показаниях. Как вы тогда протокол подписали, если были прикованы наручниками?

— Я был левой рукой прикован, а на правую мне ногой наступили, потом вложили в руку ручку, поднесли протокол и сказали подписывать.

— Почему тогда устно заявление не сделали для внесения в протокол? Препятствий не было.

— Препятствием был кляп во рту и целлофановый пакет у меня на голове.

— Вы понимаете, что сейчас делаете заявление о преступлении со стороны сотрудников правоохранительных органов? Я вас о заведомо ложном доносе предупреждаю.

— Понимаю. Предупреждайте. Я правду говорю.

— Что вам мешало сразу заявить об этом, когда вас якобы отпустили, а не дожидаться суда?

— Страх мешал.

— Чего же вам бояться, если вы честный человек и говорите правду?

— Они мне указательный палец отрубили и сказали, что если подам заявление, то обе руки отрубят.

— Покажите руку. Хм, действительно, пальца нет. У вас есть доказательства обращения за медицинской помощью?

— Нет, я не обращался за медицинской помощью. Они сказали, чтобы никуда не обращался, а то руки отрубят.

— А сейчас вы, получается, не боитесь, и суду об этом рассказываете? Не сходятся ваши показания.

— И сейчас боюсь. Но, надеюсь, суд во всем разберется.

— Суд и разберется. Обязательно. Путем сопоставления ваших нынешних показаний и протокола письменных показаний, который составлен уполномоченным лицом по надлежащему уголовному делу и в котором каких-либо данных о незаконных методах следствия в отношении вас не имеется.

— А как же кровь? И пальца у меня нет.

— Свидетель, не подменяйте собой суд. Суд здесь я, а свидетель, наоборот, должен отвечать на вопросы, а не задавать их. Тем более суду.

— Понял, ваша честь. Я и не подменяю. Я волнуюсь просто.

— А чего вам волноваться? Вы же честный человек, суд всему даст оценку. В строгом соответствии с законом.

— Вот и оперативники, которые меня пытали, именно так и говорили, что суд разберется, что суд даст оценку. И смеялись.

— Ну видите, какие грамотные люди, доверяют суду.

— Ага, грамотные. И еще очень сильные.

— Так все-таки вы какие показания подтверждаете?

— Сегодняшние.

— А письменные?

— А письменные не подтверждаю. Меня пытали.

— Ну это мы разберемся. Следователя вызовем, допросим, уполномоченное ли он лицо для допроса, добровольно ли вы показания давали, все ли он с ваших слов записал.

— Да понятно, что он скажет же.

— Ну раз понятно, то что вы переживаете. Суд и разберется со всем по закону. Вы, главное, не волнуйтесь. Чего вы волнуетесь-то? Законопослушному человеку нечего волноваться. Подсудимый вам, кстати, кем приходится? Не родственник?

— Родственник, близкий.

— Вот и мотив имеется, чтобы выгораживать. Так получается?

— Нет, не так. Меня пытали. Подсудимый невиновен. В показаниях неправда записана.

— Свидетель, мы ходим по кругу. Вы почему заявление не сделали об оказанном давлении?

— Не мог, боялся.

— Это не аргумент.

— Я не знаю, что аргумент. Меня избили сильно и заставили такое подписать.

— Вы в армии служили?

— Служил. Я офицер запаса. А какое это отношение к делу имеет?

— Отвечайте на вопрос. Что такое честь офицерская, знаете?

— Знаю. Так точно.

— Ну вот, а говорите, что боялись, что вас кто-то там якобы избьет. Показания собственные отрицаете,

на какие-то мифические попытки ссылаетесь, тогда как в протоколе этого ничего не зафиксировано. А это, между прочим, официальный документик, официальный, и доказательство по делу. Вот здесь же написано, что вы понимали, что это доказательство, и подпись поставили. И я это доказательство в совещательной комнате оценю. Надлежащим образом оценю. Как полагается. С учетом положений об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

— Ваша честь, эти тоже вначале словами пугали.

— Кто — эти? Совсем обнаглел, падла? Да ты знаешь, что я сам полковник внутренней службы в отставке? Да как ты можешь так вот про пацанов? Да я таких, как ты! Маша, Маша, принеси пакет и веревку скорее...

— Стоп, мотор! Стоп! Стоп! Автор, вот здесь уже перебор! Вот до этого верил, а последнее уже лишнее. Мы же сериал снимаем, а не фантастический фильм про будущие времена. Не переигрывайте. Придется последнее вырезать и переснимать.

— Извините, ваша честь. Что-то слишком вошел в роль.

— Вас бы за такие «вошел в роль» к ответу, да по закону. Чтобы в соответствии, так сказать, с законом рассудили, как вы сейчас справедливый суд пытались очернить. Ишь ты, клеветник! Маша, Маша, принеси пакет и веревку скорее...

— Прошу! Не надо! Это литературный прием. Гипербола. Я очень люблю наш суд и считаю его справедливым. Ради внимания общечеловеческого слегка приукрасил действительность.

— Ладно. Живи пока. Все-таки распоясались в своем Интернете. Скандализируют правосудие, понимаешь ли.

А судебные решения, между прочим, они в законную силу вступают, и нельзя суд критиковать. Что тогда будет, если суд критиковать? Это же бардак и никакого уважения. Надо все-таки статью вводить за всю эту скандализацию. Давно пора.

Экспертиза

Тяжелая дубовая дверь со скрипом отворилась, и в слабоосвещенную темницу, пригнувшись, вошел здоровенный бородатый детина в длинном, богато расписанном кафтане. Нехорошо прищурившись, он осмотрел темное помещение и вперил взор в полугололого, прикованного к стене цепями узника:

— Ну что, супостат, каверзу замышлял против батюшки нашего светлого?

— Никак нет, господин, я простой холоп и никакой каверзы не измышлял. Батюшку нашего всегда чтил,— слабым, дрожащим от испуга голосом откликнулся узник.

— А вот и врешь, собака! В грамоте все про тебя написано,— как будто даже весело возразил бородатый, а затем и вовсе засмеялся в голос:

— Подковка-то про тебя расскажет сейчас правду.

— Какая подковка, батюшка? — совсем поник узник.

— Ента вот подковка,— снова засмеялся детина и достал из заплечного мешка огромную кованую подкову: — Сейчас мы енту подковку разогреем как следовало, в огне горячем, да и к животу твоему. Вот тогда и запоешь, тогда и расскажешь нам правду, как поклеп на батюшку наводил и каверзу замышлял. Ну а ежели не замышлял ничего — то и не запоешь, то и отметины на животе не останется. Но ты, пропащая твоя душа, не думай. Не отвертисься

ты. У Емели все поют, все признаются. Я же вас, супостатов, насквозь вижу. За столько лет наловчился. Не бывало еще у Емели, чтобы отметины у супостата на животе не осталось и невиноватым он оказался.

Он взял двумя руками щипцы, обхватил ими подкову и сунул ее в уже заботливо разожженный кем-то огонь, усмехнулся чему-то сам себе, сел на деревянную лавку, закрыл глаза и как будто заснул. Узник же в ужасе переводил взгляд с огня и подковы на бородатого детину. Глаза его бешено вращались, язык был частично высунут, а вокруг губ выступила какая-то белая пена. Впрочем, деться из темницы он никуда не мог. Как и не мог утереть выступившую пену-слюну: руки и ноги узника были крепко прикованы к стене железными цепями.

Минут через пять подкова раскалилась докрасна, Емельян открыл глаза, снова усмехнулся, встал с лавки, три раза перекрестился и достал щипцами красную как сам огонь подкову. Он подошел вплотную к узнику, с улыбкой поднес раскаленную подкову к животу, затем резко плюнул обалдевшему от страха человеку в лицо и расхохотался:

— Ну что, сам сознаешься или далее дознание проводить?

— Сознаюсь, батюшка, во всем признаюсь, только не губи, убери подковку-то, — залепетал узник, и пена брызгала с его губ — так хотелось ему все поскорее выпалить.

Через полчаса детина, также пригнувшись, вышел из темницы, вдохнул показавшийся морозным после мрачного подвала воздух, опустил руки в стоявшую неподалеку бочку с колодезной водой, зачерпнул горсть воды и

плеснул себе в лицо. К нему тут же подбежал служка и принялся белым с красными петухами полотенцем досуха вытирать водяные капли с лица.

— Ну как, батюшка, успешно дознание прошло?

Настроение у Емельяна было хорошим, потому он решил пошутить:

— Не он это. Слова не проронил, и следов подковка не оставила. Выпускать надо.

Служка помрачнел. В этом случае наказанию подвергались все те, кто совершили поклеп на узника, выдержавшего испытание. Служка поклепа не учинял, но он рассчитывал поживиться ценной бобровой шапкой, которую уже заприметил в вещах узника.

— Значится, так оно и должно быть. Дознание не ошибается, батюшка,— грустно пробубнил он, ожидая дальнейших приказов.

Но бородатый Емельян расхохотался:

— Пошутил я. Во всем сознался, собака. Такого наговорил, еще трех супостатов назвал. На самого батюшку нашего светлого каверзные мысли удумали. Зови скорее дьячка, надо это быстро записать и в сыскной приказ грамоту подать. Тут дело государево выходит, он сам и будет суд рядить, как дьяк оформит все. Мне же квасу пока подай. Устал я что-то. Тяжело это — дознание вести, все силы выходят.

Служка уважительно посмотрел на Емельяна и побежал что есть мочи за дьячком и квасом.

Государственный обвинитель недовольно взглянул на только что закончившего выступать защитника, словно бы нехотя встал и обратился к судье:

— Ваша честь, у меня ходатайство. Прошу пригласить в зал судебного заседания эксперта, явка которого стороной обвинения обеспечена.

Защитник и подсудимый переглянулись: какого еще эксперта? Этого они явно не ожидали.

Через несколько минут дверь в зал заседания отворилась, и в помещение, пригнувшись, вошел здоровенный бородатый детина, одетый в форменную одежду, похожую на длинный, красиво расписанный кафтан.

— Емельян Иоаннович Малютин, стаж экспертной работы 28 лет, — представился он.

Емельяна предупредили об уголовной ответственности, и он уверенным, басовитым голосом начал:

— По поручению следователя я проводил экспертизу, которая была направлена на выявление имплицитных реакций обвиняемого на применяемые экспертные методы. Методика экспертизы является научно обоснованной, успешно применяется нашим экспертным подразделением на протяжении многих веков, дает гарантию достоверности результата, приближающуюся к 99,9 процентам. Данная методика основана на естественных реакциях организма человека на искусственный раздражитель, в результате чего проверяемое лицо не способно скрывать от проверяющего (эксперта) значимые для установления объективной истины обстоятельства. По результатам экспертных исследований я, как эксперт, пришел к выводу о наличии в памяти проверяемого лица — подсудимого — сведений, свидетельствующих о совершении им противоправных действий. Конкретные сведения, которые в результате экспертных манипуляций были извлечены научными методами из памяти проверяемого

лица, содержатся в моем заключении, имеющемся в материалах уголовного дела. Данные выводы сделаны мной уверенно, их правильность подтверждаю, они основаны на научной методике, которая, как я уже говорил, утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации.

Как только Емельян закончил, ерзавший на своем месте от возмущения адвокат вскочил и практически закричал:

— Потрудитесь объяснить суду, что это за методика и на каких-таких научных методах она основана!

— Я же сказал: эта методика полностью научно основана, подтверждается многолетней практикой применения. Она основана на методах физики, — спокойно ответил явно возбужденному адвокату эксперт.

— Да нет у вас никаких методов. Выдумки это все! Опричина какая-то, а не экспертиза! — снова закричал адвокат.

Судья недовольно подняла глаза от каких-то бумаг и стала сердито выговаривать защитнику:

— Адвокат, прекратите повышать голос. Вы не на базаре. К тому же вам известны процессуальные механизмы оспаривания заключения эксперта и заявления ходатайства о признании данного заключения недопустимым доказательством, однако вы ими не пользуетесь, а по неизвестным причинам голословно критикуете методику проведения, не зная ее сути.

— Вот именно — не зная! — снова закричал адвокат, — набор слов какой-то, физические методы, научно обосновано, а по сути, написал просто, что невиновный человек виноват, и выдает это за экспертизу.

— Экспертиза и есть, — хором промолвили государственный обвинитель и Емельян.

— Ну а если экспертиза, то и покажите суду, как вы ее проводите, — обратился к эксперту защитник.

— Ваша честь, мне прямо здесь ему показать? — спросил у судьи Емельян.

— Суд не видит оснований для проведения дополнительных экспертных исследований. Как и не видит оснований для того, чтобы поставить приобщенное к материалам уголовного дела заключение под сомнение. Экспертиза проведена с соблюдением научных методик, ее выводы подтверждаются результатами исследований, ясны и понятны суду.

Однако бородатый детина уже распахнул имевшийся у него при себе рюкзак, достал оттуда огромную кованую подкову, щипцы и, впервые за этот судебный день весело улыбнувшись, направился к адвокату. Подкова горела красным огнем и казалась очень горячей.

— Сейчас я тебе покажу методику, — сказал Емельян, подошел вплотную к адвокату и вдруг резко плюнул ему прямо в лицо.

Он проснулся от того, что на лицо брызнули холодные капли. Любимая жена стояла над столом и улыбалась:

— Милый, проснись, ты опять за компьютером заснул. Пришлось даже водой тебя будить, никак не просыпался.

Он непонимающе смотрел на жену, компьютер, незаконченное ходатайство об исключении доказательства и никак не мог проснуться. Наконец он осознал, что находится дома, ему просто приснился нехороший сон, и вообще надо меньше работать по ночам. Потом он посмотрел на ходатайство, вспомнил, о какой экспертизе шла в нем речь, и понял, что сны адвокатов иногда очень похожи на явь.

В пользу государства

Прокурор: Здравствуйте! Вы бывший чиновник?

Бывший чиновник: Здравствуйте! Я бывший чиновник.

Прокурор: Я прокурор. Мы по новому закону проверили все ваше имущество, оно не соответствует вашим доходам. Распишитесь, что завтра через суд будем у вас все отбирать.

Бывший чиновник: Но это не мое имущество.

Прокурор: А мы установили, что ваше. Расписывайтесь.

Бывший чиновник: Что за бред, какой лимузин, какое шубохранилище?

Прокурор: Послушайте. Заканчивайте ерничать. Мы все знаем. Рыло-то давно в пуху у вас.

Бывший чиновник: Вы на свое рыло посмотрите в первую очередь. Мое, может, и в пуху, но никакого шубохранилища у меня нет. И лимузина нет. И почти всего, что вы здесь пишете, нет.

Прокурор: Есть-есть. Вот посмотрите. Думаете, записали на других лиц, а мы не разберемся?

Бывший чиновник: Кто вообще все эти люди? Я их вообще не знаю.

Прокурор: Они вас тоже якобы не знают. Но мы все выявили.

Бывший чиновник: Да как выявили-то?

Прокурор: Так и выявили. Подельничек ваш следовательно все рассказал в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве.

Бывший чиновник: И что он мог рассказать, если это все не мое? Я вообще не понимаю, о чем речь.

Прокурор: То и рассказал, что все это ваше, а оформили фиктивно на подставных лиц.

Бывший чиновник: А я вам говорю, что не мое, дальше что?

Прокурор: Дальше суд.

Бывший чиновник: Что суд?

Прокурор: Разберется суд.

Бывший чиновник: Ага, разберется он. Уже разобрался по приговору.

Прокурор: Ну вот. Опытный человек, а препираетесь. Можете добровольно отдать в доход государства.

Бывший чиновник: Да как я отдам, если это не мое, и я вообще не понимаю чье?

Прокурор: Так и отдайте. Добровольно. Вот проект заявления.

Бывший чиновник: Но люди-то, наверное, об этом и не знают? И свидетельство у них есть, наверное, на право собственности.

Прокурор: А вам какая разница, если это не ваше?

Бывший чиновник: Ну, в принципе-то, никакой разницы, согласен. А куда это имущество все пойдет?

Прокурор: Как куда? В доход государства, конечно же. Прокуроров надо расселять, следователей, оперативников, прочих слуг государевых. Люди годами без квартир, без домов, страдают, а вы жируете. Вон морду отъели какую.

Бывший чиновник: Я-то чем жирую, если это не мое?

Прокурор: Это вы так говорите, а вот факты об обратном свидетельствуют.

Бывший чиновник: Можно я тогда и вашу квартиру отдам в доход государства по расписке?

Прокурор: Как это мою? Моя — это моя.

Бывший чиновник: Нет, это моя. Я сейчас в расписке напишу, что она моя, и в суде подтвержу потом.

Прокурор: Это будет ложь и клевета.

Бывший чиновник: Так и у вас ложь и клевета, а у других отобрать хотите.

Прокурор: У меня все законно, не придерешься.

Бывший чиновник: Факты будут об обратном свидетельствовать.

Прокурор: Какие факты? Что вы опять ерничаете здесь? Не хотите по-хорошему?

Бывший чиновник: Мои факты. Фактические. Как ваша фамилия? Вот сейчас и напишу, что вы подставное лицо и живете в моей квартире. Что еще там у вас из имущества есть?

Прокурор: Да вы, я смотрю, идиот. Может, вы сумасшедший? У психиатра давно обследовались?

Бывший чиновник: Недавно обследовался, вашими молитвами. А вы давно обследовались?

Прокурор: Меня каждый год обследуют, в том числе на полиграфе.

Бывший чиновник: Ну и как?

Прокурор: Ладно, встретимся в суде. Вас же неоднократно предупреждали, остановитесь вы уже в своем юродстве.

Судья: Так, что там у нас?

Прокурор: Заявление об обращении в доход государства.

Судья: И чего обращаться будем?

Прокурор: Да дома, квартиры, лимузины, излишки всякие.

Судья: А кому принадлежит?

Прокурор: Да вот этому вот. Читали, наверное, ведь про него. Враг.

Судья: Читал. А он что говорит?

Прокурор: Говорит, что не его. Но они все так говорят, вы же знаете.

Судья: Знаю. А собственники что говорят?

Прокурор: Они не собственники, а подставные. Говорят, что их. Лгут, конечно же. Враги.

Судья: Это понятно. Что у нас по доказательствам?

Прокурор: Вот бумага от его подельника.

Судья: И что там?

Прокурор: Все правдиво рассказывает, что имущество чиновника, а собственники подставные. Этот друг.

Судья: А еще что?

Прокурор: Вы телевизор вчера смотрели? Слышали, кто кому, о чем и почему об этом деле докладывал?

Судья: Ну что, поднимаем его в зал?

Прокурор: Только давайте поскорее. У меня следующее заседание через полчаса.

Бывший чиновник: Творится беспредел! У людей под видом моего что-то отбирают, а они даже не знают об этом!

Судья: Вы чего так кричите? Сколько лет вы чиновником были?

Бывший чиновник: Пятнадцать.

Судья: Ну а чего шуметь-то тогда. Шуметь не надо. Вам прокурор объяснил, что здесь будет происходить?

Бывший чиновник: Объяснил. Но это незаконно! Вызовите хотя бы этих собственников!

Судья: Прокурор, ваше мнение по ходатайству?

Прокурор: А чего их вызывать. И так все понятно. Я только не понимаю, чего он ерепенится, если это все якобы не его. Давно бы все подписал — и делов-то.

Судья: Согласен. Есть что еще сказать вам?

Бывший чиновник: Горите в аду! Так нарушать закон! Я 15 лет во власти, но такого не видел!

Судья: Голубчик. Ну кому вы рассказываете. Психиатрическую экспертизу проходили по уголовному делу?

Бывший чиновник: Проходил.

Судья: Вменяемый?

Бывший чиновник: Вменяемый.

Судья: Ну вот и не надо тогда здесь нам удивленного строить. В суде как-никак. Уважайте процедуру. По существу есть что у вас?

Бывший чиновник: Есть по существу. Не мое это все, не знаю, кто эти люди. Приглашайте их. Хотя бы сообщите им, что происходит.

Прокурор: Ваша честь, по кругу ведь ходим.

Судья: Согласен. Субъект совершенно не понимает процедуру. У вас же вроде юридическое образование?

Бывший чиновник: Юридическое.

Судья: Ну так и не нарушайте процедуру.

Бывший чиновник: Я и не нарушаю.

Прокурор: Нет, нарушаете.

Судья: Нарушаете. Вы хоть прокурора послушайте. Вроде пожилой человек, а никого не слушаете и хамите, процедуру нарушаете.

Прокурор: А давайте его в Китай экстрадируем или Белоруссию? Там у них смертная казнь есть за его деяния.

Судья: Вы официально ходатайствуете?

Прокурор: Официально.

Судья: Так. Ваше мнение какое будет по ходатайству прокурора?

Бывший чиновник: Какое мнение? Это вообще незаконно. Какой Китай. Нет такой процедуры. Не прописана ни в одном законе. Что вы делаете вообще? Фашисты! Будьте вы прокляты все!

Судья: У вас точно юридическое? Чего кричите опять! Не нарушайте процедуру. По ходатайству высказываемся поскорее. Вы не один такой, чтобы мы тут часами ваши вопли не по существу выслушивали.

Бывший чиновник: Ладно, где подписать, что я добровольно все отдаю?

Прокурор: Сейчас-сейчас. А вы в принципе готовы и дальше с нами сотрудничать?

Бывший чиновник: Да в принципе чего уж там, какая разница. Про чье еще имущество подписать, что оно мое и я отдаю?

Прокурор: Я вас завтра навещу тогда, обсудим процедурные моменты.

Через три дня.

Прокурор: Здравствуйте! Вы бывший судья?

Бывший судья: Здравствуйте! Я бывший судья.

Прокурор: Я прокурор. Мы по новому закону проверили все ваше имущество, оно не соответствует вашим доходам. Распишитесь, что завтра через суд будем у вас все отбирать.

Бывший судья: Но это не мое имущество.

Прокурор: А мы установили, что ваше. Расписывайтесь.

Бывший судья: Что за бред, какое имущество?

Прокурор: Послушайте, я не буду ходить вокруг да около. Вы изобличены. Бывший чиновник все рассказал, показания оформлены надлежащим образом. Вы будете сотрудничать с нами и добровольно отдавать?

Бывший судья: Где подписать?

P. S.

Судья: Адвокат, ваше мнение по заявлению прокурора?

Адвокат: Ваша честь, я категорически возражаю. Фактически происходит бездоказательное посприание гарантированного Конституцией права частной собственности третьих лиц, которые в это заседание даже не приглашены.

Прокурор (шепотом): Адвокат, можно вас на минутку? Вы внимательно читали заявление лица, заключившего досудебное соглашение?

Адвокат (шепотом): Да вроде читал. А что там?

Прокурор (шепотом): Ну вот же, на пятой странице внизу написано: часть доходов, полученных преступным путем, бывший чиновник вкладывал в приобретение недвижимости для своих близких людей, способствовавших с использованием своих познаний его уклонению от уголовной ответственности за особо тяжкие преступления. *Таким людям:* юристам, адвокатам — приобреталось недвижимое имущество, автомобили, которыми они владели лишь формально и которые бывший чиновник в любой момент по своему усмотрению мог отобрать.

Адвокат (громко и выразительно): На усмотрение суда, Ваша честь.

Судья: Спасибо, присаживайтесь.

Три поросенка

Жили-были на свете три поросенка. Три брата. Все одинакового роста,

кругленькие, розовые, с одинаковыми веселыми хвостиками.

Даже имена у них были похожи. Звали поросят Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и

Наф-Наф. Все лето они кувыркались в зеленой траве, грелись на солнышке,

нежились в лужах.

Но вот лето прошло, поросята повзрослели, закончили школу, и пришла для них пора определяться, где же они будут работать. Ниф-Ниф всегда имел склонность к точным наукам, получал одни пятерки по математике и физике, интересовался компьютерами, и потому он решил, что станет развивать свой бизнес в сфере компьютерных технологий.

Нуф-Нуф всегда имел склонность к истории и литературе, умел складно излагать свои мысли, а потому решил, что станет когда-нибудь знаменитым журналистом.

Наф-Наф же, как и все другие поросята, имел только склонность к полноте, а более никаких склонностей не имел, в школе учился плохо. Но он всегда любил прислушиваться к старшим, а потому пошел за советом к своему дяде, бывшему работнику госбезопасности.

Дядя похрюкал-похрюкал, да и пристроил Наф-Нафа оперативником в соответствующие органы: поросенок, хоть и не сильно башковитый, но очень исполнительный и преданный вопросам защиты свинарника.

Времена тогда в свинарнике были тяжелые, корма на всех не хватало, зато свободы было много, а поросята, которые хотели и умели работать, могли быстро выбиться в большие и толстые свиньи.

Ниф-Ниф запатентовал собственное изобретение в области высоких технологий, смог выгодно продать это изобретение в другой свинарник, и вскоре его маленькая фирмочка, снимавшая небольшой угол где-то на задворках, развилась до гигантских размеров и построила собственный офис прямо в историческом центре. Себя Ниф-Ниф тоже не обижал, ел на зависть многим и с учетом склонности к полноте разъелся до просто гигантских размеров. Дом себе Ниф-Ниф построил тоже очень солидный, добротный, из красного кирпича.

Нуф-Нуф, как складно излагавший мысли, быстро стал известным журналистом, обозревателем популярного издания, критиковавшего власти свинарника, получил несколько премий в своей области, стал регулярно выступать с различными лекциями перед самыми модными и современными поросятами в свинарнике, вскоре прослав своим поросенком в этой модной и современной среде. Нуф-Нуфу удалось разъесться тоже до весьма солидных размеров, поскольку недостатка в пище у него не имелось. Дом он себе тоже смог построить. Это был не такой основательный дом, как у Ниф-Нифа, но также вполне добротный, построенный из крепкого дерева импортного производства.

Наф-Наф же продолжал служить обычным оперативником в одном специальном ведомстве из трех букв и звезд с неба не хватал. Работы по линии госбезопасности в те времена было немного, финансирование ведомства все время урезалось, а поскольку Наф-Наф был, как мы помним, поросенком не самым башковитым, то и по службе он продвигался с трудом. Кормили в госбезопасности также неважно, и потому Наф-Нафу все время хотелось кушать. Он был вынужден постоянно бегать по свинарнику в поисках пропитания. Забегал он иногда и к своим братьям Ниф-Нифу и Нуф-Нуфу, которые иногда подбрасывали ему немного желудей или другого корма в обмен на исполнение мелких поручений: собрать на кого-нибудь справки, охранять то или иное мероприятие. Иногда же братья подкармливали Наф-Нафа и просто так, из жалости, все равно какого-либо толка от него в их работе не было. Свой дом Наф-Наф пока не построил, и поэтому он снимал небольшую соломенную хижину где-то на самой отдаленной и захудалой окраине свинарника.

Наф-Наф страшно завидовал своим более успешным и толстым братьям и мечтал когда-нибудь переехать в такой же, как у них, солидный и дорогой домик, но не знал, как же ему это можно сделать. Впрочем, дядя-свин, пенсионер госбезопасности, все время успокаивал любимого племянника: «Ничего, поросенок, не грусти. Скоро гайки в свинарнике закрутятся, и твоя работа снова станет престижной». Говорить другое дядя-свин и не мог, ведь это он посоветовал Наф-Нафу идти на эту работу, а кроме того, сам прослужил в госбезопасности 43 года, заработав язву желудка, вставную челюсть, взгляд исподлобья и подозрение в отношении всех, кто занимается

бизнесом. Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа дядя-свин не любил, называя первого презрительным словом «спекулянт», а второго — не менее презрительным «пачкун». Наф-Нафа же он всячески опекал и даже договорился с одним из немногих продолжавших еще служить в соответствующих органах пенсионеров, чтобы тот хотя бы немного повысил любимого племянника по службе.

Но время никогда не останавливается, и в свинарнике начали происходить перемены. Откуда-то появился серый волк, который сразу стал говорить вначале так понравившиеся многим слова о гайках, которые надлежало закручивать, власти сильных, необоснованном и несправедливом ожирении некоторых поросят.

Нуф-Нуф, как прочитавший в жизни очень много книг, сразу понял, к чему идет дело, и для начала тиснул пару критических статей, которые, впрочем, никто особо в общем радостно-патриотическом угаре не оценил.

Ниф-Ниф понял чуть позднее и попытался было тиснуть из свинарника, но не успел: был пойман волком где-то на самой границе с чемоданом вывозимых из свинарника желудей. Волк погнался за Ниф-Нифом, но тот, несмотря на избыточный вес, увернулся от агрессивного хищника, забежал в свой каменный дом и закрылся на все засовы. Как известно, только в детских сказках волки так глупы, что пытаются сдуть каменный домик силой своих легких. Но наш-то волк бы очень мудрым, хитрым и тщательно планировал каждый свой шаг. Он отошел от домика Ниф-Нифа и направился к Нуф-Нуфу.

Нуф-Нуф, поняв, что закрыться в своем деревянном домике будет в этой ситуации весьма разумно, задраил все двери и окна, выключил в комнатах свет и спрятался под

кровать, притворившись, что дома никого нет. Но и волк был хитер. Он, как и в ситуации с Ниф-Нифом, не стал дуть на деревянный домик, а, обойдя его со всех сторон, притворился, что Нуф-Нуф ему совсем не интересен, и отправился куда-то на самые задворки свинарника, где жили самые бедные поросята, среди которых находился и наш знакомый Наф-Наф.

Глупенький Нуф-Нуф (нет-нет, мы помним, что вообще-то поросенок был очень умен, но в этот раз привычная проницательность оставила его) вылез из-под кровати, открыл все окна и двери и сделал то, что он умел лучше всего: написал очень смелую статью, обличающую жесткую внутреннюю политику волка. Статью он озаглавил словами «Нам не страшен серый волк!». Статья, как и предыдущие критические тексты Нуф-Нуфа, была воспринята населением свинарника весьма скептически, и только одинокий лайк Ниф-Нифа в «Фейсбуке», поставленный откуда-то из-за толстых стен каменного домика, потешил тщеславие Нуф-Нуфа.

Серый волк тем временем отыскал на окраине свинарника скромную соломенную хижину Наф-Нафа и со словами «вот такими должны быть настоящие патриоты нашего свинарника» наградил оторопевшего от страха поросенка орденом, повысил его в звании и должности, не забыв поручить особо ответственное задание, связанное с изобличением коварных планов предателя всего свиного народа Нуф-Нуфа, распространившего клеветнические призывы к свержению конституционного режима в угоду вражеским свинарникам (статья 431 Уголовного кодекса свинарника — далее УКС — до 20 лет лишения свободы с поражением во всех возможных правах).

Наф-Наф, будучи очень исполнительным и преданным свинарнику поросенком, с блеском выполнил поставленную перед ним задачу, определив своего толстого братца-журналиста совсем в другой домик, горячей воды в котором почему-то не было, туалет от единственной в домике комнаты не отгораживался, а вставать каждый день нужно было в 6 часов утра. Поскольку Наф-Наф, как помнит наш читатель, был не очень башковит, то сформулировать, в чем был виноват Нуф-Нуф, он смог не очень хорошо, тексты статей за авторством брата к делу не приобщил, часть доказательств потерял, но поросят, которые раньше работали в одном с Наф-Нафом отделе, а теперь переоделись в черные до пят мантии, это почему-то не смутило, и домик без горячей воды стал пристанищем Нуф-Нуфа на долгие годы. Наф-Наф же за доблестную службу переехал в тот самый домик Нуф-Нуфа из дерева, о котором он когда-то так сильно мечтал, голодая в своей соломенной лачуге.

Однако наш волк был не просто мудр, но еще и опытен, а кроме того, уже очень хорошо разбирался в поросятах. Поэтому в один из коротких холодных зимних дней в мрачное пристанище Нуф-Нуфа пришел его заметно располневший и очевидно довольный жизнью брат Наф-Наф, который довел до грустного и утратившего всякую надежду поросенка предложение, от которого тот не смог отказаться: волк помилует Нуф-Нуфа, если тот отречется от ранее написанных им текстов, пойдет работать в государственное издательство и возглавит кампанию по разоблачению мошеннической деятельности наглого ренегата и расхитителя общепоросячьей собственности Ниф-Нифа.

Так и случилось. Деревянный домик Нуф-Нуфу, конечно же, не вернули, но он был рад и выделенной ему милосердным волком соломенной лачуге, из которой ежедневно строчил разоблачительные публикации о коварном предателе Ниф-Нифе и хвалебные — о добром сером волке, который ведет счастливых поросят к сытому и еще более счастливому будущему. Препятствием на этом пути как раз и являются ниф-нифы и некоторые прочие обнаглевшие обладатели извитых хвостиков, не желающие делиться с народом награбленным. Публикации Нуф-Нуфа цитировались жителями свинарника, находили полное одобрение у большинства из них, и через некоторое время их автор, который все-таки был весьма талантливым журналистом, был даже удостоен торжественного приема у самого серого волка, где смог отведать большую порцию запеченных желудей в собственном соку и ощутить исходившую от волка силу. В конце приема Нуф-Нуфу даже разрешили поцеловать краешек серой лапы, что он с удовольствием и сделал. Волк немного поморщился, но он уважал чувства народа, да и терпеть восторги поросячьего населения было частью его нелегкой работы, которую он на себя взвалил, как раб на галерах.

В общем-то, наша история близится к концу, и, как читатель уже, наверное, понял, для Ниф-Нифа она закончится весьма трагически. Под воздействием разоблачительных публикаций Нуф-Нуфа все население свинарника крайне возмутилось, ночью сломало забор в домике состоятельного поросенка, выломало дверь и притащило Ниф-Нифа прямо в логово серого волка, чтобы тот его съел в наказание за все грехи перед свинарником.

Волк в тот момент был сыт и милосерден, а потому сказал, что Ниф-Нифа следует судить судом народа. Суд народа был скор и суров, поскольку руководил им Наф-Наф, переехавший к тому моменту в каменный дом, ранее принадлежавший его брату и экспроприированный свинарником в счет заявленного иска. Ниф-Нифа и еще нескольких его заместителей по некогда гигантской, а теперь принадлежавшей всему свинарнику фирме (фирмой руководил один из дальних родственников волка) приговорили по статье 456 УКС к расстрелу, который жалостливый волк в последний момент заменил на пожизненное лишение свободы. Все поросята рукоплескали такому исходу, и только Ниф-Ниф грустно ходил туда-сюда по отведенной ему до самой смерти камере без горячей воды, вспоминая уже далекие времена своей поросячьей молодости, когда он вместе со своими розовыми братцами кувыркался в зеленой траве, грелся на солнышке и нежился в лужах.

Помог человеку

— Сергей Сергеевич, у меня для вас ответственное поручение.

— Опять новое дело?

— Да. Вот материал. Нужно возбудить, задержать, арестовать. В общем, все как обычно.

— Мошенничество?

— Хотите — мошенничество, хотите — растрата, хотите — злоупотребление с тяжкими.

— Понятно. Опять из пальца высасываем.

— Сергей Сергеевич, вы же все понимаете. Это враг. В золоте купается, обнаглел. Столько ему звончков было, а ничего не понимает. Уважаемым людям дорогу перешел в итоге. А вы мой лучший следователь. Больше мне некому такое поручить. Давайте, дорогой мой. А потом сразу в отпуск, недельки на две. Отдохнете.

— А прокуратура?

— Прокуратура поддержит. Оперативное сопровождение, сами понимаете, какое. Но надо подработать, усилить доказательственную базу. Ну что я вам рассказываю. Вы опытный следователь.

— Ясно. По старой схеме, значит.

— Да, Сергей Сергеевич. Благодарю за службу.

— Служу России!

— Доброе утро! Обыск. Открывайте.

— Что, собственно говоря, случилось?

— У нас ничего не случилось. А вот у вас случилось. Такое случилось, что лет на 20 хватит.

— Вы кто вообще?

— Меня зовут Сергей Сергеевич. Я буду вашим следователем по этому делу.

— Да по какому делу вообще? Потрудитесь объяснить.

— Слышь. Вопросы здесь я буду задавать. Не понял еще, что ли, ничего? Не в России живешь? Ты понимаешь, что, если я к тебе лично приехал, а не оперативников послал, кто это санкционировал?

— Неужели сам?

— Ну а кто еще? Ты мою должность видел вообще? Я тебе что, мальчик на побегушках?

— Но вроде он ко мне нормально всегда относился.

— Ты лично знаешь?

— Лично не знаю, конечно. Лично никто не знает, кроме троих человек в стране.

— Ну а я вот знаю. Если бы не знал, не приехал к тебе в 6 утра. Тебе же были звоночки, предупреждения. Не ловишь вообще. Как ты бизнесом столько лет занимался! Я угораю с вас, с коммерсов.

— Блин, а что же делать? Может, позвонить кому?

— Да кому звонить-то? Кому надо уже позвонили, куда надо. Теперь все. Теперь мне поручение дано. Дальше Басманный суд, Лефортово, колония и 20 лет.

— А адвокат не поможет?

— В твоём деле не поможет. Думаешь, ты у меня первый? Я таких столько повидал! В этом деле хоть Резника зови — никто не поможет. Да он и не приедет к тебе.

Не дурак же. Знает ведь, что это безнадега. Поговорку такую помнишь: не ссы против ветра?

— Помню.

— Ну вот. А ты ссал. Причем, похоже, неоднократно, раз мне поручили.

— И что же мне грозит?

— Я же сказал. Басманный суд, Лефортово, колония, 20 лет.

— А статья какая, хотя бы?

— Статья максимальная в твоём случае. Сейчас возбуждали по мошенничеству, но дальше указание сверху на организацию преступного сообщества переходить. Как раз до 20.

— Неужели до 20?

— Ну а как ты хотел? Звоночки же были, а ты не ловил. Теперь все. Больше против ветра ссать не будешь.

— Да не ссал я!

— Ты чего разорался на должностное лицо?! Мне тяжёлые позвать, чтобы успокоили тебя?

— Извините, я от нервов.

— Раньше нервничать надо было. А сейчас прими с достоинством.

— Может, можно документы посмотреть хотя бы?

— Какие документы тебе?

— В чем обвиняюсь я и все такое.

— Тебе они на кой?

— Ну как? Защищаться, так сказать, с адвокатом проконсультироваться. Я же не делал ничего такого.

— Вот ты опять не понимаешь. Опять против ветра попер. Ты не в России, что ли, сейчас?

— В России.

— А зачем тогда вот это все: документы, адвокат? Не понятно, что ли, сказал? Басманный суд, Лефортово, колония, 20 лет. И документы не важны, а адвокат только навредит.

— Елки-палки. За что же мне это все?! Я же не выживу там.

— Да ладно тебе, чего ты расстроился. Жизнь не заканчивается ведь. Не ты первый, не ты последний. Думаешь, я не боюсь или не готов? Все готовы. Сегодня ты, завтра тебя. Ничего. Я тебе говорю. Жить там можно.

— А не бьют там?

— Да кому ты нужен будешь? Я, во всяком случае, поручения такого давать не буду. Может, оперативное сопровождение даст, но и то вряд ли. У них таких, как ты, знаешь сколько?

— Спасибо вам большое.

— Да не за что пока. Жалко тебя что-то. Видно, что мужик ты нормальный, запутался только.

— Слушайте, а может можно как-то без 20 лет? Это же мне 74 будет, я и не доживу.

— Пока не знаю. Сам видишь, какой уровень задействован. Докладную надо писать на референта первого. А мне это на кой. Мне и так на тебя время тратить, бумаги для тебя писать, адвокаты опять же.

— Да нет, я понял все, что против ветра нельзя. Я пишу что надо. Только вы покажите где. Вы только ходатайствуйте как-то.

— Ну не знаю...

— Я вас очень прошу. Я же вижу, что в душе вы хороший человек, добрый, и работа эта вам противна.

— Ты аккуратнее с такими словами. Работу я свою очень люблю. Но жалко тебя, правда.

— Вот и помогите мне. Чтобы хотя бы не 20 лет.

— Ладно. Попробую начальству доложить. Но без гарантий. Постараюсь, чтобы только мошенничество тебе оставили. С признанием если, с возмещением ущерба, дадут тебе лет 6—7, а там УДО за полсрока. Тоже помочь можем, в принципе.

— Всего 6 лет? Да я все что угодно подпишу.

— Так. Я же сказал: без гарантий. Давай тогда быстро пиши явку с повинной, поедem регистрировать — и к руководству. Доложим как надо. Только сам еще скажешь на приеме, если к генералу допустят: мол, осознал, раскаялся, ущерб возмещу, искуплю кровью трудовой, против ветра больше не буду, сигнал уловил. Ну, сам понимаешь. Все как надо чтобы, без кидалова.

— Да вы что?! Какое кидалово! Я же не самоубийца. Я все для себя понял и решение принял.

— Ну это правильно, да. Я вашего брата много повидал. Кто не понял, тому суд сейчас очень сурово оценивает. А кто с пониманием и системный человек, тому и снисхождение идет.

— Спасибо вам большое! Давайте тогда оформлять. А как думаете, может меня вообще не посадят, если я так поступлю?

— Ты что! Как это — не посадят? Посадят, конечно, как миленького. Но я же сказал: 6—7 и УДО за полсрока. Ты, я смотрю, нагель начал. Тебе палец протягивают, а ты за руку норовишь укусить. Да еще и на чью руку покушаешься!

— Извините! Я понял все. Больше не буду. Но только, пожалуйста, чтобы уж 6, не больше.

— Гарантий не даем, но и кидать никого не кидаем. У нас, как в швейцарском банке почти. Качество

проверено временем. Шучу я. Все нормально будет. Главное, чтобы ты генералу понравился.

— Я понравлюсь, я так понравлюсь! Подпишу все. Что надо подпишу. Век вам благодарен буду.

— Сереж, как ты? Ужинать будешь? Устал?

— Да, давай поем хоть чуть. Весь день не жрал.

— Работал опять целый день?

— Работал. Устал, как собака. Бумаги-бумаги-бумаги. В суде еще ждал, пока судья соблаговолит человечка арестовать. Зачем эта вся говорильня? Так, что ли, не понятно?

— Не понимаю. Гоняют тебя, гоняют. Когда хоть отпуск?

— Начальник сказал — через неделю. Сейчас вот дело одно закончу, и все. Две недели будем дома. А может, в Сочи с тобой поедem, если отпускные дадут.

— Ура! Как здорово! Мы же с тобой никогда вместе не отдыхали.

— Ну а как отдыхать, если работа такая? Тяжелая и важная.

— Милый, такой ты у меня молодец!

— Слушай, рассказать тебе еще хотел. Человеку помог хорошему. Ему хотели до 20 лет статью дать, а я отбил на мошенничество. Жалко его стало. Так он меня благодарил, так благодарил. Плакал даже. Так вот в Лефортово и поехал со слезами.

— А сколько же ему дадут?

— Ну я не знаю. Лет 6—7 должны, в принципе. Это суд решает. Но он обычно с пониманием.

— Ну, это по-божески. Молодец ты у меня! Добрый очень, душевный. 6-7 — это не 20. Это нормально.

— Вот я и говорю: помог человеку. Душа теперь радуется.

— А что он сделал-то такого, что его посадили?

— Зая, ты же знаешь. Я про работу дома ни-ни. Сделал, значит, сделал. Люди там уважаемые задействованы, документов много разных. Серьезно все. В общем, помог человеку. И хорошо, и на душе спокойно.

— Милый, ну а вдруг он не виноват был?

— Как это не виноват? Ты что такое говоришь мне? Виноват, конечно. Уважаемые люди не ошибаются. Да и признал он.

— Если признал, то виноват, конечно. Не был бы виноват — не признал бы.

— Вот и я так думаю. Вроде и виноват, а жалко все же его стало.

— Ну и хорошо, милый. Ну и молодец. Доедай скорее — и спать. Завтра же тебе рано на работу?

— Да, зая. Завтра работы еще больше. Дела надо заканчивать. Дел развелось. Скорее бы в отпуск. Отпускные, Сочи, море...

Тоска

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши домов, машины, плечи, шапки. Немолодой следователь Потапов уже два часа бездвижно сидит в своем кабинете и смотрит в окно. Потапов бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, смотрит в окно и не шевельнется. Казалось, упади сейчас ему на голову с полки том уголовного дела, то и тогда Потапов не двинется с места. Потапов, по всей видимости, погружен в какую-то мысль и ничего не замечает вокруг.

Внезапно дверь в кабинет следователя открывается, и внутрь заходит молодой мужчина, одетый в синий мундир с четырьмя маленькими звездочками на погонах.

— Эй, Потапов, ты тут заснул, что ли, тебя начальник ищет, иди к нему скорее, — слышит следователь.

Потапов вздрагивает, поворачивается от окна к двери и видит, что это его более молодой коллега, старший следователь Иванов. Иванов смотрит на Потапова, улыбается широкой улыбкой, оголяя красивые ровные зубы. Он доволен, что поручение от начальника о поиске Потапова было дано именно ему, Иванову, что означает высокую степень доверия.

Потапов смотрит на Иванова и шевелит губами... Хочет он, по-видимому, что-то сказать, но из горла не выходит ничего, кроме сипенья.

— Ты чего, Потапов? — спрашивает Иванов.

— Жена, у меня.

— Что жена?

— Ушла.

— Эка невидаль! Новую найдешь. У меня, Потапов, уже две жены было, сейчас третью ищу. Ты давай, потопляйся к начальнику, а то он мне звонить будет, что я тебя не нашел до сих пор.

Иванов выходит из кабинета, а Потапов медленно, кряхтя и покашливая, поднимается из кресла, берет в руки папку с одним из дел и тоже направляется к выходу.

Медленным, семенящим, прихрамывающим на одну ногу шагом бредет он по коридору следственного управления, встречая то одного, то другого знакомого:

— О, Потапов, куда идешь такой нарядный? Заходи после работы ко мне, выпьем. Что? Жена ушла? Отлично, брат. Как раз отметим.

— Здорово, Потапов! Посоветоваться хотел как раз. У тебя дела по банкротствам давно были? А что с женой? Ну, понятно. Не переживай сильно. Давай лучше потом поговорим, а то сроки горят.

— Потапов, привет! Тебе в суде ничего не надо, а то я еду? Жена? Ну а чего ты хотел, бабы — дуры. Да, да, расскажешь потом. Извини, тороплюсь, в суд бегу.

— Потапов, сколько лет, сколько зим! Помнишь, как мы того мошенника раскрутили? Интересное было дело.

Что с женой? Да забей ты! Скажи, мне у тебя приговора по этому делу нет? Мне начальник обещал премию выписать. Да куда ты пошел-то? Вот чудной.

— Потапов, а я машину новую купил. Ну не на себя, конечно. Папина. Нет, не в кредит, папа подарил. Жена? Надо было тебе ей машину подарить. Что, денег нет? А ты заработай. Крутись. Видишь, как я кручусь. Мне бы твои способности, я бы давно министром был.

Потапов доходит до кабинета начальника управления, стучится в дверь и затем заглядывает в кабинет. Сидящий за столом мужчина машет на него руками, показывает вначале на телефонную трубку, а затем на дверь. Потапов понимает, что помешал телефонному разговору, выходит из кабинета и обреченно ждет под дверью.

Минут через пять он снова стучится и проходит в кабинет.

— Привет, Потапов, что-то с утра тебя ищу, куда пропадаешь? — протягивает ему руку начальник.

Потапов молча жмет протянутую руку и садится на стул.

— Ну чего молчишь? Ты чего вареный какой-то? Когда дело сдашь? Опять мне по поводу него из администрации звонили.

Молчит Потапов. И хочет что-то сказать, а не идет из горла слова. Внезапно он решается, поднимает на начальника глаза и говорит:

— Жена у меня ушла, Николай Егорович. Вещи сегодня собрала и ушла. Поговорить с вами хотел об этом.

— Поговорить? Не до разговоров сейчас, Потапов. Конец года на носу, дело сдавай скорее — и поговорим.

Сядем с тобой за новогодний стол и поговорим, отметим успешную сдачу годового отчета.

— Любил я ее, Николай Егорович, а она вещи собрала и ушла вместе с ребенком.

— Потапов-Потапов, я свою тоже любил, и тоже ушла. Что теперь, дела забросить? Только лучше от этого мне стало. В Москву переехал, начальником стал. И тебя начальником сделаем. Знаешь же, что у меня зам уходит.

— Знаю.

— Ну вот и давай, шевелись. Дело поскорее сдавай, и вернемся к этому вопросу. Ну чего опять молчишь. Иди работай, а жену в голову не бери. Вернется, если не дура.

Выходит обреченно Потапов от начальника, а вслед ему звучит громкий крик:

— Потапов, завтра дело сдавай, я тебе грамоту выпишу по итогам года как лучшему следователю.

Так же медленно и уныло доходит Потапов до своего кабинета, достает из сейфа последний том уголовного дела, кладет на стол, раскрывает на странице с копией паспорта обвиняемого и смотрит-смотрит на этот паспорт.

— Ну что, Морозов, закончить твое дело надо завтра? — спрашивает он паспорт. — А как тебя закончить, если там экспертиза не готова. Да и стар я стал, чтобы так, с наскока, дела заканчивать. Еще и жена ушла. У тебя вот есть жена? Есть, я знаю. И не ушла от тебя. А от меня ушла. А как ей не уйти, если я 18 лет на следствии, без денег, без свободного времени, сына не смог в новую школу определить. Просрал я свою жизнь, Морозов. Не то, что ты. Жирный, солидный. Отсидишь немного, выйдешь, а тебя жена ждет, детишки, и денег, небось, наворовал. Отряхнешься, грязь отмоешь и снова начнешь

жиром обрастать. А я человек конченный, ничего не умею, никому не нужен, только таких, как ты, и могу в тюрьму сажать. Ни радости, ни счастья людям не приношу, вечно одинокий волк.

Разгорячается Потапов, размахивает в разговоре руками и рассказывает копии паспорта обвиняемого всю свою горемычную жизнь, начиная со свадьбы и трудоустройства в прокуратуру и заканчивая сегодняшним уходом жены.

После апелляции

— Ну чего такой кислый? Пойдем кофейку попьем хоть в буфете, раз пиво пить бросил.

— А чего радоваться? Я надеялся, что они хоть годик скинут. А так, выходит, вся работа на корзину.

— Дружище, ну а ты как хотел? Сам же понимаешь, какое сопровождение и все прочее.

— Хотел-то я по закону, но думал: вдруг за мою работу хоть годик скинут. Так-то я понимаю, но вот этот осадок вечный после апелляций и кассаций... Вроде уже давно в профессии, а все осадок. Тут не доработал, там не докрутил. Короче, погрущу сегодня, а завтра уже снова в суд надо. Дела каждый день. Пять дней — пять заседаний.

— Да брось ты грустить. К тебе-то какие вопросы. Я аж заслушался тебя в процессе. Громил, так сказать, по всем фронтам сторону обвинения. И вообще, посмотри, какой ты красавчик стал. Помнишь, как когда-то на электричке на работу к 7 утра? А сейчас, парни сказали, машину крутую взял. Портфель вон, туфли, а не как раньше, когда следачил. С папочкой обшарпанной или вообще пакетом.

— Не заводят меня эти машины, и портфель не радует. Пустое это все. Помочь хотелось. Чтобы работа пользу кому-то приносила. Как раньше. Помнишь ощущения?

— Помню, конечно. Но это ты зря из системы ушел. Говорил я тебе. Нельзя преступников защищать.

— Да я потому и ушел, что не согласен был. Ну вот он. Какой он преступник? Вернее, по приговору-то да, возможно. Но доказательства-то где? Никак я не могу это все принять. Вроде работаешь-работаешь, а все без толку.

— Слушай. Без тебя бы ему еще пару лет добавили за такое поведение. Тут он пусть себе претензии предъявляет. Не фиг было взятки брать. Все же всё знают и понимают.

— Блин, да где взятки-то?

— Как это — где? Там знаешь сколько фактуры? Я все эти записи слышал. Одних расшифровок два тома. Там в прямую проговоры идут, конкретно обсуждает всю схему.

— Погоди. А чего в деле-то их нет, этих записей, тогда? Почему не вложили?

— Ну а зачем бумагу марать? И так ведь все понятно. Суд вон, видишь же, разобрался. Эдак мы бы не полгода, а год всю эту ерунду слушали.

— Как зачем марать? А доказывать разве не надо?

— Но ведь доказали же.

— Мне не доказали. Я внутренне, понимаешь, внутренне, не могу понять, как можно без доказательств на десять лет больного человека.

— Ну на то ты и адвокат. Ты и должен не понимать и на жалость работать. Хорошо, кстати говоря, работал. Боковая даже чуть слезу не пустила, последний том стала листать: точно там в деле такое есть или нет?

— Все это меня не утешает. Мы все время себе какие-то ищем утешения и придумываем победы в ситуации полного провала. Скоро начнем трубить, что благодаря нам дали не 11 лет, а 10. Пир на костях какой-то.

— Ну а как без этого? На то ты и адвокат. Работа у вас такая, лживая, за деньги пыль в глаза пускать. Но ты не обижайся. Я же любя. Знаешь же ведь.

— Знаю. Слушай. Меня эти прослушки, которые ты якобы слышал, интересуют. А что там?

— Да я так, особо и не слышал. Мне опера рассказали. Короче, говорю тебе: взяточник он — и все тут. Конкретно его взяли и задокументировали. Просто не все можно в дело класть. Там наверняка с разными уважаемыми людьми говорил, или судебное решение не успели подложить. Ну знаешь же, как бывает.

— Знаю. Только ведь в деле-то должно быть хоть что-то.

— Да что ты заводишь сам себя! И вообще, не слышал, что ли, что он по голубой теме?

— Нет, не слышал.

— Я тебе говорю. Верняк. Опера подъезжали, рассказывали, что он в камере прямо к кому-то открыто домогался, причем чтобы как с женщиной с ним всякие пакостные вещи сделали. А тот на него заявление написал, агент он их, что ли. В общем позорище просто. Вроде на такой должности был, а под хвост балуется.

— Да не может этого быть! Жена у него есть, дети маленькие.

— Это все для прикрытия. Он и до этой ситуации замечен в подобном был, а сейчас в колонии, наверное, вообще с катушек съедет и начнет в женское одеваться.

— Блин, неприятно это все. Не хочу даже это обсуждать. Какое кому дело, в конце концов?

— Неприятно. Сам всю эту гомосятину не люблю. Так-то да, никакого дела. Сейчас за гомосексуализм у нас

ответственности нет. Жаль, кстати. Но суд, думаю, учел этот фактор. Мерзкий такой моментик. Характеристика личности, так сказать.

— Да уж. Ладно, побегу я. Надо семью его успокоить. И вообще, настроения нет никакого.

— Не убивайся ты так. Говорю же, ты-то причем? Работа такая. Сколько тебя знаю, всегда ты всё близко к сердцу. Может, по пивку все же?

— Нет, побегу. Извини. Хреново что-то.

— Ну на кофеек пойдем. С коньячком.

— Извини, Сань, в другой раз давай с удовольствием.

— Ладно, давай. Не грузись только. А портфель у тебя классный.

— Давай. Привет всем передавай, кто еще работает.

— Передам. Тебя многие вспоминают. Зря ты все же из системы ушел. Твое это было.

— Нет, не мое. Мое теперь людей вот защищать, когда все всё понимают вроде как.

— Работа, что тут скажешь. Мне в моей тоже не все нравится, хотя и лучше, чем у тебя...

Самый сексуальный адвокат вернулся

— Он вернулся, вернулся! — завопил кто-то в телевизоре.

Самый сексуальный адвокат недовольно поежился, открыл глаза и понял, что уже позднее утро, он лежит абсолютно обнаженный на тигровой шкуре в своей новой роскошной квартире и вчера ночью он опять забыл выключить телевизор.

— Кто вернулся? Я и не пропадал никогда. Не дожидесь,— недовольно проворчал он в адрес телевизора, после чего потянулся, напряг бронзовые мускулы, привычным движением ощупал левый, а затем правый бицепс и резко вскочил на ноги. Надо было собираться на встречу. Эта встреча не вселяла королю всех эротических фотосессий никакого оптимизма. Разговор предстоял тяжелый. Нужно было переговорить с якорным клиентом, которого в свое время самый сексуальный адвокат заарканил своей харизмой в воронку продаж и благодаря сотрудничеству с которым красавец-мужчина смог приобрести и эту роскошную квартиру, и шикарный автомобиль, и блестящие виниры на все без исключения зубы.

Над этим разговором самый сексуальный адвокат размышлял уже несколько месяцев. Дело в том, что в какой-то момент он понял, что достиг потолка своего развития в

юриспруденции. Ну обновит он импланты в голени, ну сделает пластику носа и ягодиц, но это никак не могло приблизить его к той цели, которая была поставлена еще 14 лет назад скромным на тот момент молодым человеком с неудавшейся карьерой балетного танцора. Стринги, полностью инкрустированные бриллиантами, были целью всей его жизни, его мечтой и его болью. К сожалению, вся его работа в качестве самого сексуального адвоката практически ни на шаг не приблизила его к этой цели. Эти стринги продавались в единственном экземпляре, стоили целое состояние, а, как известно, юристы являются лишь услугой для тех, кто такие состояния имеет. И тогда самый сексуальный адвокат решил. Политика. Она приведет его к сокровенной цели. Он будет самым сексуальным депутатом и уже к первому сроку своих сексуальных полномочий сможет купить те самые эксклюзивные стринги, которых нет ни у кого в мире и которые вознесут его на вершину мирового сексуального пьедестала.

Он подошел к зеркалу и невольно зажмурился. Собственная красота ослепляла его. Боже, как он был хорош! Осмотрев свое обнаженное тело, самый сексуальный адвокат понял, что в нем нет недостатков. Да. Он будет, будет самым сексуальным депутатом в самых сексуальных в мире стрингах.

Впрочем, для реализации этой цели нужно было преодолеть очень тяжелое препятствие. Тот самый якорный клиент. Нужно было объяснить ему, что более самый сексуальный адвокат не будет оказывать ему юридических услуг, и, что еще тяжелее, убедить этого клиента помочь сделать первый шаг в политику. А оказать такую помощь клиент, безусловно, мог. Он был крайне влиятелен, обладал обширными связями, а кроме того, при желании мог

быть очень убедительным. Теперь предстояло убедить важного клиента, чтобы его партнеры в политической сфере помогли самому сексуальному адвокату реализовать свою мечту. Самый сексуальный адвокат надел самые любимые фиолетовые стринги, нанес на тело увлажняющее масло, подошел к холодильнику и привычным движением довершил ставший уже знаменитым эротический образ прекраснейшего из юристов. Он был готов. Скоро, очень скоро он станет самым сексуальным депутатом.

Самый сексуальный адвокат подъехал к роскошному особняку на Новом Арбате, припарковал свой автомобиль на специально зарезервированном для него месте на подземной парковке, после чего поднялся на последний этаж к кабинету с табличкой, на которой золотыми буквами было написано: «Владимир Иванович Штыров. Председатель попечительского совета, доктор философских наук, почетный энергетик России». Не забыв предварительно побрызгаться любимым парфюмом с вытяжкой из феромонов снежного человека, еще более повышающей и так струящуюся из него сексуальность, он скромно постучал в дверь.

— Не заперто, — загремело из кабинета.

Самый сексуальный адвокат открыл дверь и привычно остановился возле самого входа. Он уже знал, что сейчас произойдет. Абсолютно лысое гориллообразное существо подскочило к нему откуда-то сзади, направило в спину что-то очень страшное, металлическое и холодное, после чего скомандовало: «Повернись, падла, медленно». Самый сексуальный адвокат повернулся и увидел перед собой того самого якорного клиента. Известный криминальный авторитет по кличке Штырь, он же Владимир Иванович Штыров, хрипло буркнул: «Здорово, падла», — после

чего направился куда-то в глубь кабинета и сел за большой стол, который почему-то всегда навевал на самого сексуального адвоката мысли о разделке на нем трупов.

— Здравствуйте, Владимир Иванович, я к вам по делу,— постарался как можно увереннее начать разговор самый сексуальный адвокат.

— Слышь, падла, я тебя как учил в хату заходить, ну? — недовольно прохрипел Штырь.

— Вечер в хату,— уже гораздо менее уверенно ответил самый сексуальный адвокат.

— Ну вот, прогрессируешь. Скоро будем тебя в главпетухи производить,— осклабился Штырь,— мне как раз кенты с Мордовии просят им Машку подогнать.

— Владимир Иванович, я же вам многократно говорил, что я не по этой части,— взвился самый сексуальный адвокат.

Штырь загоготал:

— Все так говорят, когда в первый раз бывает, а потом распробуют — сами под теплый бок к бродяге просятся. Помню вот, была у меня одна Машка в 89-м в Воркуте, на тебя чем-то похожа, только помясистее.

Штырь мечтательно закатил глаза.

— Владимир Иванович,— не унимался самый сексуальный адвокат,— мне крайне неприятны ваши намеки.

— А чего тогда вырядился опять, как петух? Я тебе сколько раз базарил, чтобы ко мне в нормальной робе приходил?

— Владимир Иванович, мой костюм, яркая рубашка и шейный платок — это всего лишь образ, который я использую по работе.

— Образ. Знаю я ваши образы. Вначале образы, а потом на кожаной флейте играют,— пробурчал Штырь.

— Владимир Иванович, я не умею играть на музыкальных инструментах. Я вам рассказывал, что музыке с детства не обучен. У меня только по литературе пятерка была, и еще я танцами занимался,— снова возмутился самый сексуальный в мире юрист.

— Ладно, не потей, не будешь ты Машкой. Пока. Работай по картошке. Это у тебя хорошо получается. Что там в Бутырке? Был вчера?

— Да, был. Все хорошо. Порошок не нашли.

— Пацаны маляву передали?

— Да, уже отдал вашему помощнику.

— Ну хорошо, бабки у Боксера получишь, как обычно. Ну все, давай, иди. Мне расслабиться надо,— с этими словами Штырь подошел к большому сейфу, достал оттуда пакет с порошком и высыпал дозу на стол.

Понимая, что под порошком разговор может принять нежелательный оборот, самый сексуальный адвокат решил срочно переходить к делу, за которым он и пришел в кабинет к Штырю:

— Владимир Иванович, просить вас хотел. Ну не могу я по картошке, не мое это. Позвольте сменить профессию.

Штырь поднял на него уже опущенные на дозу глаза и неожиданно с силой ударил ладонью по столу:

— Соскочить хочешь, падла? А грев кто пацанам носить будет? Тебя же не один вертухай обыскивать не будет, запахло это, зашквар, понимаешь? Мы с тобой таких делов за последний год наделали, весь марафет в Бутырке держим, а ты уходить!

Самый сексуальный адвокат настаивал на своем:

— Ну не могу я, Владимир Иванович, боюсь заметут скоро. Там женщины конвоиры уже подозрительно

смотрят. Да и страшно с вашими ребятами мне. Вчера вон чуть не подрались из-за меня, кто первый будет смотреть, как я картошку раздаю.

— Ну и пусти разок под хвост, тяжело бродяге без ласки.

— Владимир Иванович, у меня нет никакого хвоста, я все равно не понимаю вашего грубого сленга, а поступающие мне намеки просто оскорбительны.

— Ладно, не обижайся. С обиженными знаешь что в правильных местах делают? — сказал неожиданно подобревший Штырь и все-таки втянул левой ноздрей дозу.

— Я и не обижаюсь. Отпустите меня в политику. Мечта у меня: депутатом хочу стать.

Штырь сидел с закрытыми глазами и молчал. Самый сексуальный адвокат знал это молчание своего постоянного клиента. Тот думал и просчитывал варианты. Несмотря на внешность гориллы, голова у Штыря работала похлеще, чем у любого академика. Только направленность этой работы была несколько иной...

Через несколько минут Штырь открыл глаза и резко встал из-за стола:

— Ладно, падла. Сделаю тебя депутатом, есть у меня там хороший подход. В Бутырку с картошкой теперь ходить не надо. Будешь по Госдуме с картошкой работать. Я давно слышал, что там почти все на порошке, такую ересь только под порошком нести можно. Это же золотое дно. Чую я жилу.

— Владимир Иванович, я на все согласен, — просиял самый сексуальный адвокат.

Через три месяца самый сексуальный адвокат отработанной подиумной походкой впервые в жизни входил в зал

пленарных заседаний Государственной Думы Российской Федерации. На лацкане его яркого сиреневого пиджака блестящим огнем горел специально инкрустированный для него бриллиантами значок, подтверждающий принадлежность уже бывшего адвоката к депутатскому корпусу. Теперь никто не будет насмехаться над ним в Интернете, сочинять мемы и фотожабы про самого сексуального адвоката с кустом роз в том месте, думать о котором ему было неприятно. Не так давно его более мудрыми коллегами по Государственной Думе была введена уголовная ответственность за насмешку над народными избранниками, и норма уже начала успешно применяться. Он же отныне был самым сексуальным депутатом, и это звание он, безусловно, заслужил. Как же он был красив! Сегодня он любил себя еще больше. Действительно, как можно не любить такого красавца? Брутальные мышцы, которые не может скрыть ни один пиджак, рубашка, расшитая алмазными нитями, бабочка ярко-желтого цвета и, наконец, тот самый депутатский значок, который свидетельствовал о том, что он и только он является самым сексуальным депутатом. Сексуальный депутат сел на одно из свободных мест, принял позу максимальной мускулистости, не забыв о вакууме в животе. Внезапно он увидел, что депутаты, сидевшие рядом, начинают перемещаться подальше от него в другую сторону зала.

В этот момент председательствующий в президиуме суровый мужчина с красным, как показалось сексуальному депутату, от пьянства лицом объявил: «Слово предоставляется депутату от фракции “Великая Русь” Гришкину Николаю Сергеевичу. Пожалуйста, Николай Сергеевич. Только не забывайте о регламенте».

На трибуну уверенной походкой поднялся невысокого роста коренастый мужчина, который начал свое выступление так: «Глубокоуважаемый Иван Анатольевич, глубокоуважаемые депутаты Государственной Думы...» Тут он сделал глубокомысленную паузу и неожиданно для самого сексуального депутата указал пальцем прямо на него: «Петух в хате. Братва, это зашквар. Кто пустил петуха в хату к порядочным арестантам? Меня, Тушкана, здесь все знают, третий срок сiju, и петуха я носом чую».

Тут началось самое страшное. Безо всякого объявления к трибуне рысью подбежал пожилой мужчина с еще более красным, чем у председательствующего, лицом и заорал в микрофон: «Охрана, выкиньте этого петуха из хаты. Он здесь всех зашкварит, однозначно. От какой фракции этот чепушила? Почему не в петушатне?»

Узнав, что самый сексуальный депутат избирался от фракции, которой руководит именно он, мужчина с очень красным лицом не успокоился, продолжал орать про клевету, провокацию, подброшенные ему кем-то деньги, затем швырнул в председательствующего бутылкой с водой и с криками, что «лучше с хаты сломиться, чем зашквар», выбежал из зала. За ним выбежало из зала еще порядка 20—30 депутатов чуть помоложе, но с такими же красными лицами.

Затем к трибуне подошла молодая красивая женщина с очень прямой спиной, которая с закрытыми глазами пропела: «Боже царя храни», — после чего резко открыла глаза и размеренно, практически по буквам произнесла в микрофон: «Православные, защитим память нашего великого святого от осквернения. Бей безбожника!»

Поняв, что безбожником назвали именно его и что народные избранники настроены весьма агрессивно, самый сексуальный депутат пулей вылетел из зала и скрылся в туалете. Не успел он отдышаться, как из одной из кабинок позвали: «Слышь, противный, посмотри: там никого больше нет вокруг?» Самый сексуальный депутат огляделся, сказал, что туалет свободен, после чего из кабинки робко выглянул до красноты рыжеволосый человек с окладистой бородой и в желтой рясе, который представился Виталиком и протянул бывшему юристу руку. Самый сексуальный депутат по опыту засомневался было, пожимать ли руку, но Виталик успокаивающе похлопал его по плечу: «Не ссы, брат, меня не зашкваришь, я давно здесь с продырявленной миски веслом баланду хлебаю», — после чего истово перекрестился и троекратно поцеловал народного избранника в обе щеки.

Уже через полчаса самый сексуальный депутат сидел за столиком в одном из уютных ресторанов, расположенных неподалеку от здания законодательного собрания, и слушал нравоучительные рассуждения очевидно поднаторевшего на депутатской ниве Виталика о том, что сексуальных в Думе много, что им следует держаться вместе, но в дневное время по зданию надежнее все же ходить в рясе и с кадилом. Когда же окончательно повеселевший Виталик втянул сразу в ноздрю через 100-долларовую бумажку какой-то белый порошок, а затем небрежно смял и бросил эту бумажку прямо на пол, самый сексуальный депутат понял, что жизнь заиграла новыми красками. Все-таки Штырь был очень мудрым человеком, и совсем скоро самый сексуальный депутат сможет реализовать мечту всей своей жизни, добавив еще немного секса к уже и так сексуальному образу.

Народ

— Здравствуй, дорогой товарищ народ!

— Здорово! А ты кто?

— Правительство я. Чего такой невеселый?

— Так жрать хочется и футбол отменили. А ты чего такое веселое и толстое?

— Веселое — это я от радости, что тебя увидело. А толстое от неправильного образа жизни, ем редко, сплю мало, о тебе все забочусь и думаю.

— А. Ну это понятно. Хочешь-то чего? Может, жрать дашь?

— Жрать дать не могу, мы в кольце врагов. Это они все виноваты. Обнулиться хочу.

— Ну так обнуляйся, кто тебе не дает. Я каждый вечер в нулину обнуляюсь.

— Само не могу. Ты меня обнулить должен.

— Зачем это тебе?

— Ну как зачем. Чтобы я временно вечное было. Для тебя это нужно. Мне-то зачем, мне, наоборот, еще тяжелее будет, старею я ведь. В кольце врагов мы. Вот кольцо врагов разожмется — тогда и отдохну. Может быть. А там, может, и новый враг, новый вызов, как говорится. Куда нам стареть, нельзя нам это. Но все временно. Обещаю.

— Ясно. Так бы и сказало, что тоже жрать хочешь.

— Зачем жрать? Не хочу я жрать.

— А, нажралось уже, значит?

— Дубина ты, о тебе я думаю, для тебя стараюсь!

— То есть все не нажрешься, все-таки?

— Да что ты заладил? Жрать-жрать. Дам я тебе хлеба с маслом. Потом. Когда врага победим.

— Я ни с кем и не воевал. Это ты воевало, и теперь мне жрать нечего.

— Ну знаешь ли. Я, вообще-то, для тебя тут каждый день атакам вражеским подвергаюсь.

— Вот и не подвергайся. Отдохни, поспи. Обнулись. Но как все чтобы. Чтобы без надрыва вот этого. Чтобы со сном.

— Вот как ты заговорил? Значит, будем сажать.

— Кого сажать?

— Да нет. Это я так. Вслух думаю.

— Нет, ты погоди. Это важно. Это я знаю. Это я помню.

— Нет-нет. Ты не обращай внимания. Я это так, поразмышляло вслух.

— Как это — поразмышляло? А почему меня меньше стало? Почему я пропадать стал по ночам? Репрессии зачем возродились?

— Ничего не понимаю. Мне докладывают, что ты процветаешь. Если бы не враг, то вообще бы процвел уже. Может, силовики отдельные опять нарушают? Так я им закон поправлю! Я им сделаю, чтобы все по закону было! Ты только не расстраивайся. Все для тебя ведь делается. Эй, силовики?.. Молчат чего-то, работают, видимо. Ну ничего. Я им попозже еще раз крикну, чтобы закон поправили.

— Да нет, не стоит. И так понятно все в принципе. Подписывать где надо? Или как в прошлый раз?

— Можно, в принципе, как в прошлый раз. Спасибо тебе, дорогой товарищ народ, за доверие и за все остальное. Я не подведу. Я для тебя так обнулюсь, чтобы тебе полное счастье было. Очень я люблю, когда тебе счастье, а врагу несчастье.

— Ты футбол хотя бы включи лучше.

— Не могу футбол, его враг отключил. Вирус придумал богомерзкий. Развратничал враг много, с обезьянами, мышами и прочей живностью. Вот и покарал его Бог православный. Я тебе сериал включу про мента честного, как ты любишь. Смотри, дорогой товарищ народ, как мент честный всех врагов побеждает.

— Ну ладно. Обнулюсь и под сериал. Но так конкретно обнулюсь, чтобы в нулину и прямо с утра.

— Вот и хорошо, вот и чудесно получилось. Рад я, дорогой товарищ народ, что ты счастливый и делом занят. И мне тогда хорошо и очень спокойно.

Помидор

Тебе 5 или 6. Совсем мелкий. Проводишь лето на даче у дедушки с бабушкой. Дача далеко за городом, нужно ехать в душном автобусе, потом идти пешком, но тебе нравится. Поездка на дачу — целое приключение! Ты любишь дачу и любишь бабушку с дедушкой.

Носишься с соседскими пацанами по улице, и вдруг тебя зовет к себе дедушка. Лицо у него почему-то немного взволнованное и очень торжественное. Он ведет тебя на грядки и показывает большой зеленый помидор. Дедушка рассказывает, что скоро помидор созреет, станет красным, и вы будете его есть. Тебе должен достаться самый вкусный кусок из середины. Видно, что дедушка очень гордится этим помидором. Ты мелкий и еще ничего во всем этом не понимаешь, но тебе нравится, что дедушка гордится. Поэтому ты обещаешь ждать, когда помидор станет красным, и тебе хочется его попробовать. Все следующие дни ты проверяешь, не покраснел ли помидор, а когда замечаешь небольшую красноту — бежишь к дедушке и кричишь, что его можно срывать. Дедушка объясняет, что еще рано, помидор должен стать совсем красным.

Наконец этот день настает. Вы с дедушкой вместе идете к грядке срывать помидор. Помидор красный, почти бурый, и очень большой. Дедушка говорит, что еще

никогда не видел такого большого помидора. Ты тоже не видел. Это какой-то новый сорт. Дедушка разрешает тебе потрогать помидор, проверив, насколько он горячий. Ты осторожно трогаешь и отдергиваешь руку. Помидор теплый, почти горячий. Он нагрелся от солнца. Руку можно было бы не отдергивать, помидор не обжигает. Но ты чувствуешь, что дедушке будет смешно, если ты отдернешь руку, как будто обжегся. Вы вместе смеетесь, довольные друг другом и большим помидором. Дедушка берет нож, осторожно срезает помидор — и потом вы вместе торжественно несете его на кухню. Там дедушка режет его кружками и нарезает черный хлеб. Он кладет несколько кружков бурого теплого помидора на хлеб и дает тебе. Ты здесь самый важный, и тебе доверено снять пробу. Ты кусаешь хлеб с помидором, и кажется, что ничего вкуснее в жизни ты не ел. Помидор сладкий и пахнет солнцем. А еще он такой сочный, что сок брызгает на тебя, когда ты откусываешь кусок. Ты смеешься, и дедушка смеется. Потом дедушка делает такой же бутерброд себе и тоже ест помидор с хлебом. Он делает вам черный чай, который положено пить с сахаром вприкуску. Обычно дедушка говорит немного, ценит каждое слово, но здесь он рассказывает тебе что-то, и это кажется тебе очень интересным. Он говорит про новый сорт помидора, про то, как он его выращивал, как вы завтра пойдете на рыбалку и обязательно поймаете большую рыбу. Ты слушаешь дедушку и вдруг понимаешь, что уже почти спишь. Ты пока еще привык спать в обед и от всех этих интересных вещей сильно устал. Дедушка замечает это, берет тебя на руки и относит на кровать. На кровати ты еще раз вспоминаешь про самый вкусный в мире

помидор, улыбаешься дедушке и сразу засыпаешь, уже не замечая, что дедушка долго смотрит на тебя спящего и улыбается самому себе.

Через 30 с лишним лет ты сидишь в офисе и думаешь, что делаешь какое-то важное дело. К тебе приезжают и заходят какие-то люди, все время звонит телефон. От тебя чего-то хотят, требуют, настаивают. И ты тоже кому-то все время звонишь, требуешь, настаиваешь. Так проходит каждый день. Но вот вдруг ты вспоминаешь про тот день с дедушкой, про самый вкусный в мире помидор и понимаешь, что чего-то в последнее время упустил.

Кто-то из коллег рассказывает тебе, что какой-то рейтинг поступил несправедливо и не включил вашу самую лучшую в мире фирму в главную номинацию. Ты слушаешь, соглашаешься с несправедливостью такого решения, но вдруг спрашиваешь его, ел ли он самый вкусный в мире помидор и когда. Коллега смотрит на тебя, говорит, что не любит помидоры и продолжает возмущаться ситуацией. А ты смотришь на него и понимаешь, что это все ведь, в конце концов, совсем не важно, а вот есть помидор с дедушкой было важно.

Потом тебе звонит деловой партнер и возмущается, что «мерседесы» страшно подорожали и продаются либо в фиксированных комплектациях, либо за сумасшедшие деньги. Ты вяло поддерживаешь разговор, говоришь, что «ауди», как у тебя, тоже неплохая машина, не хуже «мерседеса», а сам думаешь про самый вкусный в мире помидор. Ты вдруг спрашиваешь своего товарища, какой сорт помидора он будет сажать на даче в этом году, а у него нет дачи. Разговор сворачивает обратно на марки машин, но тебе он не интересен.

Ты хочешь рассказать про дедушку и помидор, но понимаешь, что это может быть неуместно. Поэтому ты говоришь, что надо куда-то бежать, и заканчиваешь скучный разговор.

Тебе звонят из канцелярии суда и говорят о назначении заседания, которого ты так долго ждал и к которому так серьезно готовился. Но сейчас у тебя нерабочее настроение. Ты вспоминаешь дедушку, помидор и улыбаешься самому себе.

Поняв, что настроение совсем не рабочее, ты решаешь уйти с работы пораньше, отпускаешь водителя, сам едешь за рулем домой, паркуешь машину и идешь пешком встречать сына из школы. Он еще мелкий, чуть старше, чем был ты в день с самым вкусным помидором. Сын доверчиво кладет свою руку в твою, вы идете, держась за руки, и болтаете. Ты рассказываешь ему о дедушке, о том, каким он был, о его помидорах, удочках, походах с тобой за грибами, печеной картошке и многих других вещах, которые делали тебя счастливым. Обычно ты говоришь мало, ценишь слова, но здесь тебе хочется выговориться. Ты думаешь, что сын мелкий и не поймет, но вдруг чувствуешь, что ему интересно. Он просит тебя рассказать что-то еще, и вы договариваетесь этой весной обязательно посадить самый вкусный помидор, сходить на рыбалку, поймать рыбу и вообще все время быть вместе, когда ты не на работе. Довольные, вы приходите домой, болтаете, а когда ты видишь, что он устал, то берешь его на руки и относишь в кровать. Засыпая, он улыбается тебе и вспоминает про самый вкусный в мире помидор. Ты улыбаешься, а потом еще долго смотришь на него, спящего, и о чем-то думаешь.

Ты думаешь, что дедушки давно нет, нет и той дачи, и того помидора, да и жизнь уже совсем другая. Но сердце подсказывает тебе, что на самом деле все это есть и будет всегда. Потому что дедушка и есть ты, как и помидор, и дача, и много всяких других вещей, которые тебе иногда снятся. А потом будут сниться твоему сыну, а может быть, и внуку, который обязательно будет.

Кошечка

— Кошечка, доброе утро! Я приземлился из командировки.

— Доброе утро, милый! Я соскучилась.

— Как твой день сегодня? Много работы? СИЗО хотя бы нет?

— Милый, я весь день в конторе, только в 12 допрос и в 16. Ты меня поцелуешь в обед между ними?

— Кошечка, у меня сегодня весь день в суде на продлении, только вечером освобожусь — и сразу домой, к тебе на поцелустики. Я так скучаю.

— Мур. Скорее бы вечер. Кот, а если я один допрос с завтра на послезавтра передвину, ты сможешь? Там просто сложное дело, и без тебя мне не вытянуть.

— Милая, смогу, конечно. Только давай послезавтра на утро. Чтобы я еще в СИЗО успел после обеда попасть. А что там за дело?

— Я еще плохо поняла, мне только вчера дело расписали, но там стражное что-то, ну как ты любишь.

— Я тебя люблю прежде всего.

— Кот, а я тебя.

— Вечером хочу обсудить этот вопрос во всех подробностях.

— Хорошо, милый. Предоставлю максимальные доказательства и детали данного вопроса.

— Мур. А другой допрос какой?

— Это не допрос, а опрос по проверке, ты ее знаешь. Проверка тянется уже год, я тебе дома рассказывала, помнишь? Там все равно отказной будет, но прокурор все время отменяет.

— А. Эта проверка? Да, помню. Тебе там точно не нужна помощь? Я могу, у меня сейчас не так загружено.

— Нет, милый. Там я сама. Не хочу тебя отвлекать от спасения Вселенной. Ой. Милый, а поможешь с обвинением по мошенничеству? Я такое никогда не писала.

— Кошка, конечно, помогу. На выходных вместе напишем, это не сложно. Милая, как думаешь, наши коллеги ни о чем не догадываются?

— Да о чем они могут догадываться? Мы же осторожненько.

— Ну все-таки. Я же иногда не могу сдерживаться, мы целуемся и обнимаемся с тобой, когда никто не видит. А вдруг все же они видели?

— Милый, не переживай. Тем более, ты всегда такой строгий со мной, когда кто-то смотрит.

— Хорошо, кошечка. До вечера. Я буду очень скучать. Целую тебя сто тысяч раз.

— Кот, а я тебя миллион раз целую.

— Извините, а вы можете не в общем чате все это обсуждать? Реально от работы отвлекает.

— Поддерживаю. И можете целоваться прямо на совещаниях. Мы давно все знаем.

— На свадьбу только позовите.

— Кого ждете? Девочку или мальчика?

— Блин, кошечка. Мне кажется, они точно все знают.

— Милый, не переживай. Мы же осторожненько, никто не поймет.

Она была очень красива

Она была очень красива, умна, нравилась мужчинам, знала это и наверняка хорошо умела пользоваться своим даром красоты. Он, как и все некрасивые мужчины, в молодости был страшно влюбчив, но с возрастом существенно умерил свой пыл в сердечных делах и теперь просто подмечал женскую красоту, ценя ее как посетитель музея, с восхищением осматривающий шедевр, но не пускающий его глубоко в сердце.

Наверное, если бы кто-то увидел этих людей примерно одного возраста беседующими за столиком в кафе, то подумал бы, что они давние приятели, а может быть, одноклассники, которые давно не виделись. Она активно жестикулировала, была эмоциональна и явно взвинчена. Он спокойно смотрел на нее, немного наклонив голову, только сочувственно кивая и иногда бережно поглаживая ее руку своей. Но нет, они не были давними приятелями, и вообще в этот день виделись в третий или четвертый раз в жизни. Он был адвокат и только что рассказал ей о первом впечатлении от общения с ее мужем, которого недавно взялся защищать по обвинению в тяжком преступлении и которого сегодня навестил в следственном изоляторе. Муж не понравился ему, да и обстоятельства этого дела были для него, как для опытного юриста, достаточно очевидны и сулили весьма суровый приговор.

Но ей он о своих впечатлениях не сказал. Ему было жалко и ее, и ее показавшегося неприятным супруга, хотелось помочь им, как-то облегчив участь и приняв на себя часть боли. Это избыточное сочувствие являлось особенностью его адвокатской манеры, за которую его многие маститые коллеги критиковали, но которую он никак не хотел, а скорее, и не мог изменить. Он всегда убеждал себя, что это помогает и ему, и клиенту, позволяя принять на себя негатив, который неминуемо обращен на подсудимого из-за выдвинутого обвинения, сгладить его, перевернув отношение судьи к тому человеку, которого защищал собственными открытостью, горячностью и преданностью. Он знал, что так будет и в этот раз: он проникнется к неприятному мужчине, будет считать его хорошим человеком и постарается убедительно отстаивать эту позицию перед судьей. Также он знал, что дело это является практически безнадежным, но благодаря ответственной и самоотверженной работе можно будет добиться доброго расположения судьи, а значит, и относительно мягкого приговора.

— Но он же ни в чем не виноват? Вы же уже разобрались в деле? — горячилась она.

Он немного помолчал, в очередной раз отметив для себя ее удивительную красоту, а потом ответил:

— Да, конечно. Он очень хороший человек, и я в этом сегодня убедился. Доказательства сомнительны, я выявил в материалах большое количество процессуальных нарушений, но мы должны признать, что живем в России, поэтому оправдательный приговор в наших условиях невозможен, а итоговое наказание, не связанное с лишением свободы, было бы для всех нас чудесным результатом.

— Да, да, он очень хороший. Он просто запутался немного, и мы все обязаны ему помочь,— с одобрением поддержала его она.

Он опять взял паузу перед ответом, вспомнив, как хороший человек кричал ему, что всеми брошен, жена забыла о нем и наверняка думает только о его деньгах и возможном разводе. Такой вывод хороший человек сделал исходя из того, что одна из продуктовых передач пришла с задержкой. Объяснения адвоката о том, что, возможно, задержка связана с плохой работой изолятора, а не отсутствием заботы близкого человека, обвиняемый встретил в штыки, недовольным тоном заявив, что, если бы его любили, проблема была бы давно решена, а сотрудник изолятора, задержавший передачу, давно наказан. Пусть завалят этот изолятор деньгами, но передачи приходят без опозданий, кричал хороший человек адвокату, и тот, конечно же, обещал все это донести до жены.

Всего этого он ей рассказывать не стал, ответив, что, несомненно, приложит все усилия для помощи запутавшемуся подсудимому, и передав вежливую просьбу о скорейшей отправке передачи.

— Вы знаете, я заранее должна извиниться перед вами,— вдруг перебила она адвоката,— я знаю, что он бывает резковат, а порой и невыносим. Вам достался не самый комфортный клиент. Но он, правда, добрый и заслуживает помощи. Тем более, что я вижу, что вы уже прониклись и к нему, и к делу, и верю, что сможете нам помочь.

— Нет-нет, не переживайте. Я видел много разных дел и разных клиентов, и ваш супруг — один из самых комфортных для общения людей, с которыми мне доводилось работать.

Они простились как старые знакомые, он в очередной раз с удовольствием отметил для себя ее красоту и с ощущением какого-то внутреннего подъема отправился в офис, готовить очередной документ по очередному делу.

...Прошло полгода напряженной работы. Эта работа должна была, по его задумке, принести результат, который он считал в сложившейся ситуации идеальным. Судья слушала его ходатайства внимательно, прокурор с каждым заседанием ведет себя все уважительнее, а пристав на входе вел себя как с лучшим другом и даже пропускал в здание суда без досмотра. Все эти, казалось бы, незначительные внешние признаки указывали ему на то, что его работа замечена, позволяли быть в целом, несмотря на свойственную ему самокритичность, довольным собой и с определенным оптимизмом смотреть на итог дела.

За это время он, как и предполагал изначально, проникся сочувствием к подсудимому, нашел с ним общий язык и даже почти перестал обращать внимание на его чрезмерную требовательность, явно проявляемый эгоцентризм, упреки и неприятные слова по отношению к жене.

Она, по его мнению, не заслуживала ни упреков, ни неприятных слов, и если бы он, а не подсудимый, был ее мужем (он сам не понимал, почему ему вообще в голову несколько раз приходила такая глупая мысль), то гордился и любовался бы такой женщиной. Они сильно сблизились, ведь любая совместная деятельность сближает. Иногда вечерами, когда ей было совсем грустно, она звонила ему по телефону, делилась впечатлениями, рассказывала о надеждах, а порой и просто плакала в

трубку. Он сочувственно слушал, со всем соглашался и в такие моменты еще больше хотел ей помочь.

В один из подобных вечеров она особенно много плакала и жаловалась на то, как ей тяжело, как она устала, как плохо выглядит и как невыносим к концу суда стал Артем, ее муж. Тот написал ей очередное письмо, состоявшее из сплошных упреков и невыполнимых заданий, от чего она страшно переживала.

— Ну что вы, это просто тяжелый период. Вы еще будете вместе вспоминать об этом с улыбкой. Я провел много таких дел и знаю много подобных историй. А все эти его письма вы сохраните и потом, в старости, будете со смехом читать внукам вслух, — так успокаивал он ее, и ему почему-то всегда это удавалось. У него вообще хорошо получалось успокаивать тех, кому доводилось по долгу профессии помогать.

Внезапно ему захотелось сделать для нее что-то хорошее и как-то развеять ту тоску, в которой она все последние дни пребывала.

— Послушайте, у меня неожиданно образовались два билета в театр. Друг не смог пойти. Хотите, я вам подарю? Сходите, развеетесь с подругой? Говорят, очень хорошая постановка.

Он врал. Конечно же, никаких билетов у него не было. Он только думал что-то такое купить и решил, что это может ее порадовать.

— Мне? Спасибо большое. Какой вы все-таки хороший. Но подруги сейчас разъехались отдыхать. А может быть, вы со мной сходите? Вы же свободны вечером?

Если бы телефонная трубка передавала цвет, она смогла бы увидеть, как густо он покраснел. Но режим видеосвязи

был выключен, поэтому, к счастью для него, она ничего не заметила.

— Конечно. Я с удовольствием схожу с вами в театр, если вам и правда не с кем. Моя компания будет для вас достаточно скучна. Я же привык говорить только о работе, но, надеюсь, качественная постановка скрасит впечатление от моей скучной физиономии. К тому же вам и правда нужно развеяться, а мне нужен правильный настрой перед итоговым выступлением в прениях. В общем, я в вашем распоряжении, — многоречивость не была ему присуща, скорее он любил вне работы говорить мало, но здесь, наверное, от волнения он произнес целую тираду.

Она впервые за вечер рассмеялась, и в итоге все договоренности были достигнуты, брюки с рубашкой выглажены — и в назначенный час он сидел рядом с ней на одном из первых рядов своего любимого театра.

Спектакль вышел неудачным, актеры играли фальшиво, а его это совсем не трогало. Он весь спектакль украдкой смотрел на нее и чувствовал себя маленьким щенком, которому хочется прыгать перед хозяйкой, умильно вилять хвостом и прижимать уши от восторга. Он хорошо знал это чувство влюбленности, хотя и успел позабыть его, став старше и, как ему казалось, мудрее. Он пытался убедить себя, что все это глупости, что влюбляться в замужнюю женщину, к тому же жену клиента — опасно для него, нелепо для нее, недопустимо для дела, с которым он так сжился, да и, в конце концов, просто подло. Но щенок в его сердце вилял хвостом все умильнее, и он понимал, что скоро она заметит его пристальное внимание, от чего случится неловкость. Впрочем, она, казалось,

ничего не замечала, что, похоже, только раззадоривало глупого щенка.

Когда спектакль закончился, он с облегчением выдохнул. Несдержанный щенок все же не допустил тех глупостей, которых он так боялся, не сказал ей ни одного двусмысленного слова, не взял ненароком за руку, не... О, этот щенок мог наделать таких глупостей, что ни один самый мудрый и опытный адвокат не сумел бы его оправдать.

— Спасибо за чудесный вечер! Я так рада, что вы меня вытащили из моей берлоги, — улыбнулась она ему и как будто кокетливо (во всяком случае, так ему показалось) закусил нижнюю губу, став от этого еще красивее.

Щенок внутри него завизжал от восторга.

— Вы торопитесь? Может быть, я могу вас проводить? — маскируя щенка под обычную вежливость, спросил он.

Она согласилась, от чего щенок окончательно вырвался с поводка, завладев его сердцем, голосом и руками. По дороге сумасшедший щенок дотронулся до ее руки, и она вдруг не отстранила ее. Тепло от ее руки пошло через его руку туда, вглубь, где жил щенок, которому захотелось навсегда остановить этот момент, зафиксировав ощущение счастья, которое он испытал. Он не думал в эти минуты ни о деле, ни о чувстве долга, ни о неуместности возникающих отношений. Счастье переполняло щенка. И адвоката, в котором щенок жил.

Ему было все равно, что это было с ее стороны: настроение, чувство одиночества, обида на мужа, а может быть (чем черт не шутит), сработало его обаяние, хотя в последнее он верил слабо. Это было счастье, которым нужно было жить здесь и сейчас, не думая о последствиях.

На следующий день он сидел напротив ее мужа, с непривычной вялостью обсуждал последние штрихи финального выступления в суде и вспоминал вчерашнее счастье. Сегодня оно уже не казалось ему таким сладким. Щенок знал, что поступил очень подло, и от этого чувствовал себя старой побитой собакой. Он был солидарен со щенком и из-за распиравших голову противных мыслей никак не мог сформулировать итоговое предложение. Подсудимый почувствовал его настроение, принял это на счет волнения перед скорым выступлением и приговором и, что было делом совсем небывалым, попытался подбодрить:

— Спасибо тебе. Ты большой молодец. Я знаю, что все получится, и очень тебе верю.

Он откинулся головой к стене, у которой сидел, дотронулся до нее затылком и зажмурил глаза. Страшно болела голова и хотелось умереть.

...Он выступил хорошо, и суд закончился так, как он хотел. На оглашение приговора он не пришел: не мог больше видеть ни ее, ни его. На телефонные звонки тоже не ответил. Лет через пять он случайно встретил их на улице. Они шли под руку и, кажется, были счастливы. Она стала еще красивее, и щенок внутри него снова встрепенулся и прижал уши от радости. Он дернул щенка за поводок, перешел на другую сторону улицы и сделал вид, что никого не заметил.

Крот

Телефонный звонок разбудил знаменитого московского консультанта по пиару от послеобеденной дремоты. Он давно был настолько знаменит и успешен, что позволял себе закрываться после плотного обеда в кабинете, занавешивать окно дорогими шторами, снимать с себя всю одежду, облачаться в любимый бархатный халат и мирно дремать, покачиваясь в массажном кресле.

Консультант сладко потянулся, недовольно посмотрел на трезвонивший телефон, отодвинул его в сторону и попытался снова закрыть глаза. Телефон не унимался. Окончательно проснувшись, он вновь посмотрел на экран. Номер был неизвестный, причем звонили с городского телефона. Наверняка какая-нибудь реклама, подумал он, после чего, желая придать голосу нотки строгости и недовольства, прокашлялся и резко ответил на вызов:

— Послушайте, что вы названиваете? Неужели непонятно, что я занят и не могу сейчас говорить?

— Здравия желаю, Егор Сергеевич, из Министерства следствия вас беспокоят. Помощник руководителя Тимофеичев.

Знаменитый консультант удивленно закашлялся:

— Министерства чего, простите? И как вас зовут, Тимофеич? А имя?

— Валентин Валентинович Тимофеичев, помощник руководителя Главного министерства следствия Российской Федерации, генерал-майор юстиции, — прочеканил звонивший.

Консультант немного нервно сглотнул. Он был далек от какого-либо криминала, общался в основном с людьми творческими, манерными и просвещенными, а все правоохранительное, как и любого россиянина, иногда читающего газеты, его несколько пугало и навевало ассоциации с чем-то крайне нехорошим и, можно даже сказать, опасным. Почему-то все новости в России начинались и заканчивались какими-то задержаниями, обысками и посадками, а знаменитый консультант всегда очень не хотел, чтобы его коснулось ни первое, ни второе, ни третье. В общем, изначально неприятный звонок теперь стал выглядеть для него совсем уж неприятно, но разговор нужно было продолжать, и потому он как можно более любезно спросил:

— Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

— Можете, как раз очень даже можете, — продолжал чеканить слова помощник руководителя, — понимаете, у нас сейчас пиар — очень важный показатель. Мне дано поручение товарищем руководителем пригласить вас к нему и обсудить условия сотрудничества. Вы должны сформировать для товарища руководителя положительный образ.

Консультант удивленно вскинул аккуратные выщипанные брови:

— Пиар? Для главного следователя? Вы точно обратились по адресу? Я работаю со звездами эстрады, знаменитыми шоуменами, немного с юристами и людьми прочих творческих профессий. Но следователь, тем

более главный! Тем более Министерство следствия! Это достаточно серьезный вызов, даже для меня.

— Не переживайте, мы навели о вас справки. Рекомендации более чем положительные. Товарищ руководитель поручил пригласить именно вас. Вы единственный из консультантов такого рода, кто не привлекался к уголовной ответственности, не еврей, не грузин, не имеет родственников на Украине и не гей. Для товарища руководителя это крайне принципиальный вопрос.

— В Украине, — почему-то машинально поправил консультант.

— Тогда уж во вражеском государстве, — усмехнулся помощник высокого руководителя и продолжил: — Давайте к делу. Товарищ руководитель ждет вас завтра у себя в кабинете в 9 часов 45 минут после селекторного совещания с регионами.

— Но вы знаете, сколько стоят мои услуги? — с небольшой надеждой спросил консультант.

— Товарищ руководитель знает, сколько стоят ваши услуги, знает, сколько денег у вас в данный момент на личном счету и вообще все про вас знает. Не переживайте, деньги у Министерства следствия найдутся.

— Извините, а отказаться нельзя? — осторожно осведомился совсем оробевший гуру пиара.

— Нет, Егор Сергеевич, отказаться нельзя. Жду вас завтра на проходной Министерства. 9 часов 30 минут. Не опаздывайте. До свидания и всего вам самого наилучшего, — прочеканила трубка, после чего связь прервалась.

Знаменитый консультант нервно вскочил с резко ставшего таким неудобным массажного кресла и начал

усиленно тереть виски руками. Нехороший был звоночек. Очень уж нехороший. Он мало что знал об этом самом главном следователе, но наверняка тот был человеком опасным, властным и крайне мстительным. Одно дело — взять много денег и заключить договор с певцом или юмористом с тонкими чертами лица и женственной походкой. В случае неудачи это заканчивалось максимум судами и гневными интервью в прессе, что тоже было скорее хорошо и полезно для консультанта, как и любой скандальный пиар. Здесь же ситуация была совсем другая. Заказчик был силовиком. И непросто силовиком, а практически самым главным. Еще бабушка говорила маленькому тогда Егору, что дяденьки милиционеры только выглядят добренькими, а, на самом деле... Что там на самом деле, знаменитый консультант уже не помнил, но от этого ему было сейчас не легче.

Надо было что-то делать, и делать срочно. Творить, придумывать, изобретать, конструировать новый прекрасный образ, продвигать в прессе. В общем, делать все то, что он хорошо умел и за что ему уже давно платили серьезные деньги. Однако делать это нужно было с оглядкой на личность заказчика и возможные негативные последствия для консультанта, в случае если его советы не понравятся или не сработают.

Для начала он сделал для себя подборку общедоступной информации о потенциальном клиенте. Высокий, краснолицый, морщинистый, большие кулаки, возраст определить не представляется возможным, но явно не молод. Всю жизнь работал в милиции, потом создался Следственный комитет, потом Министерство следствия, и его через какое-то время назначили туда. Немного словен,

косноязычен, суров, крайне непубличен. Увлекается борьбой. Родился в Ленинграде. В последнее время много критикуется в прессе в связи с несколькими судебными процессами в отношении подчиненных, которых обвиняют в пытках задержанных, а также выявленной оппозиционерами элитной недвижимостью где-то на Средиземноморье, в Москве, Санкт-Петербурге. Обвинения в коррупции отрицает, ссылается на предпринимательский талант 17-летнего сына, ученика Гарварда, и бизнес-навыки третьей жены, победившей на конкурсе красоты «Мисс Малороссия — 2018». Первая и вторая жены осуждены на длительные сроки лишения свободы, основания не известны, место отбытия наказания также не афишируется. На этом всё.

Информация крайне скудная, но в целом работать можно. Изменение внешности, манеры говорить, хороший портной и косметолог, интервью и статьи в ведущих СМИ, смягчение образа, дружба с известными артистами и художниками. Это могло переломить негатив и критику, привлечь новых поклонников, но все это было стандартным вариантом. Нужно было искать что-то огненное, с чего и начнется изменение образа. Он нервно заходил кругами по кабинету, продолжая растирать виски пальцами.

Скандал, нужен был скандал. Скандал для резкого повышения узнаваемости. Пускай об этом говорят из каждого утюга, пускай обсуждают бабушки и домохозяйки, пускай доложат главе государства. Яркое, что-то очень яркое и взрывное. Но такое, что вызовет сочувствие и понимание со стороны населения. Может быть, даже жалость. Мы же живем в России, здесь принято жалеть и помогать несчастным. Да, да, сделать его несчастным,

нуждающимся в помощи, но таким, кто преодолевает свою беду и вознесется вновь, уже обновленным, помолодевшим, красивым, ярким, открытым. А потом уже все эти стандартные процедуры по изменению образа, новому сайту-визитке и прочим обязательным в пиаре вещам. Такие мысли крутились у него в голове, но ничего кроме того, чтобы посадить клиента в тюрьму и затем громогласно снять все обвинения, не придумывалось. Нет, конечно, это была блестящая идея, и в России с ее любовью к жертвам она сработала бы на ура, но это был следователь, тем более самый главный, и вряд ли ему понравится немножко присесть туда, куда он ежедневно присаживал других.

Нужно было что-то иное. Может быть, в чем-то похожее, но иное. Он думал и ходил по кабинету, ходил по кабинету и думал. Круг за кругом, час за часом. И вот наконец уже затемно озарение наступило. Блеск, чистый блеск! Невероятный пиар! С такой идеей клиент сразу станет знаменитым, о нем все будут говорить, это будет взлет на новые высоты. Может быть даже, он получит еще более высокий пост. Все-таки он был действительно хорошим консультантом по пиару и не зря получал столь высокие гонорары. Идея, вспышка, яркий огонь, которые он продавал заказчикам и которые работали практически всегда, были придуманы и теперь. Довольный собой, он скинул бархатистый халат, переделся в одежду для выхода и покинул кабинет. Домой, отдыхать. Завтрашний день должен был быть очень тяжелым и начаться непривычно рано. Надо было хорошо выспаться.

На следующий день в 9 часов 53 минуты он ходил кругами по огромному кабинету, в котором на самом

видном месте висел облаченный в дорогую раму портрет любимого всеми в этой стране человека. Человек с портрета пристально, не мигая и с подозрением смотрел на него, а здесь, в кабинете, другой человек, так же молча и не мигая, слушал и не подавал никакого вида, нравится ли ему то, о чем идет речь. Как мы понимаем, дорогой читатель, человеком в кабинете был тот самый главный следователь. Это был, как и предполагал консультант, весьма суровый мужчина с очень красным и будто закопченным лицом, свидетельствующим о бурных и крайне нелегких молодости и последующей зрелости. Ходил же кругами по кабинету наш знаменитый консультант по пиару, который, впрочем, памятуя о нелюбви следователя к мужчинам, любящим других мужчин, предусмотрительно не стал надевать знаменитый на всю Москву оранжевый пиджак в фиолетовую полоску, одевшись гораздо скромнее и строже.

Он был воодушевлен своей идеей и потому практически не обращал внимания ни на портрет, ни на сурового и молчаливого владельца кабинета. Консультант творил, активно жестикулировал и как бы рисовал в воздухе новый прекрасный образ жесткого силовика.

— Ты не гей? — внезапно перебил его следователь.

— Нет, нет, — суетливо пояснил консультант и немного съезжился под сердитым взглядом руководителя Министерства следствия, вспомнив, что творить ему приходится в не самом приятном для него месте.

— Ну хорошо. Мне докладывали, — произнес суровый мужчина и снова надолго замолчал.

Консультант продолжил. Он снова вошел в раж и снова парил где-то высоко. Там, где главный следователь станет

вдруг любим и почитаем всеми, начиная от молоденьких студентов и заканчивая старенькими, всегда ворчащими бабушками.

Но читатель, наверное, уже хочет узнать, что же такого придумал знаменитый консультант, что сможет столь резко изменить образ нелюбимого населением руководителя силового ведомства. И он наконец дошел до этого в своем вдохновленном рассказе:

— Это будет вспышка! Взрыв! Гениальный пиар-ход! Вы по ошибке выпьете, ну конечно, не совсем по-настоящему, выпьете жидкость для прочистки труб. Вас госпитализируют. Будут долго лечить. Вся страна будет это обсуждать, жалеть вас. Вы будете при смерти. Но врачи поднимут вас на ноги. И вы дадите интервью. В прямом эфире. У Андрюши Малахова. Я поговорю с ним. Это мой близкий товарищ. Бомба, просто бомба! Вас привезут на коляске. И вы плюнете Андрюше в лицо. Поверьте! Так надо! Мега-пиар. Потом вы извинитесь. Скажете, что плюнули по ошибке, так как были под воздействием тяжелой болезни. Но плюнуть обязательно. Так эффективнее. Как можно более смачно. А потом вы станете другим — обновленным, открытым к людям, введете для сотрудников новую форму, будете всегда говорить о правах человека, покажете, какой вы на самом деле образованный и эрудированный. Но жидкость для прочистки труб. Непременно для прочистки. Самую дешевую. Понарошку. Не взаправду. И дальше — в больницу. Так надо! Поверьте! Идите за мной! Я вижу свет. Там, вверху. И пока вы будете якобы болеть, ваш консультант сделает все остальное!

Главный следователь молча встал из-за стола, вышел куда-то, потом также молча вернулся с какой-то бутылкой

и двумя стаканами, разлил темное содержимое бутылки по стаканам и, не чокаясь, выпил одним глотком полный стакан. Затем он вытер рот рукавом, понюхал китель где-то в районе левой подмышки и выдохнул:

— Не сработает. Я с 16 лет, со школы милиции эту штуковину пью, там и пристрасился. Ни в каких больницах ни разу не был. Здоров, как бык. Пей теперь со мной, консультант. Уважь. А потом пойдем журналистам в лицо плевать. Это я люблю. Когда выпью.

Консультант с ужасом закрыл глаза и понял, что его бабушка, советовавшая обходить стороной всех людей в форме, была права. Безоговорочно. Стратегическая идея по пиар-продвижению закончилась провалом.

Горошек

— Алло, Маша, это я.

— Ну что там, закончилось?

— Закончилось. Изменили приговор.

— Изменили? Как изменили?

— Условное отменили. Дали два реально.

— Да ты что? Как два реально? И амнистия не действует?

— Амнистия применяется, только если условное, а мне на реальное заменили.

— Но почему?

— А я откуда знаю, там же резолютивное только огласили.

— Тебя сейчас арестуют?

— Нет, домой приеду, а потом сам поеду к месту отбытия, когда бумаги в УФСИН придут. У меня же колония-поселение.

— А ты ей говорил, что у тебя двое маленьких детей и их кормить некому будет?

— Говорил. Она даже отягчающее отмела, одни смягчающие у меня.

— А адвокат что говорит?

— Да что он говорит. Сам в шоке, за голову схватился. Говорит, это первый реальный приговор в стране по такой статье. Преступление средней тяжести, максимум

четыре года, ничего не доказано, был под подпиской, одни смягчающие обстоятельства — и реальное наказание.

— Но ведь это же скотство какое-то!

— Скотство.

— Сделай что-нибудь!

— А что я сделаю. Это страна такая. Теперь только обжаловать в кассацию, но это уже оттуда и долго будет.

— Ну пусть адвокат что-нибудь сделает уже! За что ему деньги платили?

— Так он сделал. Выступил хорошо, убедительно, бумагами тряс положительными, законы какие-то показывал. Только судья его не слушала, свои бумаги какие-то читала.

— Ей вообще не стыдно было?

— Да чего ей стыдно, у нее каждый день таких, как я, сотни.

— Это ведь кошмар! Кошмар! Невинного человека, не судимого, с двумя малолетними детьми на руках, со всеми положительными характеристиками — на два года в колонию запрятать!

— Кошмар, но что теперь говорить. Я еду домой, не плачь. Жди меня.

— Как тут не плакать! Кошмар!

— Алло, мама, ему реальное назначили!

— Как реальное? Но ты же говорила, что это невозможно по его статье.

— Невозможно. А она вот взяла, приговор изменила, условку отменила, амнистию отменила, дала два года.

— И что теперь делать?

— Я не знаю, мама. Валить надо было, говорила я ему, чтобы валил из страны!

— Да куда валить-то. Ты же сама говорила, кому мы там нужны.

— Говорила. А теперь другое говорю, когда столкнулась с таким.

— Его арестовали?

— Нет, сказали домой ехать и ждать команду. Сам в колонию поедет. Как у Кафки. Сам себя ножом в грудь ткни.

— Он в шоке?

— Какой там в шоке. Еле разговаривает. Как бы инсульт не разбил. Кто мог такое подумать? Всю душу ему вымотали с этим делом. Два года как на пороховой бочке!

— Что же с мальчиками теперь будет?

— А что будет? Работать пойду на двух работах. Я же сильная, прокормлю как-нибудь. Уборщицей вон в суд пойду, буду на них работать. Суд ведь в нашем правовом государстве должен быть сияющим блеском чистоты.

— А там досрочное какое-нибудь возможно?

— Да откуда я знаю? Сейчас приедет, отойдет, будет с адвокатом говорить. Наверное, возможно, если еще чего не добавят за строптивость. Он же правдоруб у нас, за справедливость, свою страну не оставлю, надо здесь зарабатывать... Вот и не оставил. А мне теперь по свиданиям в вонючие бараки ездить и посылки ему на последние деньги слать.

— Это кошмар!

— Кошмар!

— Держись, доченька! Ты знаешь, мы с папой тебе теперь не помощники.

— Держусь, мама! Прорвемся как-нибудь!

— Но какие же сволочи...

— Сволочи! Мстят, просто мстят, и ведь совсем ни за что. Растаптывают человека, растаптывают его семью, походя так.

— Да им наплевать.

— Наплевать. Говорит, смотрела так презрительно и свои бумажки какие-то перебирала.

— Сволочи!

— Ой, мам, все. Он пришел, совсем лица нет. Пойду обниму!

— Пока доченька, это просто кошмар!

— Лена, привет! Купи водки. Много. Я домой еду.

— Привет! Что опять?

— Алексея Ивановича закрыли!

— Как Алексея Ивановича? Того, что не виноват был?

— Да, его самого.

— Но ты же говорил, что там все шансы. И первый приговор хороший был.

— Да, там районный суд видел, что нет ничего, дал условное и по амнистии освободил. А в городском, видно, фээсбэшники подсуетились. Приговор изменить, назначить два года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

— Но ты ведь готовился и сделал все, что мог.

— А я ничего не мог, Лена! Я теперь у них говорю в пустое место. Я нужен только, чтобы приговор с моим участием был законным и обоснованным. Подписантами нас сделали, кивалами!

— Но ты ведь возражал.

— Возражал, конечно. Но кто же меня слушал.

— Милый, ну не расстраивайся ты так.

— Да как мне не расстраиваться! Он же человек, он хороший, я у него дома был, с детьми играл, его жена любит, плачет теперь.

— Милый, ну ты же не сдашься, будешь дальше жаловаться. Ты приезжай скорее, я тебя пожалею, покормлю, обниму.

— Я-то не сдамся, толку только ноль. Человек сидеть будет. Ни за что сидеть! Человек! Понимаешь? А я адвокат вроде как. Защитить должен был.

— Ты и защитил, и будешь дальше защищать.

— Буду. Только не надо это никому. Свалить бы. Как же хочется свалить. На хрен. Бросить все и свалить. И из профессии этой свалить. Она здесь не нужна.

— Любимый, ну пожалуйста, не начинай опять. Где мы там работать будем?

— Нигде не будем. Зато ни один мент не подойдет и просто так не закроет хорошего человека, потому что он кому-то дорожку перешел. Там я свободным буду, воздухом нормальным дышать!

— Все, успокойся, пожалуйста, и скорее приезжай!

— Это кошмар! Водки купи!

— Сереж, привет! Можешь зеленый горошек по дороге купить? Хочу оливье сделать.

— Привет! А ты что, еще не дома?

— Нет, я дело допоздна слушала, адвокат такой говорливый попался. И говорит, и говорит в прениях. Как будто самому не понятно все.

— Вот козел.

— Ага, не говори. Достали, блин.

— Ну езжай скорее домой.

— Да, сейчас выезжаю. У меня еще день такой дурацкий. Председатель за неотписанные опять орала, колготки последние порвала, а потом из бухгалтерии звонили. Короче, премии к Новому году не будет. Что-то там из-за Крыма, санкции какие-то, недоначисляют.

— Кошмар! Сволочи!

— Я и говорю, кошмар! Пожалей меня!

— Жалею. Ты приезжай скорее, а то я голодный, как собака.

— И я голодная. Горошек купи. Так оливье хочется.

— Куплю-куплю, выходи уже.

— Сейчас. Поговори, со мной минуточку. Все равно Машку жду, она меня на машине до метро добросит.

— Ну расскажи чего-нибудь.

— Да чего тебе рассказать. На работе тухло. Про премию тебе сказала. Колготки жалко, на таком видном месте, что не зашить.

— Не переживай. Получим зарплату, новые купим.

— Ну как не переживай. До зарплаты неделя. Еще и Мишке надо ботинки новые на зиму.

— Продержимся как-нибудь. А что за дело было, почему задержалась?

— Да неохота даже рассказывать, неинтересное. Контроль председателя, фээсбэшники там чего-то нараследовали. Вроде молодой парень, тихий такой, приятный. Адвокат только у него занудный, все бумагами какими-то тряс. Чего трясти, если контроль председателя. Видели же, что президиум им первый приговор отменил. Неужели не понятно.

— Придурки какие-то.

— Ага, придурки. Время только украли.

— Бедная моя. Но с премией ты меня, конечно, убила.
Кошмар.

— Кошмар. Все милый, я выезжаю, Машка зашла.
Пока.

— Пока, жду.

— Горошек купи.

Самый востребованный адвокат

Самый востребованный адвокат России был, как и обычно, занят с самого утра. Он уже успел дать несколько комментариев по делу, в котором не участвовал, облив грязью вначале обвиняемого, затем потерпевшего, а после обоих вместе с их неказистыми адвокатами. Конечно же, он понимал, что наверняка выиграл бы это дело как за обвиняемого, так и за потерпевшего, но надо было удерживать солидный уровень, поэтому участвовать в такой мелочи ему никто и не предлагал.

Уже после комментариев он был высосан донельзя и чувствовал жуткую усталость, но надо было работать дальше. Мэтр (он не любил это слово, но его, несмотря на еще не совсем преклонный возраст, уже давно так называли многочисленные подписчики в «Тик-токе») разместил одно из своих самых удачных фото с последней в фотосессии в «Инстаграм», сопроводив его глубокомысленным текстом, который, конечно же, никто не сможет понять. Текст был честно украден из какой-то книги по саморазвитию; ее самый востребованный адвокат так и не смог дочитать. Но все это было не так важно, поскольку в тексте был поставлен тэг «в Московском городском

суде», и он отлично дополнял фотографию в эффектном костюме с дорогими часами, как у самого...

Впрочем, у кого самого, не столь важно, поскольку самый востребованный адвокат был и сам по себе ого-го, а кроме того, ему снова позвонили. Журналисты просили срочное интервью по скандальному делу. Мэтр ничего не слышал об этом деле, но так любил скандалы, что с удовольствием обхамил одну из сторон, выразив сожаление относительно введенного в стране моратория на смертную казнь за непрофессиональную защиту.

Затем был короткий пост в «Фейсбуке» и еще одна фотография в «Инстаграме» со знаменитым певцом, которого гуру юриспруденции снисходительно приобнимал за плечи. Потом он провел небольшой прямой эфир для подписчиков в «Тик-токе», показав познавательное видео о чеканке туалетной бумаги левой ногой. Затем было еще одно интервью для читательниц популярного женского журнала о секретах профессионального успеха, снова пост в «Фейсбуке» и опять несколько комментариев для прессы, жаждавшей его скандального мнения на любую тему.

И, наконец, наступил вечер. Самый востребованный адвокат хорошо потрудился, понял, что фитнес он уже не выдержит, а потому решил лечь спать немного пораньше. В Москве в эти дни было очень жарко, поэтому он долго ворочался после тяжелого рабочего дня и никак не мог заснуть. Когда же он заснул, ему снова приснилась четвертая передача по гражданскому праву, перечеркнутая

красным курсовая по процессу и обидные слова его первого руководителя на работе, что он никогда не станет достойным юристом. Сон был прерывистым, каким-то липким и очень неприятным.

На следующий день он проснулся совсем разбитым, хотел было отдохнуть, но телефон снова звонил, требовал скандальных интервью и едких комментариев, а подписчицы недоумевали, почему с утра в его «Инстаграме» не размещено ни одной фотографии. Надо было работать. Профессиональная востребованность все-таки, как ни крути, очень тяжелая, хотя и приятная, штука...

Педофил

— Открывай! Открывай, собака, сейчас дверь взломаем!

— Доброе утро! Вы кто?

— Мы из государственной безопасности, открывай давай! Обыск.

— Какой обыск? Что происходит вообще? По какому праву?

— Вот постановление следователя.

— Да, мой адрес, моя фамилия, но на каком основании, какое дело?

— Читай-читай. Там все написано, урод.

— Почему вы обзываетесь? Чем я заслужил такое отношение?

— Ты почитай-почитай, скотина. Как тебе только не стыдно.

— Здесь написано: в неустановленное время в неустановленном месте неустановленным способом совершил неустановленные насильственные действия сексуального характера с неустановленным лицом мужского пола, не достигшим 14 лет.

— Меня сейчас вырвет от тебя. Ты не только педофил, но еще и гомосек!

— Молодой человек, мне 74 года. Какой педофил, какой гомосексуалист. У меня трое внуков, жена умерла,

живу один, доживаю свой век, никого не трогаю, никаких действий сексуальных не совершал. Я бы и не смог по возрасту, вы поймите.

— Следователь разберется, он ошибиться не может. Если написано, что педофил и гомосек, значит все доказательства у него в деле. Наверняка ты внука своего оприходовал.

— Да что вы такое говорите? Я внуков не видел уже лет пять. Они все во Франции живут с родителями.

— Ах во Франции! Да ты не просто педофил, ты еще и враг, имеешь сношения с зарубежными развратниками. Сейчас мы проверим твою переписку в компьютере.

— Проверяйте, пожалуйста. Все это какое-то недоразумение. Мне скрывать нечего. Да вы сами почитайте: ничего не установлено, но почему-то моя фамилия.

— Мне читать некогда. Мне прислали поручение на обыск у тебя — я провожу. Без тебя работы хватает. Вас, педофилов, как грязи развелось. Каждый день задерживаем. Рожу бы тебе набить, да пачкаться не хочется о такого мерзавца.

— Товарищ следователь, объясните мне, пожалуйста, в чем я все-таки подозреваюсь и какие доказательства?

— Ты совсем, что ли, больной? Вон написано все в постановлении о возбуждении дела.

— Но там написано, что ничего не установлено.

— Там написано, что ты педофил, понял? Подписывай давай протокол задержания, конвой ждет. Сейчас тебя в ИВС повезут, там тебе объяснят и про доказательства, и про дырявую миску, и про мытье парашаи.

— Какую дырявую миску, какое мытье парашаи? Зачем вы меня все время пугаете?

— Да кто тебя пугает, вонючка. Кому ты нужен вообще? Подписывай давай и вали. Завтра в суде увидимся на аресте.

— Почему вы мне тыкаете все время? Я вас в три раза старше вообще-то.

— Моя бы воля — я бы тебя вообще кастрировал, но сейчас нельзя. Это только после приговора, месяца через три, электричеством.

— Каким электричеством?

— Обыкновенным электричеством. К яйцам тебе провод подсоединят и привет. Добрый станешь, послушный, больше детей не будешь обижать. Хотя ты и так не будешь. Не выйдешь просто из тюрьмы. Там и сдохнешь.

— Вы меня все время оскорбляете, но, между прочим, в ваших же документах написано, что ничего не установлено: ни время, ни место, ни способ, ни кого я якобы растлевал.

— Чего ты лепишь мне? Где написано?

— Да вот же, в постановлении.

— А это что, мое, что ли, постановление? Вот же указано, что другой следователь вынес, а я в группе состою.

— Но задерживаете-то вы.

— Ты меня не лечи давай. У меня двое детей маленьких, девочка и мальчик. Я бы таких, как ты, без суда и следствия.

— Ну а если все это ошибка?

— Государство не ошибается. Видишь, подпись стоит, должность соответствующая, уполномоченным лицом. Суд тебе все это объяснит, а потом еще и в СИЗО

замотивируют, как под нарами жить и как парашу каждый день мыть. Давай, подписывай протокол задержания и поезжай к параше своей.

— Как вам не стыдно, я пожилой человек, ни в чем не виноват, прекратите меня запугивать!

— Стыдно? Ты, педофил, о стыде будешь говорить? Мне опять оперов позвать, чтобы тебе объяснили про стыд и совесть?

— Не надо никого звать, у меня и так голова болит очень. Я сейчас подпишу и буду молчать.

— Вот, так бы и сразу.

— Здравствуйте! Я прокурор отдела. Принес вам обвинительное заключение, будем вручать под расписку.

— Здравствуйте! А можно почитать вначале?

— Читать потом будете, в камере. Подписывайте расписку.

— Молодой человек, я так надеялся, что прокуратура хотя бы разберется в этом деле, не утвердит.

— Вот прокуратура и разобралась, утвердила. Теперь суд будет разбираться.

— Суд уже разбирался, при аресте и продлении.

— Ну вот, опытный. Признаваться вам надо, может пожалеют немного.

— Признаваться? А в чем признаваться-то?

— В том, что здесь написано, в том и признаваться.

— Но там написано, что я в неустановленном месте в неустановленное время неустановленным способом изнасиловал неустановленное лицо.

— Да ладно. Ну вы, дедушка, даете! А у вас работает, что ли, аппарат еще?

— Вы что, дело не читали, когда обвинительное заключение утверждали?

— Я его не утверждал, его зам утверждал, а я проверял только перед утверждением.

— А как же вы проверяли, если вы не в курсе?

— Подожди! Так ты педофил, что ли? Я сейчас прочитал, что ты малолетнего растлевал.

— Никакой я не педофил. Это вы все пишете, что я педофил. А у самих ничего не установлено, все дело ваше сфабрикованное.

— А, ну ясно. Точно педофил. Я вашего брата много повидал. Еще и разговаривать с тобой стал зачем-то. Думал, ты нормальный, с женщиной в таком возрасте смог. Думал, тебя судья пожалеет, может, даже условно даст за такой старческий подвиг. А ты, значит, инструмент свой — и к детям. Ну ничего, скоро тебя кастрируют, скоро.

— Тебя самого кастрировать надо, щенок, чтобы ты не размножался! Достали вы меня все своими угрозами про кастрацию!

— Смотрите-ка, испугался! Правильно боишься, скотина! Скоро тебя чик — и всё. Подписывай давай расписку, мне ехать надо.

— Да будьте вы прокляты все, ничего не подпишу! Совсем уже с ума посходили. Кого я изнасиловал-то? Кого? Где этот человек?

— Суд разберется — где, кого и что. Так что зря вы, товарищ педофил, дергаетесь. Признались бы, сняли грех с души.

— Не в чем мне признаваться, не в чем! Хотя бы объяснили вы все, в чем я должен признаться.

— Читайте обвинительное заключение. Там все написано. До свидания!

— Ваша честь, можно вас на минутку?

— Да, Николай Николаевич, конечно.

— Ваша честь, я принял защиту по назначению и ознакомился с делом в отношении...

— Педофила, что ли?

— Ваша честь, он никакой не педофил. Там даже не установлено, кого он растлевал. Так и написано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Ни место, ни время, ни способ, ни потерпевший. Ни-че-го.

— Да не может быть! А кто расследовал? Министерство следствия?

— Министерство следствия.

— Какое?

— Центральное. Самое главное. Которое напрямую Кремлю.

— Николай Николаевич. Не может быть такого. Они опытные ребята, не могут ошибаться. Там и группа, наверняка, большая. Может, и генерал возглавлял даже. Сейчас мы дело вместе с вами посмотрим.

— Посмотрите, ваша честь, пожалуйста, посмотрите.

— Ну вот, конечно. Генерал расследовал. Генерал утверждал. Вот. Генерал-майор юстиции. Это какой генерал-майор? Не ему недавно верховный орден давал, а потом еще пистолет?

— Я не знаю, ваша честь. Я за таким не слежу.

— Точно ему. Ну вот, а вы говорите — плохо расследовано. Сейчас-сейчас. Вам вот наградной пистолет давали?

— Вы обвинение посмотрите, ваша честь.

— Подождите-подождите. Вот и паспорт этого хмыря. Ну, Николай Николаевич. Как же вам не стыдно меня, старика, обманывать. При всем моем добром отношении к вам, но это уже перебор.

— Что такое, ваша честь?

— Ну вот же его фотография. Явно же педофил. Борода, очки, седой, культурный. Точно-точно. Я таких насквозь вижу. Говорит еще, наверняка, с придыханием.

— Ваша честь, но обвинение почитайте!

— Николай Николаевич, а что это вы голос на меня повышаете? Вы на суд пытаетесь воздействовать? Не-процессуально?

— Ваша честь, да нет же, я возмущен просто, вот и решил подойти.

— Возмущены? А вы знаете, что все ваши возмущения только в процессе? Что будет, если все адвокаты будут ходить здесь и возмущаться? Работать когда? Слушать вот это все. Стоны ваши. Тем более неправдивые. Только что же разобрали дело с вами.

— Понятно, ваша честь. Генерал же подписал, награжден.

— Вы что мне ерничаете здесь?! Вы на что намекаете?! Вы сами-то не педофил случаем? Больно у вас интерес к этому делу! Скользкий вы какой! Напишу в вашу коллегия, чтобы вас заменили. Нездоровая какая-то ситуация. Может, вы вместе этого малыша с этим, как его там, бородатым вашим?

— Ваша честь, но...

— Я вам не ваша честь! У меня у самого внуки! Ни в какие ворота не лезет! За педофила пытается вопросы решать. Коррупционным способом! Приставы! Приставы!

Выведите его из моего кабинета. Завтра же напишу на замену адвоката...

— Добрый день!

— Добрый день! Вы почитали дело?

— Да, почитал. Это какой-то беспредел. Просто беспредел. Совершенно ничего нет.

— Ну вот, я же вам говорил.

— Говорили. Но я же не думал, что настолько!

— Но что же делать?

— Я не знаю. Дело в том, что меня отвели из дела через коллегия. Я подошел к судье, вежливо попросил обратить внимание на это дело, он стал кричать, что я пытался его подкупить. В общем, меня выгнали, заменили, и у вас будет другой адвокат в процессе. Я пришел попрощаться.

— Вы не можете вот так вот все бросить, Николай Николаевич! Пожалуйста! Мне ведь никто не верит, дело мое никто не читает. Вы прочитали. Один-единственный. Николай Николаевич, сделайте что-нибудь. У меня есть какие-то деньги, заключим соглашение. Защитите меня.

— Хорошо-хорошо. Дело здесь не в деньгах. Я буду вас защищать. Буду бороться. Верю, что вы не виноваты. Мы попробуем все это опровергнуть.

— Открывай давай, сейчас дверь ломаем!

— Что происходит?

— Открывай! Государственная безопасность. Обыск.

— Какой обыск?

— Открывай, у нас постановление суда!

— Какого суда? Что случилось?

— На почитай вот, урод, педофил.

— Какой педофил, что вы говорите такое? Я адвокат.

— Не знаю, какой ты адвокат, но урод ты конченный.
Почитай-почитай.

— Постановление. В неустановленном месте, в неустановленное время, неустановленным способом совершил насильственный половой акт в извращенной форме с неустановленным малолетним мужского пола. Изобличен заявлением и показаниями осужденного Сидорова, подвергнутого добровольно-принудительной кастрации и вставшего после этого на путь полного и безоговорочного исправления. Все понятно. Доброе утро, товарищи!

— И тебе не хворать! Рожу бы тебе набить, да суд и без нас разберется! Скоро будешь добрый и покладистый, как все нормальные россияне.

— Товарищ генерал, товарищ генерал! Здравия желаю!

— Здорово! Чего у тебя?

— Вот. Свежий обзор. Читали уже, что этот опять в своем интернете разжигает?

— Что там? Опять клеветает на нас?

— Опять. Насмехается, ерничает.

— Ну ничего. Скоро будет добрый и покладистый. Как все. Нормальные. Россияне.

Барон

Барон проснулся от жуткого грохота, раздававшегося откуда-то со стороны ворот в его с такой любовью выстроенный замок. Он протер глаза, понял, что еще совсем темно, и закричал:

— Дворецкий, что это за грохот в такую рань? Эй! Дворецкий!

Никто не откликнулся. Он вскочил с кровати, снова позвал дворецкого — и снова ему никто не ответил.

— Да что, черт возьми, здесь происходит? — выругался он и подошел к окну. По всему двору, грохоча железными коваными сапогами по каменному полу, бегали какие-то незнакомые люди в черном.

Он пошел было к двери в спальню, но та от резкого удара ноги внезапно отворилась, и в комнату вбежало несколько человек, одетых в черное. Лица воорвавшихся было невозможно рассмотреть, поскольку они были прикрыты масками.

— Кто вы такие и что себе позволяете? — закричал барон.

Один из мужчин, совсем молодой на вид, снял с лица маску и протянул руку навстречу барону:

— Здравствуйте, барон. Мы здесь по приказу графа Б. По его поручению вы должны быть препровождены в замок его высочества для дальнейших разбирательств.

Барон внимательно посмотрел на молодого мужчину. Тот был, действительно, совсем молод и достаточно дурно сложен. Лицо очевидно выдавало в нем человека неблагогородного происхождения, пожалованного в дворянство совсем недавно.

Барон немного приободрился. Уж этого щенка он сумеет выпроводить. — Графа Б? Но вы вообще знаете, кто я такой и чей правый сапог мне было доверено вытирать? — надменно обратился к вошедшему барон.

Мужчина немного виновато улыбнулся:

— О да, барон. Нам это известно. Поверьте, нам все про вас известно.

Барон понял, что земля уходит у него из-под ног. Им известно, чей правый сапог ему было доверено вытирать, но граф Б. все равно отдал приказ. Однако барон не был бы бароном, если бы окончательно потерял свою уверенность в этот момент.

— Начальник стражи! Начальник стражи! Ко мне! Выгнать этих проходимцев! — громко позвал он.

— Не надо никого звать, — все так же немного виновато пояснил молодой мужчина, — ваш начальник стражи тоже поедет с нами, он уже ждет в одной из карет.

— А начальник канцелярии где?

— И начальник канцелярии тоже поедет, и управляющий замком, и даже главный повар. Все уже ждут вас. Собирайтесь.

— Но вы-то кто, собственно, такой? — уже практически обреченно спросил барон.

— Я гвардеец графа Б. и слуга нашего великого короля! — вытянувшись в струну, практически прокричал мужчина.

— Слава нашему великому королю! — отозвался барон, возвел глаза в небо и истово перекрестился.

— Слава королю! — хором отозвались гвардейцы.

— А он в курсе, что здесь происходит? — с некоторой надеждой спросил барон.

— Его величество в курсе, — грустно и снова немного виновато пояснил молодой гвардеец.

— Но как же грамота, которую он обещал мне вручить послезавтра во дворце, ради которой я и прибыл столь спешно сюда с континента?

— Его величество в курсе, — все с той же спокойной грустью кивнул гвардеец.

И тут барон понял, что никакой грамоты ему никто не вручит, что он просчитался и не внял тем знакам, которые, теперь уже со всей очевидностью, ему посылала судьба. Это и правый сапог, от которого он был внезапно отлучен, и неожиданно холодный тон графа Б. на балу, и убежавший от него, как от прокаженного, при случайной встрече граф Ч., и, наконец, это приглашение во дворец, которому он так радовался...

— Послушайте, но, может быть, можно решить все это миром? Ведь наверняка же вы любите деньги? Поверьте, я сказочно богат, — заискивающе обратился он к молодому гвардейцу.

— Гвардейцы графа Б. служат только королю и выполняют только его волю, — резко повысив голос, закричал гвардеец.

— Слава королю, — обреченно отозвался барон.

— Слава королю! — хором закричали гвардейцы.

— Но что же со мной будет и с чем это все связано? — снова задал вопрос барон.

— Ваше имущество отдадут другим вассалам короля, жена станет наложницей, дети — рабами, а вас и всех ваших придворных слуг казнят. Таков закон. И вы сами это знаете, барон,— спокойно пояснил гвардеец.

— Но за что? За что мне все это? Я же всегда подчинялся всем правилам, вытирал правый сапог, целовал руки принцу и всем членам королевской семьи!

— Вы сами все знаете, барон.

— Неужели он? Граф А.? Все-таки решил прибрать к рукам все мои владения? Но он же сам занимается незаконной торговлей! Послушайте, он предатель короля! Я все вам расскажу! Да, я не святой! Но он, он — зло в чистом виде! Он замышлял заговор! За что вы так со мной! Пощадите! Я отдам все! Только не в замок графа Б.!

Гвардеец покачал головой:

— Простите, барон. Но нам запрещено долго разговаривать с преступниками. Вот, подпишите лучше бумаги и пройдемте в карету. Нас ждут.

Барон еще что-то кричал. Он кричал про конфликт с графом А. Предательство и колдовство со стороны последнего. Какие-то торговые операции. Обманы. Правый сапог, который ему было доверено целовать. Молодую красавицу жену. Мигрень, что мучает его по ночам. Кровохаркание, которым он страдает. Своего отца, всегда истово служившего королю и умершего на службе. Страх перед замком графа Б. Кары небесные. И еще о чем-то, уже совсем невнятном, но что должно было вселить жалость к нему.

Но гвардеец не слушал его. Он молча протянул барону какие-то бумаги и с неприязнью отвернулся от него, как от проклятого.

Барон затрясся, взял бумаги, мельком посмотрел на них, в ужасе закрыл лицо руками и зарыдал. Это было постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Барон обвинялся по ч. 3 ст. 210 УК РФ.

...В королевстве начинался новый день.

Кот

Хозяйка проснулась от того, что в кровать запрыгнуло что-то мокрое, холодное и сильно пахнущее ночной улицей.

— Кот, это ты?

Кот ничего не ответил, потому что, как известно, коты не умеют разговаривать. Он только еще сильнее прижался к ней своей мокрой и холодной шерстью.

Хозяйка невольно взвизгнула от холода:

— Да отодвинься ты! Шляешься где-то по ночам, а потом еще и прижимаешься как ни в чем не бывало.

Он немного отодвинулся, сел в кровати напротив нее и виновато потупил голову.

— Ну что ты молчишь? Где ты был? Почему я должна волноваться, не спать всю ночь, думать, что там с тобой?

Кот не отвечал, но взгляд его говорил о том, что виноватее существа в этом мире сейчас нет. Он не прав, он дико извиняется и готов искупить все свои ошибки.

— Опять притворяешься. Думаешь, что ты кот, я тебя люблю, и тебе поэтому все можно?! Как же ты меня замучил! Вот сейчас ты начнешь об меня тереться, будешь жалобно урчать и мяукать, я растаю, все прощу, а завтра ты опять убежишь в ночь...

Кот не отвечал. Он только негромко заурчал и попробовал снова прижаться к хозяйке, немного распушив свой длинный хвост.

Она задумчиво погладила его и вдруг отпрянула:

— Подожди-ка. Да ты весь в крови. Ты что, опять дрался с собаками и тебя опять отвалтузили как следует?

Кот громко и довольно замурчал.

— Ну что ты радуешься? Сколько уже можно? Тебя ведь когда-нибудь убьют! Тебе что, это в самом деле нравится?

Кот замурчал громче.

— Нравится, значит. Дурак ты. Обо мне совсем не думаешь. Ты ведь понимаешь, что они больше, что их много, но все равно лезешь к ним.

Кот молчал.

— Молчишь! Нечего тебе сказать... Ах да, ты же благородный. Ты же защищаешь кого-то там, ты лезешь в драку, когда обижают маленьких и несчастных. Призвание якобы. А я тебе скажу, что ты просто дурак, и вся жизнь твоя дурацкая! Думай обо мне! Ты мне нужен, не им. Ты должен греть мне ноги по ночам, а не будить меня под утро, заставлять переживать за тебя, не спать, плакать, пугаться. Не любишь ты меня, совсем не любишь, и сказать тебе на это нечего... Постой, куда ты?

Кот спрыгнул с кровати и куда-то скрылся. Впрочем, через минуту он уже снова был у нее в ногах, держа в зубах нечто большое, серое и дурно пахнущее.

— Что это? Опять убил для меня крысу? Пытаешься сказать, что ты охраняешь мой покой и заботаешься обо мне?

Кот с громким урчанием попытался подлезть к ней под одеяло.

— Послушай. Мне не нужна твоя крыса, мне не нужна твоя глупая забота, мне просто нужен ты. Здесь и сейчас, рядом.

Он снова виновато посмотрел на нее и начал деловито умывать лапами мордочку, делая вид, что речь идет не о нем, он не понимает, чего она хочет, и вообще давно ждет, когда любимая хозяйка сменит гнев на милость и призовет своего раба к себе.

— Ты мне определенно надоел. Давно пора найти себе другого кота, покладистого, доброго, который всегда будет под рукой, а не станет по ночам играть в благородство, драться с собаками и возвращаться под утро изорванным в клочья.

Кот обиженно фыркнул и отвернулся.

— Не нравится тебе! А мне, думаешь, нравится, когда я тебя лечу, кормлю, убираю за тобой?! Притворяешься, что не слышишь? Ну, конечно, неприятно тебе. Слушай, а может мне тебя кастрировать и запереть дома на ключ?

Кот аж подскочил, потом выгнул спину и зарычал.

Она невольно улыбнулась:

— Испугался. Какой же ты кот без своих любимых шариков. Ты же у нас самый красивый, тебя все любят и ценят.

Кот успокоился, разлегся на кровати и начал вылизывать то самое место, о котором шла речь.

Хозяйка неожиданно с силой хлопнула ладонью по кровати:

— А обо мне ты хоть раз думал? Тебя все любят, по тебе скучают, ты всем помогаешь. Про меня не забыл в этой цепочке? В чем твоя любовь заключается?

Кот снова принял виноватый вид, посмотрел на нее грустным взглядом и призывно замурчал.

— Ну вот хоть кто-то из тех, за кого ты дерешься, сказал тебе спасибо? Может, это они тебе раны перевязывают, к ветеринару возят после твоих побегов, переживают за тебя, дурака? Может, они заснуть не могут, когда не знают, где ты там шляешься? Ты за них дерешься, тебя бьют, а ведь они такие же, как и те, кто бьет. Еще и тоже пнут тебя при случае. Дурак ты, дурак!

Кот не отвечал. Он и не мог ответить, потому что коты разговаривать не умеют, но, если бы он мог произнести какие-то слова, то вид его ясно давал понять, что этими словами стали бы: «Люблю только тебя».

Хозяйка призывно похлопала ладонью по матрасу:

— Ну ладно, подойди.

Кот немедленно прыгнул ей на грудь и с выражением блаженства на милой (а кот умел казаться милым) мордочке начал топтаться передними лапами.

Она осторожно погладила его по голове и почесала за ухом.

Кот замурчал, после чего начал тереться головой об ухо, как бы требуя: еще гладь, еще.

Он был прощен. В доме воцарились мир, любовь и нежность.

Весь день кот не отходил от хозяйки, терся о руки, мурчал, бегал змейкой между ее ногами, то есть был самым преданным и любящим котом в мире. Впрочем, и она, и он знали, что ночью, когда хозяйка заснет, кот змеей выскользнет в открытое окно и вернется лишь под утро, побитый, уставший, но довольный собой. В этом была его кошачья сущность, и, наверное, если бы он был другим, она не смогла бы полюбить его так сильно. Она ворчала на него, ругалась, пыталась перевоспитать, хотя

в глубине души знала, что его не изменить, гордилась его любовью и была уверена, что он под утро вернется именно к ней. Он, конечно, был скотиной, этот кот, но он был ее скотиной (иногда она любя называла его «скотинкой»), и связывающую их веревочку было не развязать и не разрезать никакими ножницами.

Так повторялось изо дня в день и из ночи в ночь. Под утро кот возвращался к хозяйке, она ругала его, а он... он не мог ничего ответить, потому что коты не умеют разговаривать. Ему оставалось делать виноватый вид и вспоминать, что когда-то, в прошлой жизни, все это уже было. В той прошлой, когда он думал, что он крутой адвокат, а на самом деле был простым домашним котом, который почему-то любил хорошую драку с теми большими, сильными и гадкими, кто заведомо мог его хорошенько отлупить...

Теория причинной связи

— Передайте своему доверителю, что он перешел всякие границы, и отныне я буду работать на его уничтожение.

— Хорошо, передам. А что случилось-то?

— Жалобу на меня подал, скотина. И меня вчера депремировали.

— А жалобу на что?

— На то, что я нарушения по делу допустил.

— Ну так его законное право — жаловаться.

— Я значит, к нему по-человечески, а он на меня жалобы подает. Ничего плохого ему не сделал. Теперь он у меня попляшет.

— А ходатайство в суд об избрании меры пресечения не вы подписали? И обвинение вы предъявили, и дело сейчас в суд пытаетесь направить.

— Я. Но вы же знаете, как все это делается.

— Знаю. Но подписываете-то вы.

— Ой, уж вы-то меня должны понять, как все у нас происходит. Я ему никогда зла не желал.

— А отказаться вы разве не могли?

— Вы шутите, что ли? Кто моих детей тогда кормить будет? Хорошо, если меня просто уволят, а не как некоторых.

— Может, тогда и не стоит ничего доверителю передавать и говорить?

— Как это — не стоит? Я к нему с открытой душой, а он мне гадит ни за что.

— Ну ясно. Я ему все-таки, с вашего позволения, ничего передавать не буду, вы уж как-нибудь сами.

— Да уж, я как-нибудь сам. По всей строгости с ним.

— Удачи.

— Нет, ну вы видели, что эта коза вытворила?

— Какая коза?

— Да эта. Жена обвиняемого.

— А что она сделала?

— С детьми маленькими на продление стражи в суд пришла.

— Ну и что?

— Как что? Это же дети! Для них стресс. Они плакали. И вообще — все это шоу, на жалость давят.

— А от того, что их папу закрыли, у них стресса нет?

— Есть, конечно. Но это же не я закрыл.

— А кто?

— Суд.

— А ходатайство чье?

— Ходатайство мое. Но вы же сами понимаете, как у нас происходит. Мне сказали — я подготовил.

— А могли не готовить?

— Мог — не мог. Чего вы стрелки переводите? Вы, я смотрю, ее защищаете.

— Я не защищаю. Я просто хочу сказать, что дети в суде, потому что вы папу посадили, а другой возможности папу увидеть нет. Вы свидания не даете.

— Свидания не даю не я. Начальник.

— Начальник виноват, что папу посадили?

— Начальник не может быть виноват. Не провоцируйте меня.

— А зачем вы мне все это говорите?

— Да потому что возмущен я.

— Чем возмущены-то?

— Жена — коза. Детей в суд привела. Маленьких. Нельзя так. Стресс это для них.

— А вы теорию о причинной связи проходили в институте?

— Наверное. Я не помню. Я в институте не всегда на лекции ходил.

— Ну так в чем причина, что дети в суд пришли? В том, что их папу несправедливо посадили, или в чем-то другом?

— Конечно, в том, что мама их привела. Для пиара, между прочим.

— А. Ну ясно. Знаете, я тоже возмущен.

— Чем?

— Да много чем. Вы знаете, пора мне. Может, все-таки дадите свидание жене с детьми?

— Не положено. Это к начальнику вопросы.

— Ясно. Удачи вам.

— Хотел вам сказать, что вашего коллеги, второго адвоката, для меня просто не существует. Свинством он занимается.

— Каким свинством?

— Взял и выложил постановление о возбуждении дела в Интернет, сопровождал своими комментариями о незаконности, и теперь это все обсуждают.

— А он что-то нарушил разве?

— Посмотрим, проверим. Я сейчас рапорт пишу, чтобы проверку провели.

— Ну вот я вам разъясняю, что не так давно в статью 161 УПК внесены изменения, и сведения, которые оглашались в открытом судебном заседании, не могут быть тайной следствия. Это постановление он наверняка в суде получил при рассмотрении вашего ходатайства. В открытом заседании. Так что не тратьте лучше ни свое, ни его время на проверки.

— Да? Не знал. Но все равно это свинство.

— А в чем свинство-то?

— Выкладывать в общий доступ процессуальные документы по делу — свинство. Я ему этого не прощу.

— А возбуждать дело такое не свинство?

— Я его не возбуждал. Там другой следователь подписал.

— Вы не возбуждали, но расследуете и прекращать не собираетесь.

— Не собираюсь, конечно. Сами ведь должны понимать, что за дело. Или вы хотите, чтобы я тоже вашим клиентом оказался?

— Упаси Бог! Я просто к тому, что, может, причина не в адвокате, который постановление выложил, а в том, что нельзя такое дело возбуждать?

— Возбуждать — это возбуждать. Не возбуждать — нельзя. А вот выкладывать — не по понятиям. В одном мире же живем.

— То есть возбуждать необоснованно — это по понятиям, а рассказывать всем — не понятиям, так?

— Нет, не так. Чего вы вообще ко мне привязались? Мне работать надо.

— Я к вам вообще не привязывался. Я за отказом в ходатайстве зашел. А разговор о другом адвокате вы сами начали.

— Да? Ну я вижу, вы его действия одобряете? Может, это вы его и научили?

— Я не могу одобрять или не одобрять. Я только хочу сказать, что он вправе делать все, что разрешено законом, и защищать своего доверителя так, как он считает нужным. Он посчитал необходимым обнародовать процессуальный документ в целях защиты. Это его право, которое не может трактоваться как свинство.

— Нет, может. Свинство — и все. Против понятий.

— Наверное, понятия тоже бывают разные?

— Лучше такие, как у меня, понятия, чем такие, как у него.

— Я бы поспорил. Да, вижу, вам работать надо. Отказ на ходатайство дадите?

— Я вам почтой отправил.

— Что-то не получил.

— Почта плохо работает.

— А вы с компьютера распечатайте. Мне понять, какие там основания.

— Вы знаете, сейчас очень занят. Давайте завтра?

— Не готово еще, что ли?

— Ну вот, все вы понимаете. Завтра отдам, ок?

— Видимо, уже не все понимаю.

— Что, не расслышал?

— Да нет, ничего. Я завтра буду в ваших краях, зайду. Удаchi.

Ржавый бункер — моя свобода

Тебе 15, и ты в первый раз пробуешь водку. Забрались с пацанами после школы в заброшенный детский садик. Кто-то принес целых две бутылки. Стырил из дома, пока родители уехали. Стаканчиков нет, пьете прямо из горлышка. Закуски тоже нет, только заправка. «Буратино» или какая-то такая же шипучая, пахнущая пластмассой дрянь. Но вам все равно на вкус. Круто же, по-взрослому. У друга магнитофон. Врубает «Гражданку» «Государство». Орешь вместе со всеми: «Ржавый бункер — моя свобода, сладкий пряник засох давно». И припев. Все кричат: «Я убил в себе государство». И ты кричишь вместе со всеми. Петь не нужно. Нужно орать, как можно громче. И государства нет. И не будет. К черту государство. Вы убили его в себе. Еще по глотку водки. И запить пластмассовой жидкостью. А потом кидаться в ментов снежками. И убегать от них. И ржать в подъезде, что тебя не поймали, а друга поймали. Но скоро отпустят, ведь он несовершеннолетний, и ничего не будет. И маркером в лифте написать про лед под ногами майора. А потом пива. «Жигулевского» или «Пикур». Другого ведь в магазинах нет. Вернее, есть какой-то «Красный бык», импортный. Но это для богатых и совсем

взрослых, а вам лучше подешевле, и чтобы помощнее вставило. Потом, конечно, тошнит. В первый раз же водку, и пиво еще после. Тебе очень плохо. Блудеешь где-то за гаражами. Друг вытирает тебе лицо снегом. И жвачку потом какую-то термоядерную: «На, возьми, чтобы мама не учуяла». Свобода! Ее много, и кажется, что дальше будет еще больше. Вся жизнь впереди.

Тебе 26. Ты уже работаешь на государство, но еще веришь в свободу и пользу от твоей работы для людей. Хочется всем помочь, совершить что-то великое, и ты знаешь, что можешь это сделать. Идешь с другом на концерт «Гражданки». Друг фээсбэшник, и вам уже немного неловко все это видеть. Вам кажется, что вас окружают какие-то подростки, а вы уже старые для таких тусовок. Но потом Егор заряжает со сцены «Все идет по плану», и толпа кричит вместе с ним. И вы кричите. А потом пьете водку где-то за гаражами с незнакомым панком, запивая ее кока-колой из пластиковых стаканчиков и закусывая хлебом с какой-то мясной нарезкой. Вам мало, вы с другом идете в магазин и в подъезде догоняетесь пивом. Тебе хочется, как в 15, кидаться в ментов снежками, но друг останавливает: «Не надо, могут сообщить на работу». Выгнать — не выгонят, но по службе не продвинут. Лучше еще пива и орать песни. «Лед под ногами майора» или «Зоопарк». Все-таки Егор круто сочинил. Завтра суббота, можно прийти на работу попозже, поэтому еще по пиву.

Тебе 40. Ты уже не работаешь на государство, веришь только себе и нескольким близким людям. Помочь всем

не получилось, совершить великое тоже, но в принципе можно быть довольным жизнью. Кварту купил, дом построил, машина и водитель есть, дети в частной школе. За границей был. Раз в месяц ты встречаешься с другом, который бывший фээсбэшник, бухаешь с ним в каком-нибудь дорогом ресторане и бухтишь за жизнь. Встречаетесь вы чаще, у вас совместный бизнес. Друг, бывший фээсбэшник, организовал через своих несколько жирных контрактов, и вы вместе их отрабатываете. Бизнес идет хорошо, и с другом вам хорошо вместе. Есть о чем поговорить: книги, семья, путешествия. Но бухаете только раз в месяц: вы давно за здоровый образ жизни, фитнес, бассейн, йогу и 15 000 шагов в день. Обычно берете бутылку «Грей Гуса». Говорят, она самая чистая. Одной не хватает, и вы берете еще одну. Потом ты отпускаешь водителя, вы с другом идете до метро, берете по пиву и пьете у парапета. Иногда даже орете вместе «Гражданку». «Ржавый бункер — моя свобода, сладкий пряник засох давно». И обязательно припев: «Я убил в себе государство». Блевать не хочется. Приезжаешь домой и засыпаешь. Утром наливаешь чешского пива из холодильника. Сегодня суббота, на работу не идти. Можно отлежаться. Включаешь телек, щелкаешь каналы, потом останавливаешься на одном. Там какой-то попсовик, Лепс или Михайлов, ты вечно их путаешь, рычит «Гражданку». «Зоопарк». «Я ищу таких, как я, сумасшедших и смешных». Ты морщишься. Егор лучше пел, искреннее как-то, что ли. Потом думаешь: может, пива еще выпить? Другу позвонить? Но нет, он все равно откажется. Завтра фитнес, потом сауна и 15 000 шагов обязательно. Свобода? Кажется,

что ее мало или совсем не хватает, но потом работа, люди, встречи, и ты уже не успеваешь об этом думать. Только раз в месяц за бутылкой «Грей Гуса» в дорогом ресторане с другом, бывшим фээсбэшником, и думаешь, что хорошо бы что-то изменить...

Тебе 43. И спиртное ты не пьешь уже 2 года. И рад бы выпить, но в СИЗО нет возможности. Вернее, есть, но только для избранных. А ты обычный. И камера у тебя обычная, на восемь человек. Вас в ней 10. Но ты сидишь уже давно, поэтому у тебя есть свое собственное спальное место, а не раскладушка, как у некоторых. Вас взяли вместе с бывшим другом. Он сразу признался, поэтому уже вышел. На очной ставке наплел такое, что сидеть тебе еще года 4 при лучших раскладах. Говорил, что ты его вовлек, что все организовал и специально не исполнял жирные госконтракты. А ты исполнял, просто у заказчика поменялся главный, и тебе создали невыполнимые условия. На очной ставке ты спросил бывшего друга, помнит ли он детский садик, водку после пива и магнитофон с орущей «Гражданкой». Он только смотрел в пол и твердил: ты же все понимаешь. Ты и правда все понимаешь. У него жена болеет. А у тебя, в принципе, все нормально. Только дети учатся теперь в обычной школе. Но ты восстановишься. Во всяком случае, тебе хочется так думать. Сейчас надо только узнать итоговый срок, приговор не обжаловать и побыстрее в колонию, а там УДО. Если повезет. Судья говорит про последнее слово. Что сказать? Адвокат вчера объяснял, что абсолютно без разницы и никто не слушает. Ты облакачиваешься руками на стекло и поешь: «Ржавый бункер — моя свобода, сладкий пряник засох

давно». И припев. Ты практически кричишь: «Я убил в себе государство». Молодой мент смотрит на тебя укоризненно: чего кричать-то, разбудил своим криком, да и без разницы, никто не слушает. Судья наклонила голову и рисует на листочке какие-то узоры. Только адвокат как будто встрепенулся. Наверное, тоже государство убил в себе. А, может, просто расчувствовался.

В далеком будущем

Июль 2048 года выдался в Москве очень жарким. Но сейчас молодой адвокат кипел не только от жары, но и от возмущения:

— Ваша честь, Вы же слышали? Слышали, что только что произнес следователь?

Неопределенного возраста, с, по всей видимости, очень давно не мытыми волосами, судья недовольно открыла глаза, зевнула и гневно спросила:

— Адвокат, вы что, не понимаете, что сейчас три часа ночи, зачем так шуметь? У меня семнадцатый арест за сегодня,— после чего ласково посмотрела на следователя, сказала: «Продолжай, Сережа, только помедленнее, Маша записывать не успевает»,— и снова закрыла глаза.

«Сереже» было на вид лет 19, но он смотрелся столь надменно со своим выпяченным вперед животом, круглыми, холеными щеками и «ролексами» на запястье, что адвокат на всякий случай у себя в голове назвал его опытным сотрудником со стажем не менее двух лет. Впрочем, когда «Сережа» начал выступать, все впечатление солидности куда-то улетучилось, и адвокату стало даже жалко того, кого он жалеть в принципе был не должен. Выступать следователь не умел. Совсем. Он краснел, заикался, запинаясь, не мог сформулировать мысль, которая, вроде бы, была у него написана в оглашаемом тексте ходатайства. В какой-то

момент адвокат даже подумал, что и читать «Сережа» не умеет. Все это, однако, не могло отвлечь адвоката от самого главного — существа заявляемого ходатайства, на которое ему предстояло реагировать. «Сережа» просил уважаемый суд отсечь подозреваемому в качестве меры процессуального принуждения кисти обеих рук, а также стопы.

Выслушав выступление до конца и, по возможности, сдерживаясь, адвокат попросил у председательствующей разрешения задать следователю вопрос. Председательствующая молчала и чему-то улыбалась с закрытыми глазами, из чего адвокат сделал вывод, что вопрос задать все-таки можно. Он негромко прокашлялся и, в душе улыбаясь от мысли о том, как сейчас словесно разгромит своего противника, задал первый вопрос:

— Следователь, я не ослышался, — вы сказали, что необходимо отсечь кисти и стопы?

Следователь злобно посмотрел на него и ответил, что нет, он не ослышался.

— Позвольте, но кто же будет осуществлять данную, гм-гм, процедуру?

Неожиданно подскочил прокурор — пожилой мужчина, у которого почему-то под кителем была одета яркая оранжевая майка с большой надписью Gucсi:

— Ваша честь, прошу сделать адвокату замечание за то, что он ерничает над мерой процессуального принуждения, называя ее процедурой и ухмыляясь.

— Замечание, — все так же с закрытыми глазами пробубнила судья.

— Ваша честь, за что замечание? Это же бред какой-то — кисти отсечь, у нас что здесь — инквизиция? — вышел из себя адвокат.

— Господа, может быть, в коридоре будете орать? Еще раз вам говорю, что сейчас три часа ночи, и у меня семнадцатый арест.

— Арест, я подчеркиваю, арест, а не отсечение конечностей, — попытался перебить ее адвокат.

— Адвокат, еще одно замечание вам за неуважение к председательствующему. Вы будете задавать вопросы, или я уже могу удаляться в совещательную комнату?

— Извините, Ваша честь. Я, с вашего позволения, продолжу, — сказал адвокат и, обращаясь к следователю, язвительно повторил свой вопрос.

Следователь встал, покраснел и, глядя в пол, ответил:

— Я и отрублю ему, у меня и тесак с собой есть, и доверенность.

Адвокат тоже покраснел:

— Какая доверенность?

— Соответствующая, подписанная уполномоченным на то лицом, — ответил следователь, не поднимая глаза.

Однако адвоката этот ответ, очевидно, не устроил, и он продолжал напирать на растерянного «Сережу»:

— Может быть, вы предъявите сей документ участникам процесса?

Следователь сверкнул на него маленькими пороссячьими глазками и даже как будто с ненавистью пояснил, что «сей документ» он предъявит только председательствующей и только наедине в рамках режима конфиденциальности.

Адвокат, впрочем, не унимался:

— Сошлитесь хотя бы на норму закона, которая позволяет при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения отсекать подозреваемому конечности.

Тут он торжествующе обвел взглядом зал, понимая, какой эффект должен был произвести этот вопрос на присутствующих. Ожидаемого эффекта, однако, не последовало: судья, казалось, окончательно задремала, а прокурор, не обращая внимания на происходящее, играл на своем планшете в какую-то компьютерную игру. Только подозреваемый, казалось, проявлял какой-то интерес к процессу, но и он скорее был недоволен активной позицией своего защитника, потому что все время шептал: «Алексей Степанович, прошу, помягче с ними, а то сейчас мне и голову отрубят».

Внезапно закричал со своего места, а потом и медленно, как бы нехотя, поднялся прокурор, который совершенно бесцеремонно прервал очередной вопрос защитника и, обращаясь к суду, произнес:

— Наталья Леонидовна, давай заканчивать эту клоунаду. Ну очевидно же, что адвокат работает на публику и отрабатывает свои деньги. Чего тут разбираться. Я ходатайство поддерживаю, оно заявлено уполномоченным на то лицом, согласовано с тем, с кем положено. Сроки заявления ходатайства соблюдены, а по существу дела мы сейчас не разбираемся. Это все при рассмотрении по существу пусть говорит. Полагаю, что ходатайство надо удовлетворить и разойтись по домам.

— Спасибо за такое содержательное выступление, Дмитрий, — завершила его выступление судья и, обращаясь к адвокату, спросила: — Желаете еще что-то возразить?

— Да, желаю. Конечно, желаю, — загрохотал взбешенный защитник. — Такой нормы процессуального принуждения, о которой говорит следователь, нет! Ее не существует, понимаете вы или нет?

— Адвокат, что вы так волнуетесь? — с каким-то интересом впервые взглянула на него судья, — вы же не в театре, держите себя в руках.

— Ваша честь, да мне просто обидно! Я пять лет учился в университете, потом три года работал помощником адвоката, мечтал об этой профессии — и все для того, чтобы слушать этот бред, не основанный на законе?! Бред о том, как моему подзащитному сейчас отрубят конечности, хотя ему даже обвинение еще не предъявлено! — с этими словами адвокат зарыдал.

Прокурор неожиданно встал со стула, подошел к адвокату, присел рядом и приобнял его:

— Милый мой, ну чего ты горячишься? А мне, думаешь, не обидно: с девяти до девяти здесь за гроши сижу, а мог бы где-нибудь в банке, на теплом месте штаны просиживать. Нервы, опять же, эти, переживания, депрессировали недавно. Ну ты что, ну не плачь, на вот, — он протянул адвокату платок.

Адвокат вытер выступившие от обиды слезы, махнул от досады рукой, обхватил голову, как будто закрывшись от всего мира в домик, и замолчал.

— Ну вот, довели человека. Маша, беги в совещательную за коньяком, — закудаhtала неожиданно ставшая совсем доброй судья и, уже сурово обращаясь к подозреваемому, повысила голос: — Все вы, Петров! Не могли сразу сказать, что согласны? Адвоката своего доводите до инфаркта. А если он загнется здесь, кто за это ответит?

Подозреваемый из клетки заискивающе заулыбался:

— Ваша честь, да согласен я, согласен. Если можно только, правую кисть сохраните хотя бы, она мне по работе нужна. Это все он, сам, неверную тактику выбрал.

— Ну что, сохраним ему правую? — обвела судья взглядом зал.

— Сохраним, сохраним, — хором ответили прокурор со следователем, после чего прокурор снова приобнял адвоката, над которым, казалось, взял шефство: — Соглашайся, по опыту тебе говорю, соглашайся, такое счастье редко само в руки плывет. Видать, понравился ты ей, хоть и молодой.

Адвокат окончательно вытер слезы платком, высморкался и, уже практически не волнуясь, произнес:

— Уважаемый суд, защита солидаризируется с позицией подозреваемого и просит отсечь ему все конечности, кроме правой кисти, которая необходима ему для работы. Соответствующие документы готовы предоставить в дальнейшем.

— Ну вот и все, и молодец, и хорошо сказал, душевно так, а главное, коротко. Как надо выступил, — показал ему большой палец прокурор.

Суд удалился в совещательную комнату, а уже на следующее утро газеты пестрели заголовками о громкой победе молодого адвоката и его блестящем выступлении, склонившем чашу судебных весов в сторону справедливости. Молодой адвокат внезапно ощутил себя знаменитым, когда сам маэстро судебных баталий, один из самых уважаемых защитников по уголовным делам дружески похлопал его по плечу при следующей встрече.

— Коля, просыпайся, просыпайся, ты что задремал, — кто-то достаточно сильно хлопал его по плечу, — тебя зовут, иди же, заседание начинается.

Молодой адвокат проснулся, понял, что весь этот жуткий, не соответствующий действительности бред ему только приснился, он сидит на скамеечке возле зала судебного заседания и сегодня у него ответственный день: первые в жизни прения. Как бы отряхиваясь от ужасного сна, он потянулся, похлопал себя по щекам и быстро шагнул в зал заседаний.

Он выступал долго, и его выступление в защиту подсудимого казалось ему прекрасным. Он тщательно подготовился к этим прениям и чувствовал, что подготовка не прошла даром. Вначале он сослался на все процессуальные нарушения, потом кратко, но весьма убедительно разгромил позицию обвинения, а затем уже перешел в деталях к описанию собственной картины произошедшего, которая не имела ничего общего с преступлением. Внезапно он ощутил, что ему в лицо несильно врезалось нечто мягкое и бумажное. Белый самолетик, свернутый из листа формата А4. Сидевший напротив прокурор весело помахал ему рукой и показал на самолетик. Адвокат прервался, развернул самолетик, на котором было написано: «Извините, вам еще долго выступать, у меня автобус в 18—10?»

Рассердившись за то, что его прервали, адвокат гневно скомкал бумажку и бросил ее на стол рядом с собой, однако продолжить речь не успел, поскольку судья, обращаясь к нему, спросила:

— Адвокат, может перейдем к последнему слову? И так ведь все понятно. Если что, секретарю в письменном виде передадите текст, она в протокол внесет.

Он растерянно оглянулся на подсудимого. Тот откровенно дремал, подложив под голову том с обвинительным

заклЮчением. Адвокат покраснел, захотел было крикнуть: «Вы что, меня все здесь не слушаете?» — но потом вспомнил, что это, скорее всего, опять очередной жуткий сон и сейчас он проснется. Он попытался незаметно ущипнуть себя за ногу, но проснуться у него почему-то не получилось...

Ты родился

Ты родился? Поздравляем! Пока ты еще не можешь говорить, но скоро мама и папа расскажут, что тебе очень повезло. Ты рожден в великой стране. Но факт рождения в великой стране порождает и великую ответственность. Все мы ответственны за будущее страны. И ты, маленький гражданин, теперь ответственен. Твои мама и папа тоже ответственны. Дедушка и бабушка, дядя и тетя и все-все жители великой страны. А раньше были ответственны прадедушка и прабабушка, которыми ты должен гордиться. Ведь они подарили тебе будущее, строя различные каналы, дороги и прочие важные сооружения, сейчас по причине заговорщицких действий всякого рода предателей и шпионов, будь они прокляты, приведенные в негодность. В Уголовном кодексе больше 350 статей, и все они могут быть применены к тебе. Если ты, конечно, не будешь гордиться своими предками, чтить историю, ежесекундно молиться, превышать скорость, смотреть телевизор, прививаться от ковида, которого в нашей стране никогда и не было в силу силы нашей медицины, а главное, любить все то, что любит каждый достойный гражданин. Будь осторожен, маленький человек. Мы всегда рядом и поможем тебе не ошибиться. Начиная с 7 лет ты можешь попасть в спецприемник за различные правонарушения, а с 14 лет — практически в

полноценную колонию для малолетних преступников. С 18 лет у тебя начнется настоящая жизнь, и колония может быть тоже настоящей, а наказание суровым. Помни все это, маленький гражданин, и гордись всем тем, что тебе даровано. Мы будем рядом.

Всегда твои. Работники федерального агентства в ранге министерства по надзору, контролю, пресечению, наказанию, исполнению и уголовной политике Министерства просвещения и милости имени Нестора Махно.

P.S. Тортика нет. Его сыну заместителя министра подарили. Но вот тебе пошлина на рождение. Оплати, пожалуйста, в трехдневный срок.

P.P.S. Добро пожаловать. Если что, после смерти тебя тоже ждет сюрприз. Ее в нашей великой стране тоже нет. Но об этом ты узнаешь позже.

Содержание

Единственная надежда.....	3
В порядке гуманизации.....	12
Полковнику никто не пишет.....	19
«Жил-был пес» на новый лад.....	28
Последняя инстанция.....	32
Снег.....	41
Пирожки с капустой.....	44
Лучше помучиться.....	50
Театр.....	57
«Куры-утки». Пьеса.....	60
Слава российской полиции.....	72
Как у Льва Николаевича.....	81
2020.....	91
Гав-гав.....	97
Растрата (пьеса).....	101
Гарпун.....	107
Режиссер.....	117
Экспертиза.....	123
В пользу государства.....	129
Три поросенка.....	136
Помог человеку.....	144

Тоска	151
После апелляции	156
Самый сексуальный адвокат вернулся	160
Народ	169
Помидор	172
Кошечка	177
Она была очень красива	179
Крот	187
Горошек	196
Самый востребованный адвокат	203
Педофил	206
Барон	215
Кот	220
Теория причинной связи	225
Ржавый бункер — моя свобода	230
В далеком будущем	235
Ты родился	243

Литературно-художественное издание

Андрей Гривцов

К последней инстанции

Художник — *Вера Демьянова*

Редактор — *Ольга Баранова*

Сдано в набор 23.09.2021.

Гарнитура «Liberation Serif».

Формат 60х84/16. Бумага офсетная.

Тираж 1000 экземпляров. Заказ № 303.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su